

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КЪ LXXI-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.

№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Ч. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерсъ и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книшля, въ Ригѣ.

Цена 95 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1892 г.

Непрежънный Секретарь, Академикъ *А. Штрауцъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Отчетъ о тридцати четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1892 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.....	1—18
I. Исторія русской этнографіи, А. Н. Пыпина: Т. I. Общій обзоръ изученій народности и этнографіи великорусская. Спб. 1890. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографіи великорусская. Спб. 1891. Томъ III. Этнографіи малорусская. Спб. 1891. Т. IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892. Рецензія академика К. Н. Бестужева-Рюмина.....	19—48
II. Императрица Марія Теодоровна (1759—1828). Ея біографія. Составилъ Е. С. Шуми горскій. Т. I. Рецензія академика Н. Ѳ. Дубровина.....	49—56
III. С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Rise common wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891. Отзывъ профессора С. Ѳ. Платонова.....	57—88
IV. О сочиненіяхъ А. С. Архангельскаго: Къ изученію древне-русской литературы. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. (Обозрѣніе рукописнаго матеріала). Спб. 1888 г., 146 стр. — Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—II. Казань, 1889. III. Казань, 1890. IV. Казань, 1890. 208+118+228 стр. Рецензія Ив. Н. Жданова.	84—125
V. К. А. Докучаевъ-Басковъ. Подвижники и монастыри крайняго сѣвера. Рецензія ординарнаго профессора Ив. Некрасова.....	126—141

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 сентября 1892 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А.
Штраухомъ.

Въ соисканіи наградъ гр. Уварова въ настоящемъ году участвовало 11 сочиненій, въ числѣ которыхъ было одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса.

Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академикомъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Гр. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, А. А. Куника и Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія cadaго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока комиссія признала необходимымъ 2 сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывомъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ соискательныхъ трудовъ, положила одному присудить *полную*, а двумъ сочиненіямъ *неполную* награды.

Увѣнчанное *большою* наградою сочиненіе принадлежитъ члену-корреспонденту Академіи А. Н. Пыпину и озаглавлено: *Исторія русской этнографіи*. 4 т. Спб. 1890—91.

Разсмотрѣніе этого сочиненія комиссія поручала академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

Этнографія, по справедливому замѣчанію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, принадлежитъ къ числу такихъ отраслей знанія, которыя развились преимущественно въ XIX в. Въ прежнія времена встрѣчаются, правда, болѣе или менѣе точно собранныя свѣдѣнія о народахъ, главнымъ образомъ въ трудахъ путешественниковъ, посѣщавшихъ отдаленныя страны, встрѣчается сознание о научной и преимущественно практической пользѣ этихъ свѣдѣній, встрѣчается иногда опытъ примѣненія ихъ къ исторіи или къ теоріи права, но научная обработка этого знанія и требованіе строго научнаго метода, при самомъ собираніи данныхъ, является дѣломъ XIX в.

Вліяніе возрастающаго чувства національности, выразившагося въ романтизмъ, вниманіе къ интересамъ массъ и т. д. усиливало, по замѣчанію ученаго рецензента, и интересъ этнографическій, а общее научное движеніе текущаго вѣка придало ему научную форму. Въ XIX в. этнографія вступаетъ въ тѣсную связь съ другими отраслями знанія — съ *лингвистикою*, указывающей связь развитія языка съ развитіемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, — съ *археологіею*, изучающею въ вещественныхъ памятникахъ древніе обычаи и вѣрованія, слѣдъ которыхъ нерѣдко сохраняется въ современности; — съ *исторіею*, которая все болѣе и болѣе стремится обратиться въ изображеніе народной жизни въ ея вѣковыхъ измѣненіяхъ съ создающеюся теоріею развитія общества (*соціологіею*); являются попытки основать эту послѣднюю исключительно на этнографіи; наконецъ этнографія тѣсно сплачивается съ *антропологіею* — естественной исторіею человѣка.

Это взаимодѣйствіе разныхъ отраслей знанія вноситъ въ каждую изъ нихъ свѣжую струю и усиливаетъ требованіе научности въ каждой изъ нихъ. Съ своей стороны и этнографія, изучая народы въ ихъ настоящемъ состояніи, даетъ матеріалъ для всѣхъ этихъ наукъ и безъ ея помощи не могутъ существовать ни лингвистика, ни антропология, ни соціология, ни наконецъ исторія, коль скоро пониманіе народнаго духа въ его развитіи во времени становится главною ея цѣлью. Не менѣе важно значеніе этнографіи и для практической жизни такъ какъ укореняется и распространяется

сознаніе того, что первая обязанность администраціи считаться съ бытовыми свойствами данной націи и что, ведя народъ впередъ, она должна опираться на существующее. Собираніе свѣдѣній объ обычномъ правѣ является яркимъ результатомъ этого сознанія. Такимъ образомъ сознаніе, что новое лишь тогда прочно, когда оно не противорѣчитъ народному духу, обращается уже въ общее мѣсто. Вотъ почему, по компетентному мнѣнію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, широкое распространеніе того, что добыто этнографіею, обобщеніе ея результатовъ составляетъ насущную потребность современной науки и общественной жизни.

Въ этомъ сознаніи А. Н. Пыпинъ и предпринялъ обширный трудъ обозрѣть историческое развитіе русской этнографіи, причеиъ само собою должны были обозначиться какъ результаты сдѣланнаго, такъ и задачи для будущихъ дѣятелей. Г. Пыпинъ пишетъ давно и его литературная физиономія уже вполне выяснилась. Извѣстно, что, въ предшествовавшихъ своихъ главныхъ трудахъ, А. Н. Пыпинъ преслѣдовалъ задачу, вполне отвѣчающую современнымъ требованіямъ—изложить развитіе науки и литературы въ связи съ состояніемъ общества; этой же темѣ посвященъ и новый трудъ его.

Изслѣдованіе свое авторъ располагаетъ по отдѣльнымъ отраслямъ русской народности.

Не имѣя возможности слѣдовать за рецензентомъ шагъ за шагомъ въ его любопытномъ изложеніи взглядовъ г. Пыпина, мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ обозрѣніемъ части этого труда чтобы ознакомить васъ, М. Г., хотя бы поверхностно съ тѣми интересными и разнообразными темами, которымъ посвященъ изобилующій ученостью трудъ почтеннаго автора.

Два первые тома посвящены обзору изученія народности въ Россіи; г. Пыпинъ начинаетъ съ введенія, гдѣ устанавливается общій взглядъ на значеніе научнаго просвѣщенія, принесеннаго въ началѣ XVIII в. на развитіе народнаго самосознанія. Свое изложеніе г. Пыпинъ заключаетъ словами: «Материалъ этнографіи — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію народности. Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія», — такимъ образомъ европейская наука является орудіемъ для изученія народности, а изученіе это служитъ средствомъ для правильной постановки вопросовъ общественныхъ.

За введеніемъ слѣдуетъ общее обозрѣніе развитія этнографическихкихъ изученій съ начала XVIII в. Здѣсь авторъ останавливается

преимущественно на изученіи великорусской народности, — результатомъ всѣхъ изученій является сближеніе общества съ интересами народа. Слѣдующая глава озаглавлена «Наука и народность». Выходя изъ того положенія, что отношеніе науки къ жизни было рационалистическое и утилитарное, авторъ слѣдитъ за тѣмъ и другимъ и преимущественно за рационалистическимъ, а представителей этого послѣдняго видитъ, между прочимъ, въ Татищевѣ и Болтинѣ; въ трудахъ ихъ г. Пыпинъ тщательно отмѣчаетъ вліяніе европейской науки. Далѣе очерчиваются кн. Щербатовъ и Миллеръ, характеризуется дѣятельность академическихъ и столичныхъ ученыхъ.

Слѣдующая глава, послѣдняя посвященная XVIII в., представляетъ развитіе литературнаго языка трудами Ломоносова, Тредьяковскаго, пр. Алексѣева и тогдашнихъ ученыхъ учреждений. Глава эта, по отзыву акад. Бестужева-Рюмина, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги, ибо здѣсь собраны и провѣрены наблюденія, уже сдѣланныя, и представлены самостоятельныя соображенія автора объ интересуемомъ его предметѣ. Глава эта заканчивается общимъ выводомъ о вліяніи науки на русское общество XVIII в.

Времени Александра I авторъ отдѣляетъ одну главу, гдѣ прежде всего останавливается на Карамзинѣ и освѣщаетъ его дѣятельность сравненіемъ съ Радищевымъ; въ послѣднемъ авторъ видитъ представителя здравыхъ взглядовъ на народъ. Осуждая воззрѣнія Карамзина, и общественныя и историческія, г. Пыпинъ признаетъ за нимъ нравственное чувство и талантъ и ставитъ Карамзина, какъ историка, выше кн. Щербатова. Отъ Карамзина авторъ переходитъ къ романтизму Жуковскаго и вѣрно указываетъ на то, что народный элементъ, хотя и признаваемый этимъ писателемъ до нѣкоторой степени, измѣняется у него подъ вліяніемъ романтическихъ взглядовъ. Конецъ главы посвященъ обзору дѣятельности историковъ и археологовъ, преимущественно составлявшихъ кружокъ гр. Румянцева; изъ нихъ авторъ съ особенною подробностью останавливается на Калайдовичѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ разсматривается дѣятельность цѣлаго ряда писателей (Надеждина, Сахарова, Снегирева, Пассека, Дала и т. д.). По мнѣнію акад. Бестужева-Рюмина, авторъ здѣсь едва ли не слишкомъ обширно для своей темы останавливается на критической дѣятельности Надеждина.

Послѣдняя глава I тома называется «Этнографическій элементъ

въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ». Взглядъ автора выражается слѣдующимъ образомъ: «Народная стихія явилась у Пушкина, какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, и въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ; затѣмъ у Гоголя укрѣпляется она въ могущественномъ реализмѣ, а у преемниковъ его выражается въ любовномъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка».

Первая глава II тома посвящена характеристикѣ 40-хъ годовъ; — здѣсь авторъ останавливается на дѣятельности отечественныхъ ученыхъ, возвратившихся въ ту пору изъ за границы, — на вліяніи европейской школы, исторической и филологической, при чемъ въ частности разсматривается дѣятельность Соловьева, Кавелина, Калачова, Забѣлина, Буслаева и Аванасьева; въ концѣ главы г. Пыпинъ касается общаго настроенія эпохи и того, какъ готовилось общественное мнѣніе къ освобожденію крестьянъ. Вслѣдъ за сороковыми годами авторъ характеризуетъ пятидесятые, дѣятельность Бодянского, Рыбникова, Якушкина, Шейна и Максимова, а расширение этнографическихъ изслѣдованій приписываетъ начавшемуся періоду реформъ.

Третья глава посвящена дѣятельности высокодаровитаго Ѳ. И. Буслаева, къ которой авторъ относится вполне сочувственно, хотя и разсматриваетъ эту дѣятельность съ точки зрѣнія господствующей школы и, по преимуществу, останавливается на отношеніяхъ Буслаева къ Гриму.

Въ слѣдующей IV главѣ оцѣнивается дѣятельность А. Н. Аванасьева; по мнѣнію нашего почтеннаго товарища, съ дѣлаемою здѣсь авторомъ оцѣнкою нельзя не согласиться, ибо дѣятельность Аванасьева представляетъ теперь интересъ развѣ только историческій, и даже собраннымъ имъ матеріаломъ можно пользоваться, провѣряя его критически. Надписаніе пятой главы «Новая ступень этнографическихъ изысканій» даетъ общее опредѣленіе ея содержанія. Въ частности авторъ въ этой главѣ характеризуетъ усиленіе историко-литературныхъ изысканій въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ, и затѣмъ изображаетъ дѣятельность акад. Тихонравова, Котляревскаго, недавно умершаго члена-корреспондента нашей Академіи проф. Потемни, В. В. Стасова и П. А. Лавровскаго.

Глава VI трактуетъ о новой исторической литературѣ по отно-

шенію къ изученіямъ народности и заключаетъ въ себѣ общій, довольно полный обзоръ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣдніе годы русскую историческую науку, каковы напр. первоначальный бытъ русскаго племени, происхождение русскаго государства, характеръ московскаго періода, значеніе реформъ Петра Вел. и т. д.

Глава VII посвящена спеціально дѣятельности К. С. Аксакова, глава VIII—новымъ изслѣдованіямъ и спорнымъ вопросамъ о русскомъ народномъ эпосѣ, глава IX — трудамъ академиковъ А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича.

Глава X посвящена общему обзору изученій народной жизни за послѣднее десяти-лѣтіе и разсматриваетъ труды по различнымъ отраслямъ исторіографіи, а равно дѣятельность ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ ученыхъ.

Глава XI касается изображенія народа въ литературѣ, при чемъ авторъ показываетъ, что если литература до-реформенная отличалась больше художественностью, то литература позднѣйшаго времени болѣе реальна.

Наконецъ, послѣдняя XII глава II тома касается такъ называемаго *народничества*, при чемъ очерчиваются писатели, изображавшіе народный бытъ: Мельниковъ, Кохановская, Лѣсковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій и т. д.

На этомъ мы, чтобы не утомлять вашего, М. Г., вниманія, здѣсь и остановимся въ нашемъ перечнѣ любопытныхъ и разнообразныхъ матерій, которыя разработаны у г. Пыпина и ограничимся замѣчаніемъ, что столь же всеобъемлюще исчерпываются авторомъ въ III и IV томахъ его капитальнаго изслѣдованія этнографіи малорусская, бѣлорусская и сибирская.

Свое общее заключеніе авторъ заканчиваетъ слѣдующими, заслуживающими полного сочувствія словами: «Въ трудахъ по этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное, сознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло».

Усматриваемые рецензентомъ въ сочиненіи г. Пыпина недостатки, по его отзыву, значительно перевѣшиваются достоинствами и сводятся къ нижеслѣдующему:

1) Исключенію изъ области изслѣдованія какъ этнографіи средней Азіи, такъ и Кавказа; составляетъ это тѣмъ болѣе замѣтный пробѣлъ, что библиографическій матеріалъ для Кавказа въ частности

имѣется и въ «Библиографіи» Міансарова, и въ трудѣ нашего товарища Н. Ѳ. Дубровина.

2) Раздѣленію предмета по отдѣламъ русскаго племени, отчего происходятъ повторенія и является затруднительнымъ охватить въ полной мѣрѣ развитіе русской этнографіи.

3) Неравномѣрности въ изложеніи и предоставленіи слишкомъ широкаго мѣста невидному въ ущербъ болѣе крупнымъ явленіямъ; и 4) Отведенію слишкомъ большаго простора полемикѣ.

Тщательное и подробное рассмотрѣніе обширнаго труда А. Н. Пыпина, «который долженъ сдѣлаться настольною книгою для всѣхъ интересующихся русской исторіею и этнографіею», приводитъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ заключенію, что этотъ трудъ вполне заслуживаетъ увѣнчанія большою Уваровскою наградю, такъ какъ авторъ очень удачно овладѣлъ обширнымъ и новымъ матеріаломъ, проявилъ большую начитанность, далъ массу вѣрныхъ характеристикъ и представилъ много поучительныхъ указаній для занимающихся.

Мамія Уваровскія преміи присуждены нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

А) Е. С. Шумигорскій, *Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828)*, т. I.

Разсмотрѣніе сочиненія этого комиссія поручала академику Н. Ѳ. Дубровину.

Сочиненіе, представленное г. Шумигорскимъ на соисканіе Уваровской преміи, составляетъ 1-й томъ его обширнаго труда и по мнѣнію нашего почтеннаго товарища, этотъ трудъ не маловаженъ для пониманія внутренней и лишь отчасти для политической жизни Россіи. До настоящаго времени въ русской исторической литературѣ, за исключеніемъ труда члена-корреспондента Академіи Д. Ѳ. Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», имѣлись лишь отрывочныя свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни и дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны, котораго касается г. Шумигорскій въ своемъ изслѣдованіи. Свѣдѣнія эти не были сведены въ одно цѣлое и не были дополнены ни иностранными источниками, ни доселѣ неизданными документами, какіе хранятся въ нашихъ правительственныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ.

Трудъ г. Шумигорскаго состоитъ изъ XII главъ, обнимающихъ жизнь императрицы Маріи Ѳеодоровны со дня ея рожденія по кончину императрицы Екатерины II.

Говоря о происхожденіи будущей русской императрицы, ея рожденія и юности, авторъ посвящаетъ всю первую главу своего изслѣдованія описанію жизни и быта разныхъ мелкихъ германскихъ правителей XVIII вѣка. При этомъ нельзя не замѣтить, что авторъ, прибѣгаетъ не рѣдко къ разсказу, не опирающемуся на факты и, руководствуясь лишь однимъ наведеніемъ или предположеніями, — впадаетъ въ методъ, не безопасный для историка, такъ какъ здѣсь возможны заблужденія, ошибки, ложныя заключенія, что конечно подрываетъ довѣріе читателя къ выводамъ автора. Самъ г. Шумигорскій сознается въ скудости источниковъ, относящихся до раннихъ лѣтъ Маріи Ѳеодоровны, но это однако же не помѣшало ему охарактеризовать родителей будущей императрицы, семейную обстановку, условія жизни и первоначальное воспитаніе молодой принцессы. И надо отдать справедливость г. Шумигорскому, все это имъ изложено, по признанію рецензента, съ большими подробностью и умѣніемъ въ группированіи фактовъ, и такимъ образомъ характеристика Маріи Ѳеодоровны, за этотъ періодъ ея жизни, явилась весьма типичною и вполне законченною. Не менѣе удачны: характеристика Маріи Ѳеодоровны, какъ великой княгини (глава IV), оцѣнка личности Павла Петровича, отношеніе велико-княжеской четы къ императрицѣ Екатеринѣ II и къ своимъ германскимъ родственникамъ. О воспитаніи дѣтей велико-княжеской четы въ биографіи Маріи Ѳеодоровны (глава V) свѣдѣній почти не встрѣчается. Правда, что воспитаніе первыхъ двухъ сыновей, Александра и Константина, не принадлежало родителямъ, но воспитаніе дочерей предоставлено было полной ихъ волѣ. Говоря о воспитаніи двухъ старшихъ сыновей и видя въ Александрѣ будущаго наследника русскаго престола, г. Шумигорскій естественно увлекается преимущественно его воспитаніемъ, а о Константинѣ говоритъ сравнительно мало и какъ бы вскользь. Объяснять это недостаткомъ матеріала нѣтъ причины, потому что сохранились донесенія о ходѣ занятій Константина Павловича и учебныя его тетради.

Описаніе путешествія велико-княжеской четы по Европѣ въ 1781 и 1782 г.г. составляетъ одну изъ наиболѣе обширныхъ главъ (гл. VI) сочиненія и вноситъ нѣсколько новыхъ данныхъ, заимствованныхъ авторомъ изъ неизданныхъ писемъ Маріи Ѳеодоровны, хранящихся въ архивахъ. При этомъ авторъ не столько касается

внѣшнихъ подробностей путешествія, сколько того вліянія, какое новыя лица и обстановка оказывали на высокыхъ путешественниковъ; г. Шумигорскій ясно показываетъ, что именно изъ заграничной поѣздки Павелъ Петровичъ вывезъ поклоненіе Фридриху, увлеченіе прусскими порядками и прусскою муштровкою войскъ; что онъ, не раздѣляя политики своей матери, завелъ во вредъ Россіи тайныя сношенія съ Берлиномъ, и наконецъ «не усумнился даже играть роль развѣдчика при дворѣ своей матери, сообщая королю интересныя для него политическія свѣдѣнія».

Въ дальнѣйшихъ главахъ своего труда, основываясь на неизданныхъ до сихъ поръ документахъ, авторъ сопоставляетъ не мало новыхъ данныхъ о семейной и загородной жизни наслѣдника русскаго престола и его супруги. Эта часть изслѣдованія вноситъ въ исторію императора Павла совершенно новыя свѣдѣнія и подробно знакомитъ съ устройствомъ Павловска и Гатчины, съ занятіями Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, какъ помѣщика и помѣщицы, и съ домашнимъ кружкомъ, среди котораго они проводили время и интересами котораго жили.

Подробное разсмотрѣніе вышеозначеннаго труда приводитъ рецензента къ заключенію, что г. Шумигорскій работалъ преимущественно по первоисточникамъ, а потому имѣлъ возможность сообщать не мало цѣнныхъ историческихъ фактовъ, впервые являющихся въ печати. Если въ вѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчается неудачный подборъ источниковъ, а равно допускаются гадательныя обобщенія и выводы по наведенію, то въ общемъ авторъ, вполне овладѣвъ собраннымъ матеріаломъ, даетъ довольно полную и вѣрную картину жизни императрицы Маріи Ѳедоровны и характеристику лицъ, ее окружавшихъ въ этотъ періодъ времени. Имѣя въ виду, что достоинства труда значительно превышаютъ недосмотры, всегда неизбѣжныя въ подобномъ обширномъ изслѣдованіи, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ просилъ Академію Наукъ удостоить сочиненіе Шумигорскаго преміи графа Уварова.

Б) С. М. Середонинъ. *Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ.*

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія, Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи къ проф. С.-Петербургскаго университета Платонову, который составленнымъ имъ подробнымъ отзывомъ оказалъ комиссіи существенное содѣйствіе въ дѣлѣ оцѣнки труда г. Середонина.

Самъ авторъ при объясненіи того, какимъ образомъ онъ пришелъ къ разработкѣ этой темы, замѣчаетъ, что «вторая половина XVI вѣка — одна изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ въ русской исторіи» и что изученіе ея затруднено недостаткомъ данныхъ. «Едва ли можно разсчитывать», говоритъ г. Середонинъ, «на появленіе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ документовъ по этой эпохѣ — содержанія, доселѣ не извѣстнаго; поэтому дальнѣйшее изученіе ея мнѣ представляется возможнымъ или въ подробной переработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, хотя-бы кажущихся мелкими на первый взглядъ, или въ критической разработкѣ главныхъ источниковъ, въ тщательной провѣркѣ извѣстій, которыми пользовались многіе. Я избралъ этотъ послѣдній путь; мнѣ казалось, что разборомъ источника, очень богатаго по содержанію своему, очень хорошо извѣстнаго въ научной литературѣ, я и самъ ближе подойду къ рѣшенію наиболѣе важныхъ вопросовъ интересовавшего меня времени и, быть можетъ, окажу посильную помощь другимъ, кто долженъ будетъ обратиться къ сочиненію Флетчера». Всѣ эти соображенія г. Середонина, въ общемъ, правильны. Въ самомъ дѣлѣ, пока не явится увѣренности, что въ библіотекахъ и архивахъ таятся невѣдомыя еще данныя по исторіи московскаго внутренняго быта XVI вѣка — Флетчеръ будетъ считаться въ этомъ отношеніи однимъ изъ главныхъ источниковъ, критическая обработка котораго можетъ ввести изслѣдователя въ разумнѣе эпохи и дать результаты не только историографическаго, но и собственно историческаго характера. Удачный выборъ источника оправдываетъ избранный изслѣдователемъ путь изученія эпохи и дозволяетъ автору заключить въ форму историко-критическаго этюда рядъ цѣнныхъ историческихъ разысканій. Служа для самого автора удобнымъ средствомъ ознакомленія съ извѣстнымъ періодомъ нашей исторіи, его изслѣдованіе, по отзыву пр. Платонова, обогащаетъ науку пересмотромъ темныхъ вопросовъ этого періода и попытками новаго ихъ рѣшенія. Такимъ образомъ сдѣланный г. Середонинымъ выборъ темы оказывается основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится изученіе московской жизни XVI вѣка.

Эти предварительныя замѣчанія о свойствахъ темы г. Середонина сдѣланы здѣсь съ тою цѣлью, чтобы показать, въ какое невыгодное положеніе поставилъ себя авторъ, посвятивъ свои силы и способности на изученіе не прямо фактовъ, а источниковъ эпохи. Нѣтъ нужды доказывать, замѣчаетъ ученый рецензентъ,

что содержаніе книги г. Середонина даетъ читателю болѣе чѣмъ общааетъ ея заглавіе, но, съ другой стороны, много не имѣющихъ цѣны мелочей не только вводятся авторомъ въ повѣствованіе, но прямо таки обременяютъ книгу ненужнымъ балластомъ.

Какъ авторъ понялъ свою задачу, самъ онъ объясняетъ въ предисловіи: «Задачей своей я считалъ опредѣлить достоинство какъ всего сочиненія «Of the Russe Common Wealth», такъ и отдѣльныхъ сообщеній Флетчера. Я предпослалъ систематическому разбору извѣстій Флетчера введеніе, гдѣ изложены біографія писателя, содержаніе его сочиненія и общія критическія замѣчанія объ отношеніи автора къ предшествовавшимъ трудамъ, такъ и къ устнымъ сообщеніямъ. Здѣсь же я далъ общій обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи, написанныхъ до появленія книги Флетчера.... Самыя извѣстія я раздѣлилъ на четыре главы: 1) историко-географическія извѣстія; 2) извѣстія о населеніи, его бытѣ внѣшнемъ и экономическомъ; 3) извѣстія о власти, ея отношеніи къ подданнымъ, къ церкви, къ думѣ боярской, къ собору; 4) извѣстія объ управленіи — административномъ, церковномъ судопроизводствѣ, финансовомъ и военномъ.... Въ заключеніи я свелъ итоги изслѣдованія и далъ общую характеристику труда Флетчера (стр. II—III)».

Такимъ образомъ въ изложеніи результатовъ своей работы г. Середонину пришлось ограничиться лишь внѣшнимъ порядкомъ въ расположеніи матеріала, объемъ и содержаніе котораго зависѣли отъ того, какія извѣстія Флетчера оказывались цѣнными послѣ ихъ критическаго изученія. Съ другой стороны, это критическое изученіе не всегда бывало возможно въ одинаковой мѣрѣ: нѣкоторыя извѣстія Флетчера вполне поддавались повѣркѣ, благодаря существованію иныхъ данныхъ о томъ же предметѣ; въ другихъ случаяхъ можно было давать лишь частный комментарий къ тексту Флетчера; въ третьихъ, наконецъ, нечѣмъ было повѣрять и оставалось только приводить и объяснять общими соображеніями показанія Флетчера. Это обстоятельство, по заключенію пр. Платонова, заставляло автора неоднократно измѣнять самый характеръ изложенія труда: отъ детальнаго изслѣдованія какого либо вопроса, затронутаго Флетчеромъ, переходитъ къ простому пересказу текста Флетчера и обратно. Такимъ образомъ, въ книгѣ Середонина слѣдуетъ видѣть не развитіе одной темы, а скорѣе избраніе историческихъ темъ, неравномѣрно обработанныхъ и рас-

положенныхъ въ послѣдовательности чисто внѣшней, заимствованной авторомъ, такъ сказать, извнѣ.

Въ заключеніе своей интересной рецензіи, подводя итоги сказанному, проф. Платоновъ приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Выборъ темы, сдѣланный г. Середонинымъ, должно признать основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится теперь изученіе XVI вѣка нашей исторіи.

2) Тема эта имѣетъ нѣкоторыя методологическія неудобства въ томъ смыслѣ, что лишаетъ трудъ г. Середонина единства содержанія и равномѣрности въ критической разработкѣ частей.

3) Исполненіе темы въ общемъ нельзя не признать удовлетворительнымъ и вполне научнымъ. Планъ изложенія задуманъ, за немногими исключениями въ частностяхъ, удачно, а общіе приемы изслѣдованія опредѣлены правильно. Критическая провѣрка сообщеній Флетчера произведена въ ученое отношеніи самостоятельно; для этой провѣрки привлеченъ обширный и хорошо подобранный матеріалъ.

4) Недосмотры и промахи автора большею частью оказываются прямымъ послѣдствіемъ неудобствъ самой темы изслѣдованія. Многообразіе сообщеній Флетчера и необходимость для ихъ провѣрки перебрать весьма обширный матеріалъ требовали отъ изслѣдователя обширнѣйшихъ познаній по исторіи цѣлой эпохи. Въ большинствѣ случаевъ авторъ съ честью преодолевалъ трудности своего изслѣдованія, но иногда допускалъ оплошности и въ подборѣ матеріала, и въ изложеніи.

5) Изслѣдованіе г. Середонина привело къ положительнымъ результатамъ: трудъ Флетчера не только оцененъ въ отношеніи его ученой пригодности, но попутно, при обсужденіи отдѣльныхъ показаній Флетчера, г. Середонинъ успѣлъ внести нѣчто новое и въ изученіе вообще Московской исторіи XVI вѣка, предлагая или новый матеріалъ, или новые домыслы.

Эти самостоятельные экскурсы, какъ и прочія части книги, свидѣтельствуютъ, что въ лицѣ г. Середонина русская наука приобретаетъ изслѣдователя—хорошо подготовленнаго къ дѣлу, способнаго совершенно самостоятельно и съ большимъ остроуміемъ поставить вопросъ и довести его разрѣшеніе до опредѣленнаго вывода, наконецъ способнаго излагать ученый матеріалъ съ безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ.

Въ виду изложеннаго рецензентъ полагаетъ, что трудъ г. Середонина вполне достоинъ искомой награды.

Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ соисканіи, комиссія признала достойными премій сочиненія А. С. Архангельскаго и К. А. Докучаева-Баскова, но, за раздачею всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи денежныхъ наградъ, комиссія на основаніи § 16 п. I правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, могла имъ присудить лишь *почетный отзывъ*.

1. Сочиненіе г. Архангельскаго имѣетъ общее заглавіе: *«Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности»*.

Оцѣнка этого труда была для Академіи значительно облегчена прекрасною рецензіею проф. Жданова.

Давъ своему труду общее заглавіе: «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности», г. Архангельскій, конечно, не могъ не ограничить столь широкой задачи, и дѣйствительно онъ разсматриваетъ далеко не всѣхъ тѣхъ церковныхъ писателей, произведенія которыхъ извѣстны по славянскимъ переводамъ, а лишь нѣкоторые, наиболѣе распространенныхъ. Нѣкоторыя изъ произведеній древне-церковныхъ учителей г. Архангельскимъ изъ круга разсматриваемыхъ памятниковъ совершенно исключаются, а именно произведенія религіозной поэзіи, молитвы и пѣсни.

Наконецъ, говоря о древне-русской письменности, г. Архангельскій останавливается, какъ на позднѣйшемъ ея предѣлѣ, на XVI вѣкѣ. О переводахъ XVII столѣтія попадаются въ трудѣ изслѣдователя лишь отрывочныя, мимоходныя упоминанія.

Что авторъ сочиненія далеко не вполне исчерпалъ свою тему и не далъ рѣшенія всѣмъ вопросамъ, какіе представляются при изученіи славяно-русскихъ переводовъ свято-отеческихъ твореній, понятно само собою — для такого результата потребны соединенныя усилія многихъ работниковъ. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію компетентнаго рецензента, заслуга г. Архангельскаго неоспорима, такъ какъ онъ даетъ болѣе или менѣе значительныя дополненія къ трудамъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей древней письменности и способствуетъ къ болѣе точному выясненію мѣста, занимаемаго въ исторіи русской образованности переводно-патристическою литературою.

Трудъ г. Архангельскаго есть плодъ его ознакомленія, — частью при помощи «описаній», частью же путемъ автопсія, — съ московскими рукописными собраниями, а также съ библіотекой Казанской духовной академіи (Соловецкія рукописи). Изъ другихъ рукописныхъ собраний чаще всего встрѣчаются указанія на рукописи Царскаго (теперь графа Уварова). Въ Петербургскихъ библіотекахъ г. Архангельскій, повидимому, не работалъ и лишь изрѣдка упоминаетъ о рукописяхъ Петербургской Публичной библіотеки, ссылаясь на описаніе рукописей гр. Толстаго, или на сообщенія Ив. Ае. Бычкова.

Собранные г. Архангельскимъ литературные факты раздѣлены имъ на два отдѣла. Отдѣлъ первый («Къ изученію древнерусской литературы») представляетъ общее обзорѣе рукописнаго матеріала въ тѣхъ предѣлахъ, которые нами были указаны выше. Второй отдѣлъ («Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій») состоитъ изъ четырехъ главъ: I. Житія Антонія Великаго и св. Аванасія. II. Вопросы и отвѣты Аванасія къ кн. Антиоху. III. Паренесисъ Ефрема Сирина и IV. Творенія Іоанна Златоустаго въ древне-русскихъ измарагдахъ.

Данныя, собранныя г. Архангельскимъ въ первомъ отдѣлѣ изслѣдованія, располагаются по смѣшанному плану. Всѣ писатели распределены авторомъ на три группы. Къ первой группѣ отнесены рядъ церковныхъ учителей (числомъ до 20), произведенія ихъ извѣстны по древне-славянскимъ переводамъ, которыми г. Архангельскій и дѣлаетъ общій сводъ. Вторую группу составляютъ (вѣрнѣе должны бы были составлять) писатели, переводы которыхъ явились на Руси, а къ третьей группѣ отнесены переводы сербско-аонскіе.

Существенный недостатокъ перваго отдѣла разсматриваемаго труда проф. Ждановъ, по справедливости, усматриваетъ въ неудовлетворительности самаго плана работы; распределеніе переводныхъ сочиненій частью по авторамъ, частью по мѣсту и времени перевода, — представляетъ, по отзыву проф. Жданова, быть можетъ свое удобство, но эта двойственность группировки порождаетъ важный недостатокъ разбросанности, невыгодно отразившейся на нѣкоторыхъ страницахъ сочиненія г. Архангельскаго.

Что касается извлеченій изъ рукописей и опытовъ историко-литературныхъ изученій, собранныхъ г. Архангельскимъ во II отдѣлѣ его изслѣдованія, то по отзыву рецензента, они даютъ обильный матеріалъ для знакомства съ нѣкоторыми памятниками

переводной письменности, а опыты историко-литературныхъ изученій представляютъ рядъ цѣнныхъ наблюдений и указаній, помогающихъ разбраться въ такомъ обширномъ и сложномъ литературномъ матеріалѣ, каковы напр. разнообразные Вопросы и Отвѣты или Поученія, подписываемые именемъ Іоанна Златоуста.

Вопросъ о вліяніи на нашу словесность той патристической литературы, знакомство съ которой распространялось путемъ переводовъ, не входилъ въ предѣлы той задачи, какую себѣ поставилъ г. Архангельскій, но онъ далъ поводъ автору мѣстами отмѣтить вліяніе того или другаго церковнаго писателя на нашу отечественную литературу. По поводу этихъ сближеній и припоминаній рецензентъ считаетъ себя въ правѣ высказать сожалѣніе, что ихъ слишкомъ мало. Г. Архангельскій старается, повидимому, воздерживаться отъ накопленія литературныхъ сопоставленій; поэтому онъ не указываетъ на сходство изслѣдуемыхъ имъ памятниковъ съ произведеніями русской письменности порою даже тамъ, гдѣ это сходство невольно бросается въ глаза, а между тѣмъ изученіе подобныхъ литературныхъ «реминисценцій», по замѣчанію рецензента, важно не только для сужденія о начитанности нашихъ древнихъ писателей, но и для опредѣленія состава тѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній, которыя раскрываются въ важныхъ и замѣчательныхъ памятникахъ нашей письменности.

Оканчивая разборъ сочиненія г. Архангельскаго, ученый рецензентъ заявляетъ, что его замѣтки могли явиться только какъ плодъ живаго интереса, вызваннаго ознакомленіемъ съ обширными и полезными разысканіями рецензируемаго изслѣдователя и признаетъ эти послѣднія вполне заслуживающими поощрительной преміи.

2. К. А. Докучаевъ-Басковъ, *«Подвижники и монастыри крайнюю северя»*.

Разборъ этого сочиненія былъ съ обязательною любезностью составленъ, по приглашенію комиссіи, г. ректоромъ Новороссійскаго университета пр. Некрасовымъ.

Трудъ г. Докучаева-Баскова представляетъ описаніе 12 монастырей и пустынь, за немногими исключеніями находящихся въ Олонецкой губерніи, а потому эта работа составляетъ изученіе монастырскаго вопроса по цѣлой губерніи, отличавшейся обиліемъ монастырей въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Изслѣдованіе такого цѣльнаго вопроса желательно какъ для исторіи русской церкви, такъ и для русской

исторіи вообще. Съ исторіею монастырей Олонецкой губерніи тѣсно соприкасается вопросъ о колонизаціи Олонецкаго края вообще, въ которомъ Рыбниковъ и Гильфердингъ отъ потомковъ этихъ колонистовъ записали множество раннихъ памятниковъ народнаго творчества, вынесенныхъ ихъ предками изъ ихъ метрополиі, а именно изъ странъ Кіевскихъ, Черниговскихъ и другихъ. Описанія, подобныя сдѣланному г. Докучаевымъ-Басковымъ, вообще представляютъ не мало интересныхъ данныхъ о первоначальномъ устройствѣ монастырей и пустынь на лучшихъ мѣстахъ, при озерахъ, при рѣкахъ и въ густыхъ чащахъ лѣсовъ, и подтверждаютъ, что уже послѣ монастырской колонизаціи остальныя лучшія мѣста для поселенія доставались на долю колонизаціи дворянской, помѣщичьей.

Въ своемъ трудѣ г. Докучаевъ-Басковъ старается опредѣлить время основанія cadaго монастыря или пустыни, онъ входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, кто былъ основателемъ, и что успѣлъ сдѣлать для монастыря; авторъ касается также дѣятельности послѣдующихъ строителей. Сообщая означенныя данныя, авторъ, по отзыву пр. Некрасова, въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ неточности въ исторіи російской іерархіи.

Останавливаясь на энергіи и мощи духа основателей пустынь и ихъ продолжателей-строителей, г. Докучаевъ-Басковъ приводитъ матеріалы для характеристики упадка духа благочестія и нравственности между монахами, предъ временемъ ихъ упраздненія особенно въ XVIII вѣкѣ.

Далѣе у г. Докучаева-Баскова помѣщены жизнеописанія преподобныхъ Кирилла Челмскаго и Діодора Юрьегорскаго. Оба эти жизнеописанія до сихъ поръ не были изданы, а потому обнародованіе ихъ составляетъ заслугу автора. Но онъ ничего не замѣтилъ относительно того, что житія эти собственно не составляютъ открытія и были уже ранѣе извѣстны ученымъ, наприм., члену-корреспонденту нашей Академіи проф. В. И. Ключевскому, у котораго имѣлся въ рукахъ списокъ древней редакціи житія и чудесъ Кирилла Челмскаго и списокъ изъ Милютинскихъ Миней житія Діодора Юрьегорскаго.

Въ своемъ трудѣ г. Докучаевъ-Басковъ останавливается не мало на монастырскихъ описяхъ. Распространено мнѣніе, будто въ монастыряхъ древней Руси скоплены были страшныя богатства, неисчерпаемое количество вещей и подѣлокъ изъ драгоценныхъ металловъ и камней. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

монастыри были выдающимися въ этомъ отношеніи, но большинство обителей было, на оборотъ, скорѣе бѣдно и, по приводимымъ у Докучаева-Баскова даннымъ, къ послѣднему разряду слѣдуетъ отнести почти всѣ монастыри и пустыни Олонецкой губерніи. Такъ напр. хотя въ описяхъ, рассмотрѣнныхъ нашимъ авторомъ, перечисляется масса иконъ, но по нимъ нельзя судить ни о характерѣ письма ихъ, ни объ ихъ древности; ясно одно, что въ XVI и XVII вѣкахъ въ Олонецкихъ монастыряхъ мало даже дѣлалось ризъ на иконы, и онѣ оставались открытыми для глазъ богомольцевъ. Правда, упоминаются кое гдѣ иконы, покрытыя серебряными ризами, но преобладаютъ снабженныя лишь серебряными вѣнцами.

Изъ напечатанныхъ г. Докучаевымъ-Басковымъ описей и прихода-расходныхъ книгъ монастырскаго имущества видно далѣе, что въ монастыряхъ и пустыняхъ кромѣ хлѣбопашества было заведено молочное хозяйство, которое своимъ примѣромъ, конечно, должно было оказать вліяніе на окрестныхъ жителей, что и подтверждается дѣйствительностью.

Въ описяхъ монастырскихъ вообще не безынтересный отдѣлъ составляетъ описаніе книгъ и рукописей. Изъ изданныхъ г. Докучаевымъ-Басковымъ описей мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ Олонецкихъ монастыряхъ, впрочемъ не многихъ, имѣлись и этого рода богатства.

Всѣ вышеозначенныя свѣдѣнія г. Докучаевъ-Басковъ черпаетъ изъ прихода-расходныхъ книгъ монастырскихъ; описи эти найдены изслѣдователемъ въ архивахъ разныхъ монастырей и впервые имъ изданы; было бы, по мнѣнію рецензента, желательно, чтобы этотъ примѣръ вызвалъ дальнѣйшія подражанія, такъ какъ монастырскіе обиходники составляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи нашего быта.

По авторитетному отзыву профессора Некрасова, главное достоинство настоящаго труда заключается въ обнародованіи многихъ новыхъ памятниковъ нашей древней письменности, въ томъ, что авторъ воспользовался первоисточниками, рукописными матеріалами. Авторъ разобралъ архивъ Спасо-Каргопольскаго монастыря, воспользовался архивами и другихъ монастырей и пустынь. Оказывается даже, что нѣкоторые изъ крестьянъ обладали архивными матеріалами, съ которыми г. Докучаевъ-Басковъ не упустилъ случая ознакомиться. Собранный такимъ образомъ архивный матеріалъ, по признанію г. Докучаева-Баскова, напечатанъ имъ цѣликомъ, безъ всякаго измѣненія слога, что, конечно, нельзя не вѣнчить

въ заслугу автору, но этотъ послѣдній къ сожалѣнiю, упустилъ опредѣлить вѣкъ рукописей и характеръ письма, которымъ онѣ написаны.

Въ заключенiи своей рецензiи пр. Некрасовъ признаетъ трудъ г. Докучаева-Баскова полезнымъ вкладомъ въ число изслѣдованiй и матеріаловъ для изученiя исторiи русской церкви и русской исторiи вообще, а автора достойнымъ награжденiя малою Уваровскою премією.

По присужденiи премiй комиссiя въ изъявленiе глубокой признательности отъ имени Академiи положила *золотыя* Уваровскія медали, для рецензентовъ установленныя, — назначить постороннимъ ученымъ, существенно способствовавшимъ къ правильному разрѣшенiю задачи комиссiи своими отзывами, а именно: профессору Историко-Филологическаго института И. Н. Жданову, ректору Императорскаго Новороссійскаго университета И. Ст. Некрасову, профессору Императорскаго Спб. университета С. Ѳ. Платонову, Е. М. Прилежаеву и старшему хранителю Императорскаго эрмитажа А. И. Сомову.

I.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ, А. Н. ПЫПИНА:

- Т. I. Общий обзор изученной народности и этнография великорусская. Спб. 1890.
- Т. II. Общий обзор изученной народности и этнография великорусская. Спб. 1891.
- Т. III. Этнография малорусская. Спб. 1891.
- Т. IV. Белоруссия и Сибирь. Спб. 1892.

Рецензия академика К. Н. Бестужева-Рюмина.

Этнография принадлежит к числу таких отраслей знания, которые развились преимущественно в XIX в. В прежние времена мы встречаем больше или меньше точно собранные сведения о народах, преимущественно в трудах путешественников, посетивших отдаленные страны; встречаем сознание научной и преимущественно практической пользы этих сведений (напр. у нас в известной инструкции Татищева); встречаем иногда опыт применения их к истории (у Вольтера) или к теории права (у Монтескье); но научная обработка их и требование строгого научного метода при самом собирании есть дело XIX в. Влияние возраждающегося чувства национальности, сказавшегося в романтизм, внимание к интересам масс и т. д. усилило и интерес этнографический; а общее научное движение придало ему научную форму.

В XIX в. этнография входит в тесную связь с другими отраслями знания: с лингвистикой, указывающей связь развития языка с развитием народных верований и обычаев, с археологией, изучающей в вещественных памятниках древние обычаи и верования, следы которых нередко сохраняются и в современности (такъ называемыя переживания), с историей, которая все больше и больше стремится обратиться в изображение народной

жизни въ ея вѣковыхъ измѣненіяхъ; съ создающейся теоріей развитія общества (то, что называется соціологіей); являются попытки основать эту послѣднюю исключительно на этнографіи (Летурно); наконецъ съ антропологіей, естественной исторіей человѣка. Это взаимодействие разныхъ отраслей знанія вноситъ въ каждую изъ нихъ новую струю и усиливаетъ требованіе научности въ каждой изъ нихъ. Такъ лингвистика и связанное съ нею изученіе древнихъ религій уясняетъ для этнографа происхожденіе многого, что онъ наблюдаетъ въ настоящемъ; исторія указываетъ тѣ вліянія, подъ которыми образовался народъ и открываетъ возможность искать связей между народами нынѣ удаленными другъ отъ друга, но нѣкогда имѣвшими связи по происхожденію и языку или географическія по мѣсту жительства или торговли, и наконецъ, что важнѣе, изображая условія жизни въ разные времена, уясняетъ что привилось къ народу и что отпало отъ него и почему. Антропологія стоитъ на пути дать возможность опредѣлять народы по физическимъ особенностямъ. Въ настоящее время еще не найдено способа соплащать показанія лингвистики съ показаніями антропологіи; дальнѣйшее развитіе вопроса о смѣшанныхъ породахъ должно поставить и это дѣло на прочномъ основаніи. Съ своей стороны этнографія, изучая народы въ ихъ настоящемъ состояніи, даетъ матеріалъ для всѣхъ этихъ наукъ: безъ ея помощи не могутъ существовать ни лингвистика, ни антропологія, ни соціологія, ни наконецъ исторія, коль скоро пониманіе народнаго духа въ его развитіи во времени становится ея главною цѣлью. Не менѣе важно значеніе этнографіи для практической жизни: сознаніе того, что первая обязанность администраціи считается съ существующимъ и, ведя народъ впередъ, опираться на существующее, становится болѣе и болѣе общимъ. Собираніе свѣдѣній объ обычномъ правѣ является яркимъ результатомъ этого сознанія. Сознаніе, что новое лишь тогда прочно, когда оно не противорѣчитъ народному духу, обращается уже въ общее мѣсто. Недавно въ одномъ журналѣ встрѣтили мы чрезвычайно мѣтко и ясно выраженной эту мысль нашего времени: «прошлое можетъ намъ не нравиться, но чтобы создать будущее, намъ нужно съ нимъ считаться» («Ист. Вѣстн.» 1891, № 11, 405).

Вотъ почему широкое распространеніе того, что добыто этнографіей, обобщеніе ея результатовъ — составляетъ насущную потребность и науки и общественной жизни. Это созналъ А. Н. Пыпинъ и предпринялъ обширный трудъ — обозрѣть историческое раз-

витіе русской этнографіи, при чемъ сами собою должны были обозначиться результаты сдѣланнаго и задачи для будущихъ дѣятелей. А. Н. Пыпинъ пишетъ давно и его литературная фізіономія уже вполне выяснилась. Извѣстно, что въ главныхъ своихъ трудахъ, каковы: «Общественное движеніе при Александрѣ I», «Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ», «Бѣлинскій. Его жизнь и переписки», онъ преслѣдуетъ одну задачу — изложить развитіе науки и литературы въ связи съ состояніемъ общества. Той же темѣ посвященъ и новый его трудъ. Такая задача самая благодарная и наиболѣе соответствующая современнымъ требованіямъ науки; но самое важное условіе для удовлетворительнаго исполненія ея — объективность взгляда и изложенія. Авторъ очевидно стремится къ объективности, но его способъ изданія своихъ трудовъ первоначально въ журналѣ, и притомъ въ журналѣ съ опредѣленнымъ образомъ мыслей, вводитъ его часто въ полемику, иногда и ненужную для научныхъ цѣлей. Далѣе мы подтвердимъ это положеніе примѣрами. Прибавимъ еще, что первоначальное появленіе книги въ видѣ журнальныхъ статей неблагоприятно отразилось и на ея построеніи: иное вышло слишкомъ пространно, а другое слишкомъ коротко; примѣры увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же, приступая къ обзорѣ новаго труда А. Н. Пыпина, считаемъ долгомъ обратить вниманіе на его высокое достоинство, придающее ему важное значеніе въ развитіи русской науки: принимаясь за предметъ новый, никѣмъ не затронутый во всемъ его объемѣ авторъ познакомился съ нимъ широко и многосторонне; ввелъ въ свое изложеніе изслѣдованія лингвистическія, историческія, экономическія и юридическія, характеризовалъ беллетристику изъ народнаго быта. Весь свой матеріалъ онъ пересмотрѣлъ и многое внимательно изучилъ. Масса прочитанныхъ имъ книгъ поражаетъ. Сверхъ того, вѣрный своей постоянной задаче, онъ поставилъ развитіе русской этнографіи въ связь съ развитіемъ общественности. Выводы его могутъ вызвать возраженія, но мы убѣждены въ томъ, что каждый добросовѣстный ученый долженъ будетъ, внимательно прочитавъ «Исторію русской этнографіи», признать за авторомъ широкое научное и литературное образованіе, обширныя знанія, замѣчательное трудолюбіе и стремленіе воздать каждому должное, насколько, конечно, это послѣднее возможно при томъ свойствѣ работы, о которомъ говорили выше. Трудъ свой авторъ расположилъ по отдѣльнымъ отраслямъ русской народности: въ двухъ

первыхъ томахъ, послѣ общаго обзора изученія народности въ Россіи, помѣстилъ онъ обзоръ изученія этнографіи Великорусской; въ третьемъ — Малорусской; въ четвертомъ — Бѣлорусской и Сибирской. Такое распредѣленіе, если и можетъ быть удобно для лицъ, спеціально изучающихъ ту или другую отрасль русскаго племени, то крайне затрудняетъ изученіе общаго хода развитія этнографическихкихъ знаній въ Россіи: однѣ и тѣ же имена встрѣчаются въ разныхъ томахъ: Максимовичъ въ I и III, Срезневскій во II и III, академики-путешественники въ I и IV и т. д. Одни и тѣ же теченія повторяются и въ той и другой отрасли; если есть особенности: напр. связь украинской польской поэзіи съ малороссійской этнографіей, польскія изученія Бѣлоруссии, то они могли бы эпизодически появиться въ общемъ изложеніи; тогда можетъ быть и опредѣлилась бы болѣе точно относительная важность того и другаго явленія: такъ біографія Хадановскаго заняла бы гораздо менѣе мѣста, чѣмъ занимаетъ теперь. Впрочемъ мы вполне понимаемъ, что такое расположеніе было вызвано невозможностью сразу охватить весь многообразный матеріалъ, еще до сихъ поръ и несобранный. Такая частичная его обработкѣ является слѣдственно необходимостью, и если мы остановились на этомъ вопросѣ, то лишь какъ на теоретическомъ указаніи того, что было бы желательно и что можетъ появиться или въ переработкѣ самого автора или въ трудѣ другаго лица; а матеріала для такой переработки собрано весьма много и сдѣлано много цѣнныхъ указаній.

Изложеніе свое авторъ начинаетъ со Введенія, въ которомъ устанавливаетъ общій взглядъ на значеніе научнаго просвѣщенія, принесеннаго къ намъ въ началѣ XVIII в., въ развитіи народнаго самосознанія. Свое изложеніе заключаетъ онъ такими словами: «Матеріалъ этнографіи — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея — путь къ опредѣленію народности. Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія». Слѣдственно, европейская наука есть орудіе для изученія народности, а изученіе это — средство для правильной постановки вопросовъ общественныхъ. При такомъ взглядѣ нужна ли та полемика противъ славянофильства, которую ведетъ А. Н. Пыпинъ, какъ въ своемъ введеніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги? Обратимся здѣсь къ свидѣтельству несомнѣнному, послушаемъ И. С. Аненкова, который говоритъ: «между государствомъ и народомъ — общество, т. е. тотъ же народъ, но въ высшемъ своемъ человѣческомъ значеніи, не пребывающій только въ извѣстныхъ началахъ своей

народности, но сознающій ихъ, сознательно развивающій и обособляющій ихъ въ явленіяхъ, постоянно дѣйствующій и совершающій свой земной историческій подвигъ» (Полн. собр. сочин. II, 37). Ясно, что такой подвигъ не совершается безъ науки. Вопросъ о національности въ наукѣ есть вопросъ о самостоятельности, о критическомъ отношеніи къ «послѣднимъ словамъ науки». Надѣюсь, что добившись самостоятельности въ области литературы, мы добьемся наконецъ и самостоятельности умственной: заря ея стоитъ на нашемъ горизонтѣ. Пора кинуть полемическія преувеличенія, которыя были возможны сорокъ лѣтъ тому назадъ, а смѣшивать славянофиловъ съ разными публицистами, идущими отъ другихъ началъ, вовсе не слѣдуетъ. Говоря о Московскомъ государствѣ, слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что у него было стремленіе къ просвѣщенію, но ему приходилось вести борьбу на два, а иногда и на три фронта. Отношенія славянофиловъ къ Московскому государству далеко не хвалебныя. Вспомнимъ полемику Хомикова съ И. В. Кирѣевскимъ и стихотвореніе его: «Не говорите то бывшее».

За введеніемъ слѣдуетъ общее обозрѣніе развитія этнографическихкихъ изученій съ начала XVIII в. Здѣсь авторъ останавливается преимущественно на изученіи великорусской народности, слегка указывая на Малороссію; а о Бѣлоруссіи и совсѣмъ не говоритъ; о Сибири тоже. Результатомъ всѣхъ изученій является сближеніе общества съ интересами народа. Дальнѣйшее изложеніе автора является развитіемъ положеній этой главы. Слѣдовательно о нихъ лучше говорить при обозрѣніи отдѣльныхъ главъ.

Подробное изложеніе авторъ начинаетъ съ «Понятія о народности въ XVIII в.». Здѣсь мы встрѣчаемъ много вѣрныхъ замѣчаній о томъ, что люди XVIII в. не переставали быть русскими. Это замѣтилъ еще Кавелинъ въ «Очерк. юрид. быта»; подробности, сообщаемыя въ «Исторіи Россіи» Соловьева, постоянно появляющіеся мемуары, историко-литературныя изслѣдованія, между прочимъ и самого А. Н. Пыпина, не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Идиллическое представленіе Московской старины восходитъ ко времени «Натали боярской дочери» и повторяется только развѣ въ «Маякѣ». Съ славянофильской точки зрѣнія можно было жалѣть о внесеніи нѣмецкихъ государственныхъ взглядовъ, о перестройкѣ церковнаго управленія, при чемъ быть можетъ со стороны славянофиловъ мало было принято во вниманіе то, что старое не представляло достаточной точки опоры. Если начало розни сословій можно съ основательностію искать въ старой Руси, то все же

нельзя не замѣтить, что въ теоріи оно возводится къ XVIII в., при чемъ замѣтно, что притязанія шляхетства (какое названіе характеристично) растутъ постоянно и достигаютъ полнаго развитія послѣ того, какъ оно перестало быть служилымъ сословіемъ, а сдѣлалось благороднымъ дворянствомъ. Созданіе цѣховъ, гильдій, стремленіе образовать средній родъ людей (*tiers-état*) тоже характеризуетъ XVIII в. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно изслѣдованіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.», показывающее отношеніе тогдашней школы къ сословности. Вотъ о чемъ можно говорить, хотя, разумѣется, вопросъ о неизбѣжности явленій остается открытымъ. Не могу не прибавить, что по моему мнѣнію авторъ напрасно считаетъ земной соборъ остаткомъ старины: изслѣдованія В. О. Ключевскаго, первостепеннаго знатока исторіи допетровской Руси, доказываютъ, что они произошли изъ потребностей Московскаго государства. Въ литературѣ XVIII в. авторъ основательно указываетъ два теченія: вліяніе французскаго классицизма съ одной стороны и вторженіе народной стихіи съ другой, при чемъ отмѣчаетъ, что понятіе о народности у нашихъ писателей и собирателей остатковъ старины было, не смотря на вліяніе иностранное, иногда отлично отъ понятій о томъ же предметѣ на западѣ. Здѣсь нельзя не видѣть отголоска общности бытовыхъ условій, переживаемой съ Московской поры. Вліянія, окончательно подорвавшія бытовыя преданія, начинаются съ конца царствованія Екатерины и идутъ возрастая въ XIX в. Щеголи, осмѣиваемые въ сатирическихъ журналахъ и у Кантемира, Иванушки Фонвизина тогда плодятся безмѣрно. Защита старыхъ пѣсенниковъ отъ обвиненій Сахарова, начатая еще Безсоновымъ, по моему мнѣнію, вполне основательна. Замѣтимъ въ этой главѣ не совсѣмъ точное толкованіе словъ Татищева, который говоритъ: «нужно предостерегаться, чтобы объявленное мое о мерзости идолослуженія не приняли за то, что якобы я оно съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ равняю». А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ: «какъ будто въ самомъ дѣлѣ Татищевъ рекомендовалъ поклоненіе Перуну, Хорсу или Мокошу»; прямой смыслъ словъ Татищева совсѣмъ иной: Татищевъ боится, чтобы его не заподозрѣли въ иконоборствѣ. Извѣстно, что главное обвиненіе противъ Татищева со стороны духовенства состояло въ томъ, что онъ писалъ подъ вліяніемъ протестантскихъ идей (см. М. И. Сухомлинова: «Ист. Рос. Акад.», I, 243).

Отъ опредѣленія понятія о народности въ XVIII в. авторъ пе-

реходить къ научнымъ изслѣдованіямъ Россію. Начинаетъ онъ съ общихъ замѣчаній о значеніи внесенія науки въ Россію и о способахъ высшаго образованія въ XVIII в.: вызовъ иноземцевъ, ученіе въ Академическомъ университетѣ, посылка за границу. Вниманіе его въ этой главѣ останавливается на географическихъ описаніяхъ и на трудахъ путешественниковъ. Свѣдѣнія объ ученыхъ путешествіяхъ встрѣчаются у него въ слѣдующей главѣ и въ другихъ мѣстахъ: о Севергинѣ въ отдѣленіи Бѣлорусской этнографіи; о путешественникахъ въ Сибирь — въ этнографіи сибирской. Въ этой главѣ встрѣчаемъ между прочимъ важное, хотя и неновое, но до сихъ поръ еще неосуществленное желаніе о соединеніи исторіи литературы съ исторіей просвѣщенія.

Слѣдующая глава озаглавлена: «наука и народность». Выходя изъ того положенія, что отношеніе науки къ жизни было въ XVIII в. раціоналистическое и утилитарное, авторъ слѣдитъ за тѣмъ и другимъ и преимущественно за раціоналистическимъ, указывая его въ «Духовномъ регламентѣ», въ запискахъ академиковъ-путешественниковъ, въ трудахъ историковъ, преимущественно въ сочиненіяхъ Татищева и Болтина: тщательно обозначая вліяніе на того и другого европейской науки, онъ удаляетъ мысль о томъ, что въ Болтинѣ можно видѣть предшественника славянофиловъ. Подъ славянофилами разумѣются враги просвѣщенія, чего конечно нельзя сказать въ виду такого свидѣтельства одного славянофила о другомъ: «въ одной своей запискѣ объ общественномъ воспитаніи — говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ-Хомяковъ сказалъ: «наукѣ нужна не только свобода мнѣнія но и свобода сомнѣнія». Онъ говоритъ о свободѣ завѣдомо допущенной и сознательно признанной, зная хорошо, что въ дѣйствительности отнять у науки всякую свободу дѣло невозможное» («Соч. Хомякова» II, пред. III). Въ изложеніи А. Н. Пыпина очень интересны указанія на то, насколько главнѣйшіе русскіе историки XVIII в. были знакомы съ европейскою наукою своего времени; съ другой стороны изъ его же характеристики слѣдуетъ то, что они были русскими людьми и представляли съ этой стороны любопытный примѣръ того, какъ чужое передѣлывается въ свое. Можетъ быть слѣдовало бы болѣе остановиться на кн. Щербатовѣ, на которомъ тоже замѣтно европейское вліяніе и у котораго тоже встрѣчается раціонализмъ; не безъ связи съ западомъ и его аристократическіе взгляды. Въ настоящее время ученые болѣе или менѣе склонны видѣть въ раціонализмѣ только хорошія стороны; объективность требуетъ однако показать его всестороннее значеніе, ибо

раціонализмъ можетъ зайти слишкомъ далеко и можетъ произойти исторія Крыловскаго червонца. Впрочемъ это предметъ и обширный и спорный. При изложеніи дѣятельности Миллера указывается его столкновение съ Ломоносовымъ. Не дурно было бы кстаті припомнить здѣсь исторію Фрере и отношеніе прусскаго правительства къ Канту или ганноверскаго къ Шлецеру. Такія сравнительныя сближенія поясняютъ многое. Характеризуя дѣятельность академикомъ и столичныхъ ученыхъ, авторъ не опускаетъ и появившихся тогда провинціальныхъ дѣятелей: Рычкова, Фомина и Крестинина. Казалось бы, что при упоминаніи архангельскихъ тружениковъ слѣдовало указать, на книгу Крестинина: «Краткій очеркъ исторіи города Архангельска», гдѣ сообщены свѣдѣнія о предполагавшемся ими ученомъ обществѣ (243—248).

Слѣдующая глава, послѣдняя посвященная XVIII в., представляетъ развитіе литературнаго языка трудами отдѣльныхъ лицъ: Ломоносова, Третьяковскаго, пр. Алексѣева, а также ученыхъ учреждений: Россійскаго собранія при Академіи Наукъ, Вольнаго собранія при Московскомъ университетѣ, Россійской Академіи. Эта часть главы принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги. Здѣсь собраны и провѣрены наблюденія, уже сдѣланныя, и представлены собственныя соображенія автора, свидѣтельствующія о самостоятельномъ изученіи предмета. Въ той же главѣ характеризуются первыя попытки изученія Русской литературы. Здѣсь слѣдуетъ однако указать на нѣкоторыя недосмотры. Приписываемое Медвѣдеву: «Оглавленіе книги» принадлежитъ не ему, какъ уже доказано («Труды Ярославскаго Археологическаго съѣзда» II, 218); сочиненіе Дамаскина-Руднева: «Библіотека Россійская» уже напечатано въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.» (1891, № 1) и въ изданіи общества древней письменности. Глава заканчивается общимъ выводомъ о вліяніи науки на Русское общество XVIII в., въ которомъ опять дается много мѣста полемикѣ, между прочимъ авторъ по поводу заявленія пр. Бобынина, что дроби были неизвѣстны въ старо-русской письменности, замѣчаетъ: «пора бы перестать считать понятіе о дробяхъ иностраннымъ для насъ и по сію пору, и видѣть въ ихъ усвоеніи національное несчастіе». Какъ-то странно это слышать послѣ статей И. С. Аксакова объ образованіи, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: «Слабость нашего образованія въ томъ, что оно у насъ не цѣль, а средство», а въ другой указывается необходимость изученія новыхъ языковъ. Статьи эти вошли въ составъ «Сочиненій Аксакова» т. IV. Извѣстно, что ни Хомя-

ковъ, ни Самаринъ, охотно писавшіе на иностранныхъ языкахъ, не были врагами образованія и не считали знаніе дробей бѣдствіемъ.

Времени Александра I авторъ отдѣляетъ одну главу, въ которой прежде всего останавливается на Карамзинѣ и освѣщаетъ его дѣятельность сравненіемъ съ Радищевымъ, въ которомъ видитъ представителя здравыхъ взглядовъ на народъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что во взглядахъ Радищева много правды, можно даже признать реальность нѣкоторыхъ его изображеній, но декламаторъ въ духѣ Рейналя преобладаетъ въ немъ, что отчасти признаетъ и самъ авторъ. Обвинять Карамзина въ крѣпостничествѣ вошло въ моду въ послѣдніе годы и обвиняли его въ этомъ люди разныхъ воззрѣній. Позволю себѣ повторить здѣсь то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ въ отвѣтъ на такія же обвинения М. О. Кояловича: «поѣхавъ въ Европу изучить плоды мирнаго развитія науки, видѣть новый порядокъ, сходящій съ «высокаго неба», Карамзинъ увидѣлъ ужасъ и бѣдствія, — не этого ожидалъ онъ, и дрогнуло его сердце. Тутъ-то и подоспѣло на выручку занятіе родной стариной. Обратясь къ Московской старинѣ, Карамзинъ не могъ однако свергнуть съ себя всего «ветхаго человѣка»: такія попытки никогда людямъ не удаются. Изъ XVIII в. вынесъ онъ ненависть къ крутымъ переворотамъ, что и сказалось въ его осужденіи Петра, вынесъ страхъ передъ непросвѣщенной массою, что въ значительной степени объясняетъ его взгляды на крестьянскій вопросъ, вынесъ убѣжденіе въ необходимости твердой власти, и убѣжденіе это сильно сказывается въ его взглядѣ на московское объединеніе; власть эта должна вести народъ къ усовершенствованію съ мудрою постепенностью, отсюда необходимость щадить по возможности существующія учрежденія и, стало быть, не перестраивать общества по разсудочному плану: такова задача «Записки о древней и новой Россіи». Какъ правительство ведетъ къ совершенствованію весь народъ, такъ дворянство, въ свою очередь должно вести подвластныхъ ему крестьянъ. Мы не можемъ осуждать за это Карамзина, хотя и знаемъ, что за освобожденіе крестьянъ стояли многіе хорошіе люди, но другіе также хорошіе были противъ» (Ж. М. Н. Пр. 1885 г., № 1, 114). Впрочемъ авторъ осуждая воззрѣнія Карамзина и общественныя и историческія вслѣдъ за «либералистомъ» (т. е. Н. М. Муравьевымъ), не вполне отвергаетъ Карамзина, признаетъ за нимъ и нравственное чувство, талантъ; признаетъ и то, что Карамзинъ, какъ историкъ, стоялъ

выше Щербатова, что, какъ извѣстно, не всѣми признается. Но можно было бы не сближать Карамзина съ Магницкимъ и Руничемъ (стр. 213). Отъ Карамзина авторъ переходитъ къ романтизму Жуковского и вѣрно указываетъ на то, что народный элементъ, хотя и признаваемый до нѣкоторой степени, измѣнился подъ вліяніемъ романтическихъ взглядовъ. А. Н. Пыпинъ заявляетъ, что понятіе о романтизмѣ было очень смутно: дѣло въ томъ, что романтизмъ явленіе сложное и у каждаго народа принимавшее свою окраску; единило только одно настроеніе, получившее имя романтическаго: это настроеніе — недовольство настоящимъ, стремленіе отъ него или въ будущее или въ прошедшее или куда-то въ неизвѣстную даль; единило также отрицаніе слишкомъ узкихъ французскихъ формъ. Конецъ главы посвященъ краткому обзору дѣятельности историковъ и археологовъ, преимущественно составлявшихъ кружокъ гр. Румянцова. Изъ нихъ авторъ съ большою подробностію останавливается на Калайдовичѣ, издателѣ такъ называемаго Кирши Данилова; заключаетъ указаніями на начинающійся интересъ къ славянству. Слѣдовало бы обратить вниманіе на этнографическую дѣятельность Кешпена, о которомъ говорится мимоходомъ въ разныхъ мѣстахъ, а онъ началъ собирать матеріалъ въ 20-хъ годахъ и тогда же представилъ напр. любопытный очеркъ литовскаго племени (въ «Мат. для ист. просв.» 1827). Знаменитая его этнографическая карта есть результатъ прежде собранныхъ матеріаловъ. Не можемъ также не пожалѣть съ пр. Соболевскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2), что А. Н. Пыпинъ не остановился на этнографическихъ статьяхъ журналовъ 20-хъ годовъ, что было бы легко сдѣлать въ виду прекрасныхъ указателей къ «Спб. Архивѣ» и «Отеч. Зап.», и на нѣкоторыхъ писателяхъ, хотя не высокаго достоинства, но имѣющихъ интересъ при изученіи литературы эпохи. Конечно, въ «Славянскихъ вечерахъ» Нарѣжнаго такъ же мало дѣйствительно русскаго, какъ и въ «Оскольдѣ» или «Разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ» М. Н. Муравьева; но и они въ отношеніи взглядовъ интересны не менѣе «Пѣсни барда» Жуковского. Еще большее значеніе имѣютъ бытовые романы Нарѣжнаго (Два Ивана, Аристѣонъ), въ которыхъ встрѣчаются и этнографическія черты.

Слѣдующая глава посвящена Надеждину. Авторъ обширно, едва ли не слишкомъ обширно для своей темы останавливается на критической дѣятельности Надеждина. Можетъ быть болѣе сжатая характеристика вѣрнѣе привела бы его къ цѣли. Въ дѣятельности

Надеждина историкъ видитъ колебаніе между официальнымъ тогда взглядомъ на народность и научнымъ къ ней отношеніемъ, которое объясняетъ въ значительной степени «гибкимъ характеромъ» Надеждина. Думаю, что такое толкованіе должно быть очень ограничено: официальный взглядъ на народность есть такой же плодъ тогдашняго состоянія просвѣщенія, какъ и тоновская архитектура. Вообще этотъ вопросъ заслуживаетъ болѣе подробнаго и спокойнаго обсужденія, которому здѣсь не мѣсто. Очеркъ этнографической дѣятельности Надеждина полонъ и вѣренъ; но быть можетъ его взгляду на расколъ можно было бы подыскать и нѣкоторое объясненіе въ первоначальномъ воспитаніи Надеждина и въ свойствахъ его ума. Впрочемъ Надеждинъ ждетъ еще біографіи.

Отъ Надеждина авторъ переходитъ къ Сахарову. Не могу не повторить замѣчанія пр. Соболевскаго: отчего Сахаровъ предшествуетъ Снѣгиреву, который хронологически началъ прежде? Сахаровъ разбирается подробно, сообщается его біографія, представляется оцѣнка его дѣятельности. Критическое отношеніе къ Сахарову восходитъ еще къ 50-мъ годамъ и надо признаться, что строгій приговоръ его дѣятельности имѣетъ за себя много оправданій; но надо же принять во вниманіе и отсутствіе всякой подготовки въ Сахаровѣ и романтическій взглядъ на народность. Трудно рѣшить кому принадлежитъ поддѣлка памятниковъ. Можетъ быть и самому Сахарову. Извѣстно, что патріотическія поддѣлки нерѣдко практиковались, особенно когда ученая критика была не сильна. Въ поддѣлкѣ чешскихъ памятниковъ теперь едва-ли кто сомнѣвается. Сдѣлаю еще бібліографическое указаніе: говоря о миеологическихъ воззрѣніяхъ Сахарова, слѣдовало, по моему мнѣнію, припомнить, что онъ опирается главнымъ образомъ на Строева, который первый рѣшился въ «Современномъ Наблюдателѣ» основать миеологию на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ и принялъ за основу первоначальную лѣтопись.

Снѣгиревъ, Пассекъ и Даль характеризуются въ слѣдующей главѣ. Къ Снѣгиреву А. Н. Пыпинъ относится гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ Сахарову. Конечно, Снѣгиревъ и образованиѣе Сахарова и не подлежитъ упреку въ искаженіи памятниковъ; но и его значеніе болѣе или менѣе тоже историческое и вообще онъ былъ изслѣдователь весьма неглубокій, а часто даже и неточный, что не разъ доказывалъ И. Г. Забѣлинъ. Здѣсь замѣтимъ, что, упомянувъ о Гютри, слѣдовало бы дать о немъ понятіе: книга Гютри, написанная по англійски, была переведена на французскій

языкъ, а въ 1844 г. русскій ея переводъ помѣщенъ въ «Маякъ». Говоря о «Русскихъ простонародныхъ праздникахъ», кстати было бы упомянуть почтеннаго труженика прот. Діева, который многое сообщилъ Снѣгиреву, самъ много работалъ и за свои работы терпѣлъ неприятели. О жизни и трудахъ его недавно издана въ Костромѣ брошюра Полетаева: «Протоіерей М. Л. Діевъ». Прибавимъ еще, что упоминаемый томъ II «Москвы» есть новое изданіе «Московскихъ Древностей». Сужденія автора о Пассекѣ весьма сочувственны и нельзя не признать, что его кратковременная дѣятельность много обѣщала, хотя конечно обѣщанія остались далеко неисполненными. Вотъ почему въ интересахъ книги было бы болѣе умѣстно сокращенное изложеніе его дѣятельности. Труды Даля разбираются очень внимательно: отдавая справедливость его знаніямъ, авторъ указываетъ часто очень удачно на его недостатки, напр. манерность языка, неудачно составленныя слова. Можно даже до извѣстной степени согласиться съ тѣмъ, что знанія Даля были болѣе внѣшнія; но нельзя конечно требовать, чтобы человѣкъ сталъ выше того времени и той среды, въ которой выросъ и воспитался. Все таки Даль сдѣлалъ много и самыя заблужденія его поучительны. Авторъ весьма основательно указываетъ на то, что у Даля былъ пріемъ реальнаго толкованія обычаевъ, которымъ къ сожалѣнію мало пользуются другіе. Конечно, слѣдуетъ прибавить, что здѣсь, какъ впрочемъ и при всякомъ другомъ способѣ толкованія, требуется большая осторожность. Въ послѣдней главѣ перваго тома авторъ обращается къ Далю, какъ повѣствователю, и находитъ ту же внѣшность его представленія народной жизни. Тамъ же А. Н. Шыпинъ указываетъ на мнѣніе Даля о народной грамотности. Вредъ, на который указывалъ Даль, не есть нѣчто выдуманное, онъ существуетъ дѣйствительно и происходитъ отъ неполнаго распространенія грамотности и отсутствія нравственныхъ началъ, почерпаемыхъ не изъ азбуки. Понятно, что во время жаркихъ споровъ о пользѣ грамотности, неблагоприятное мнѣніе такого знатока дѣла должно было возбудить полемику, но теперь можно было бы отнестись къ дѣлу объективно. Въ этой главѣ или въ особой слѣдующей читатель ждетъ оцѣнки труда Терещенки. Эту оцѣнку авторъ обѣщаетъ далѣе при изложеніи критики Кавелина; но обѣщаніе осталось неисполненнымъ и мы встрѣчаемъ только указаніе на недостатки книги, а между тѣмъ самъ строгій и справедливый ея критикъ К. Д. Кавелинъ смотритъ на нее иначе. Вотъ любопытныя слова его: «она (книга Терещенки) представ-

яетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ изустныхъ разсказовъ простаго народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ исчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнѣйшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки драгоцѣнное приобрѣтеніе и вмѣстѣ съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снѣгирева, Даля, Кирѣевскаго должно быть настольной книгою для русскаго археолога и филолога» («Сочиненія К. Кавелина», IV, 3). Такого полного собранія фактовъ не представляетъ и настоящее время, въ чемъ соглашается и А. Н. Пыпинъ. Вотъ почему обстоятельная оцѣнка труда Терещенки была необходима.

Въ слѣдующей главѣ авторъ обобщаетъ археологическое народологіе, начало малороссійской этнографіи, внѣшнее положеніе народныхъ изученій. Здѣсь прежде всего характеризуется «Маякъ». Замѣчанія о «Маякѣ» справедливы, хотя «Маякъ» извѣстенъ даже и тѣмъ, кто не перебиралъ его изъ превосходной статьи Григорьева: «Оппозиція застою». Сдѣлаемъ библиографическое примѣчаніе: на стр. 361 авторъ, указывая на характерный признакъ разбираемаго журнала интересоваться сверхъестественными явленіями, заявляетъ: «Боричевскій поставлялъ преданія и повѣрья славянскихъ племенъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и т. д.» «Преданія» И. П. Боричевского этимъ не ограничивались, а передавали разсказы и другаго рода. Скорѣе всего надо полагать, что появленіе ихъ вызвано этнографическимъ интересомъ. Характеризуя «Маякъ», А. Н. Пыпинъ характеризуетъ и историческую, такъ называемую славянскую школу, ученые, принадлежавшіе къ которой, помѣщали свои статьи въ этомъ журналѣ. Упомянувъ вкратцѣ о Венелинѣ, болѣе подробная характеристика котораго встрѣчается неожиданно въ третьемъ томѣ, посвященномъ Малороссійской этнографіи, въ главѣ: «Лоръ Южанъ и Сѣверянъ» — авторъ болѣе останавливается на дачествахъ Морошкина и Савельева-Ростиславича. Замѣчанія о ихъ справедливы; но къ сожалѣнію о Морошкинѣ получается печатлѣніе только, какъ о чудака; а между тѣмъ у Морошкина ли и серьезныя стороны: многія его замѣчанія чрезвычайно «ки, хоть бы нѣкоторыя страницы въ «Рѣчи объ Уложеніи» и

еще кое-что. Странная форма, которую онъ придавалъ своему изложенію, отсутствіе исторической школы въ его трудахъ много ему вредили. Самъ авторъ нѣсколько оговаривается въ его пользу. Сочувствіе «Маяка» къ нарождающейся Малороссійской литературѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе автора и служитъ естественнымъ переходомъ къ началу изученія Малороссійской народности, которое снова характеризуется въ т. III. Конецъ главы занять указаніемъ на трудности, сопряженныя въ то время съ этнографическими изслѣдованіямъ. Авторъ ставитъ на первый планъ цензурныя затрудненія, но изъ его же изложенія видно, что и въ ученыхъ учрежденіяхъ того же времени встрѣчались мнѣнія, достойныя цензуровъ, воспѣтыхъ Пушкинымъ.

Послѣдняя глава перваго тома называется: Этнографическіе элементы въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ. Взгляды автора выражаются слѣдующимъ образомъ: «Народная стихія являлась у Пушкина какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, и въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ ¹⁾, затѣмъ у Гоголя укрѣпляется въ могущественномъ реализмѣ ²⁾, — у преемниковъ его выражается въ любящемъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка». Такой взглядъ общъ всѣмъ сочиненіямъ А. Н. Пыпина и при значительныхъ ограниченіяхъ можетъ быть принятъ.

Первая глава втораго тома посвящена характеристикѣ 40-хъ годовъ. Здѣсь авторъ останавливается на дѣятельности ученыхъ, возвратившихся изъ-за границы; на вліяніи европейской школы исторической и филологической. Въ частности указываются здѣсь Соловьевъ, Кавелинъ, Калачевъ, Забѣлинъ, Буслаевъ и Аванасьевъ

¹⁾ Такъ толкуется многими уваженіе Пушкина къ историческимъ преданіямъ. Замѣтимъ, что нашъ авторъ ставитъ ему въ вину юмористическое выраженіе «Хамы», вырвавшееся въ интимномъ письмѣ (стр. 420).

²⁾ На стр. 357 авторъ говоритъ: «Гоголь подъ ихъ вліяніемъ (друзей Пушкина) отрекался отъ самого себя». Здѣсь можетъ разумѣться только Жуковский; но имѣлъ ли Жуковский такое вліяніе на Гоголя? Можетъ быть еще Смирнова, но здѣсь слѣдуетъ опредѣлить, кто имѣлъ большее вліяніе: Гоголь на нея, или она на Гоголя? Въ сущности Гоголь отъ себя не отрекался: его религиозное настроеніе всегда у него было, и только ярче высказалось въ послѣдніе годы. Онъ могъ придавать мистическое толкованіе своимъ твореніямъ, но онъ отъ нихъ не отрекался.

(послѣднимъ двумъ посвящается далѣе по особой главѣ). Въ концѣ главы говорится объ общемъ настроеніи той эпохи и въ особенности о томъ, какъ готовилось общественное мнѣніе къ освобожденію крестьянъ. Относительно собственно этнографіи встрѣчаемся здѣсь съ любопытными замѣчаніями о томъ, что Кавелинъ стремился толковать обычай исторически, а слѣдующая школа внесла преимущественно мнѣологическое толкованіе. Это замѣчаніе сходится съ отиѣченнымъ выше замѣчаніемъ о нѣкоторыхъ толкованіяхъ Даля. Съ своей стороны мы должны указать на то, что и мнѣологическія толкованія далеко не всегда были произвольны и еще на то, что Буслаевъ въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ сблизился съ антропологами въ духѣ новѣйшей науки.

За 40-ми годами авторъ характеризуетъ 50-е. Расширеніе этнографическихъ изслѣдованій приписываетъ онъ начавшемуся періоду реформъ. Тутъ конечно много правды; но кажется ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ авторъ не указываетъ на то, что сумбуръ понятій, водворившійся въ головахъ неприготовленныхъ людей, много мѣшалъ успѣхамъ изслѣдованія. Препятствія вызваны были не только внѣшними условіями, но и иными изъ самихъ дѣятелей. Впрочемъ говорю это мимоходомъ. Въ этой главѣ поминается дѣятельность II-го отдѣленія Академіи Наукъ, преимущественно Срезневскаго, о которомъ подробнѣе говорится въ III томѣ; географическаго общества, общества исторіи и древностей Россійскихъ; о Бодянскомъ опять подробнѣе въ III томѣ. Замѣтимъ, что въ примѣчаніи на стр. 50 къ перечню всѣхъ образовавшихся обществъ слѣдуетъ прибавить филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ; затѣмъ говорится объ «Архивѣ» Калачева; сообщаются интересныя свѣдѣнія объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ по мысли вел. князя Константина Николаевича; глава заканчивается обзорнѣмъ этнографической дѣятельности Рыбникова, Якушкина, Шеина (къ которому авторъ снова обращается въ т. IV) и Максимова. Послѣднія страницы указываютъ на развитіе беллетристики изъ народнаго быта. Этимъ не ограничивалась однако дѣятельность этнографовъ той эпохи: въ журналахъ появлялись этнографическія статьи; напр. въ «Русской Бесѣдѣ» «Годъ русскаго земледѣльца», названіе которой встрѣчается у автора въ двухъ разныхъ мѣстахъ; но о содержаніи которой нигдѣ не говорится; появлялись и отдѣльныя книги, напр. «Заволжскіе очерки» графа Н. С. Толстова, гдѣ такъ много любопытныхъ замѣчаній о населеніи сѣверной части Нижегородской губерніи и въ особенности о

вліяніи гѣса на тамошнее населеніе. Въ свое время книга была замѣчена и похвалена въ «Современникѣ». Помянемъ также статьи въ «Современникѣ» Осокина о Малмышскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, гдѣ сообщаются свѣдѣнія интересныя, хотя можетъ быть и требующія повѣрки.

Третья глава второго тома посвящена дѣятельности Ѳ. И. Буслая. Авторъ относится сочувственно къ этому высоко-даровитому ученому; но смотритъ на его дѣятельность съ точки зрѣнія господствующей нынѣ школы и останавливается преимущественно на его отношеніяхъ къ Гриму. Прямые его ученики высказались въ иномъ, болѣе справедливомъ смыслѣ. Ѳ. И. Буславъ оказалъ важныя услуги и изученію исторіи языка и исторіи литературы и письменной и устной, наконецъ исторіи умственного развитія и вообще русской исторіи. Онъ внесъ въ науку широкія аналогіи съ памятниками европейскіхъ средневѣковыхъ литературъ; онъ первый у насъ связалъ изученіе литературы съ изученіемъ образовательныхъ искусствъ; показалъ связь нашей живописи съ живописью византійской и западной (Фряжской); обратилъ вниманіе на «странствующія повѣсти»; въ послѣдніе годы стремился связать свои изслѣдованія съ изслѣдованіями ученыхъ, занявшихся первобытною культурой. Дѣятельность новыхъ ученыхъ: акад. Веселовскаго, Н. П. Кондакова и т. д. находится въ тѣсной генетической связи съ дѣятельностью Буслая. Труды Буслая имѣютъ не только историческое значеніе, напротивъ, многое изъ нихъ составляетъ прочное приобрѣтеніе науки. Вспомнимъ хоть его изслѣдованія надъ мѣстной литературной дѣятельностью и опредѣленія культурныхъ путей Московскаго объединенія. До сихъ поръ занимающіеся исторіей древней Руси находятъ много поучительнаго для себя въ сочиненіяхъ Ѳ. И. Буслая; до сихъ поръ онъ является ихъ учителемъ.

Въ слѣдующей главѣ оцѣнивается дѣятельность Аванасьева. Съ этой оцѣнкой можно согласиться вполне. Дѣятельность Аванасьева имѣетъ теперь значеніе только историческое, а въ настоящее время можно пользоваться лишь фактическимъ его матеріаломъ; но и при этомъ потребуется критика. Такъ сказки, у него собранныя, записанныя по разнымъ методамъ, не всегда пригодны для филологическихъ работъ; факты мифологическіе приводятся не всегда съ достаточной критической осмотрительностію. Это конечно не отрицаніе заслугъ Аванасьева, но необходимое указаніе. Вотъ почему оцѣнку, представляемую А. Н. Пыпинымъ, мы считаемъ вполне удовлетворительною.

Надписаніе пятой главы: «Новая ступень этнографическихъ изысканій» даетъ общее опредѣленіе ея содержанія. Въ частности авторъ въ этой главѣ характеризуетъ усиленіе историко-литературныхъ изысканій въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ. Затѣмъ излагается дѣятельность Н. С. Тихонравова ¹⁾, Котляревскаго, Поттебни. Относительно послѣдняго ученаго встрѣчаются свѣдѣнія и въ третьемъ томѣ. А. Н. Пыпинъ оцѣниваетъ труды Поттебни по языкознанію и міеологіи. Важное дополненіе къ его оцѣнкѣ представляютъ статьи И. Ѳ. Сумцова въ «Кіевской Старинѣ» 1892, гдѣ въ №№ 4 и 5 встрѣчаемъ любопытныя указанія на важность лингвистическихъ изслѣдованій покойнаго профессора для поясненія происхожденія и точнаго значенія обычаевъ. Такимъ образомъ, труды его получаютъ еще новое значеніе въ исторіи Русской этнографіи: такое вниманіе къ уясненію обычаевъ составляетъ важную черту въ дѣятельности незабвеннаго труженика; первымъ ея выраженіемъ были его міеологическія изученія. Въ концѣ главы авторъ характеризуетъ дѣятельность В. В. Стасова и вкратцѣ упоминаетъ о П. А. Лавровскомъ. Въ мнѣніяхъ г. Стасова авторъ останавливается преимущественно на ихъ оригинальности, вызывающей вниманіе къ затронутымъ имъ вопросамъ. Съ той же точки зрѣнія въ другой главѣ (стр. 246—252) А. Н. Пыпинъ обсуждаетъ явно парадоксальный взглядъ В. В. Стасова на происхожденіе русскихъ былинъ, взглядъ никѣмъ не принятый (за исключеніемъ г. Патанина). По мнѣнію автора, взглядъ этотъ принесъ пользу умѣреніемъ міеологическихъ объясненій.

Глава VI характеризуетъ «Новую историческую литературу по отношенію къ изученіямъ народности». Это общій обзоръ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣдніе годы русскую историческую науку: первоначальный бытъ русскихъ племенъ, происхожденіе русскаго государства, характеръ Московскаго періода, значеніе реформы Петра В. Обзорѣніе это довольно полно; желательно бы только при изложеніи мнѣній о первоначальномъ бытѣ указаніе на труды Ѳ. И. Леонтовича, а при обсужденіи мнѣній о Московскомъ государствѣ указаніе на замѣчательную книгу М. А. Дьяконова: «Власть Московскихъ государей». Полемика конечно присутствуетъ и здѣсь: точка зрѣнія А. Н. Пыпина ее требуетъ. При этой полемикѣ не обходится конечно безъ недоумѣній. Такъ, говоря въ слѣдующей главѣ о К. С. Аксаковѣ, авторъ толкуетъ возгласъ: «домой», какъ

1) Тихонравовъ кончилъ курсъ въ 1855, а не въ 1853 г.

попятный шагъ, когда онъ просто значить обращеніе къ народнымъ началамъ, обращеніе, которое, какъ мы видели выше, во мнѣніяхъ славянофиловъ обусловливается появленіемъ интеллигенціи, способной возвести ихъ въ сознаніе. Неясно также для насъ то обстоятельство, имѣетъ ли реформа Петра значеніе школы, тогда мы вполнѣ согласны съ А. Н. Пыпинимъ, или намъ всегда слѣдуетъ повторять Европу, тогда какъ согласить съ этимъ слова его: «Правда, и до сихъ поръ народъ еще остается «сфинсомъ», какъ сознавался однажды Тургеневъ К. С. Аксакову, но наука уже начинаетъ отгадывать его загадки» (стр. 187). Вотъ эти-то загадки сфинкса и надо отгадать, чтобы стать на прямой путь. Тутъ не помогутъ бюрократическіе проекты, основательно осмѣянные Уолесомъ (Russia, 1877, I, 215). Здѣсь можно было ожидать обстоятельной характеристики Костомарова, но она отнесена къ третьему тому. При перечнѣ того, что сдѣлано для ознакомленія съ XVIII в., слѣдовало бы помѣстить упоминаніе о Русскомъ историческомъ обществѣ, въ «Сборникѣ» котораго помѣщено такъ много матеріаловъ первоначальной важности.

Глава седьмая посвящена К. С. Аксакову. Авторъ сочувствуетъ лицу — полемически относится къ ученію, не раздѣляя по обыкновенію частнаго и временнаго отъ существеннаго, сказаннаго въ полемическомъ задорѣ отъ основнаго. Таково впрочемъ свойство полемики вообще. Здѣсь можно было бы ожидать указанія на любопытныя письма къ Самарину изъ времени Редакціонныхъ комиссій, напечатанныя въ «Руси», но этого указанія мы не встрѣчаемъ.

Глава VIII характеризуетъ: «Новыя изслѣдованія и спорные вопросы о русскомъ народномъ эпосѣ». Здѣсь авторъ останавливается на новыхъ изданіяхъ памятниковъ народнаго творчества; на изслѣдованіяхъ о старой письменности и заканчиваетъ исторіей вопроса о происхожденіи былинъ. Здѣсь къ сожалѣнію о многомъ только упоминается. Такъ желательно было встрѣтить оцѣнку трудовъ для изученія «Слово о полку игоревѣ», преимущественно обширнаго труда Е. В. Барсова. Вопросъ этотъ далеко не безразличенъ въ изученіи русской народности. Прибавимъ, что біографія Худякова сообщается два раза безъ большихъ вариантовъ (т. II, 225; т. IV, 462).

Глава девятая называется: «А. Н. Веселовскій—И. В. Ягичъ—новѣйшая школа». Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой дѣятельности двухъ уважаемыхъ академиковъ, не можемъ не пожалѣть, что объ остальныхъ говорится слишкомъ мало, въ особенности, каза-

лось бы намъ, слѣдовало обстоятельнѣе заняться капитальнымъ сочиненіемъ пр. Крека: «Einl. in die Slav. Litteraturgeschichte», составляющимъ достойное дополненіе къ знаменитому труду Шафарика и представляющимъ въ настоящее время лучшее руководство для изучающихъ древнѣйшій бытъ славянъ. Оцѣнка этого труда, по нашему мнѣнію, тѣмъ необходимѣе, что онъ мало извѣстенъ въ Россіи.

Десятая глава посвящена общему «Обзору изученій народной жизни до послѣдняго десятилѣтія». Тутъ говорится о трудахъ по разнымъ отраслямъ историографіи, о дѣятельности ученыхъ обществъ; отдѣльно характеризуются только В. О. Миллеръ и П. С. Ефименко. Нельзя не пожалѣть о такой краткости и нельзя не прибавить, что напр. въ статьѣ о расколѣ слѣдовало бы остановиться на изданіяхъ пр. Субботина и на книгѣ Арх. Никанора (А. Б.): «Описание нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими расколниками»; а также на трудахъ пр. Каптерева, выясняющихъ происхожденіе раскола; говоря о трудахъ по исторіи освобожденія крестьянъ, слѣдовало бы указать замѣчательное сочиненіе Н. П. Семенова: «Освобожденіе крестьянъ» и наконецъ самые труды Редакціонныхъ комиссій. Прибавимъ еще, что «общество древнерусскаго искусства» можно считать не существующимъ (стр. 313).

Глава одиннадцатая касается изображенія народа въ литературѣ. Цѣль автора — показать, что если литература дореформенная отличалась большею художественностію, то литература позднѣйшая болѣе реальна. Для насъ любопытенъ вопросъ, признаетъ ли авторъ этнографическое значеніе за «Мертвымъ Домомъ» Достоевскаго, гдѣ встрѣчаются замѣчательные народные типы?

Послѣдняя глава касается такъ называемаго народничества. Сужденія автора объ этомъ нѣсколько туманномъ ученіи во многихъ отношеніяхъ справедливы. Любопытенъ бы его генезисъ: какая его связь съ «трезвою правдою» Рѣшетникова? Въ концѣ авторъ характеризуетъ недавнихъ писателей повѣстей изъ народного быта (Мельникова, Кохановскую, Лѣскова) и новыхъ (Гл. Успенскій, Златовратскій). Къ первымъ онъ относится неблагоприятно (впрочемъ за Кохановской признаетъ добросовѣстный идеализмъ), въ особенности строго онъ къ Мельникову, хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ о немъ болѣе сочувственно (стр. 355).

Томъ третій посвященъ Малорусской этнографіи. Во введеніи авторъ поднимаетъ трудный вопросъ о правахъ на самостоятельность Малорусскаго языка. Къ вопросу этому онъ не разъ обра-

щался и въ своей «Исторіи славянскихъ литературъ» и въ статьяхъ «Вѣстника Европы». Не разъ онъ говоритъ о немъ и въ настоящемъ томѣ. Вопросъ этотъ къ сожалѣнію обсуждается у насъ не съ чисто-научной точки зрѣнія; а между тѣмъ по своей сложности онъ заслуживалъ бы такого обсуждения. Если съ одной стороны указываютъ намъ на литературную традицію и на филологическія особенности; то съ другой говорится о вредѣ дробленія нарѣчій и о томъ, что традицію нельзя считать непрерывною. Само собой разумѣется, что внесеніе мѣстныхъ особенностей можетъ обогатить языкъ и въ значительной степени придать разнообразіе литературѣ самымъ участіемъ лицъ изъ разныхъ краевъ (вспомнимъ Гоголя). Важно опредѣлить предѣлы, до котораго развитіе мѣстныхъ особенностей можетъ быть полезно для пѣлаго на основаніи стараго опредѣленія: гармонія есть единство въ разнообразіи. Вотъ такое гармоническое развитіе весьма желательно для будущаго. Уже многіе видятъ въ будущемъ общеславянскій языкъ. Опредѣленіе взаимныхъ отношеній нарѣчій русскаго языка весьма желательно, какъ первая ступень къ будущему объединенію славянъ однимъ общимъ языкомъ. Если даже намъ теперь и можетъ казаться такое объединеніе химерическимъ, то все-таки можемъ ли мы желать распаденія нашего литературнаго языка на двое? Требуется ли такое распаденіе дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла? Не мерещится ли оно усерднымъ ревнителямъ объединенія или не составляетъ ли оно фантастическихъ желаній мѣстнаго патриотизма? Вообще безпристрастное разсмотрѣніе дѣла должно указать смыслъ и предѣлы развитія мѣстныхъ особенностей языка. Вопросъ этотъ особенно важенъ для Галицкой Руси: тамъ указывается и на колебанія «твердыхъ», начавшихъ нѣкогда въ иномъ духѣ, и на то, что въ Галичинѣ не знаютъ нашего языка и далеки отъ нашей литературы. На сколько въ этомъ виноваты мы, на сколько обстоятельства галиційскія, разбирать не станемъ; не станемъ входить также въ обсужденія генезиса стремленія «твердыхъ», но замѣтимъ мимоходомъ, что развитіе этихъ стремленій естественно объясняется положеніемъ дѣла полвѣка тому назадъ. Не можемъ по этому поводу не повторить любопытныхъ словъ Б. Загѣскаго, приводимыхъ авторомъ (т. III, стр. 131): «Что стало бы съ нѣмецкой литературой, если бы отдѣльныя германскія племена усиливались имѣть каждое свои отдѣльныя литературы». Вообще сказаннаго довольно въ виду трудности вопроса и побочныхъ обстоятельствъ, къ нему прилѣпленныхъ.

Въ первой главѣ послѣ краткихъ замѣчаній объ этнографическихкихъ трудахъ XVIII в. представляется оцѣнка дѣятельности кн. Цертелева и Максимовича. Читатель остается доволенъ этою главой: характеристика Максимовича, ея главное содержаніе, полна и вѣрна. Авторъ представилъ объективно этого малоросса, смотрѣвшаго, какъ онъ самъ выражался, изъ Кіева на югъ и на сѣверъ, и основательно замѣтилъ, что онъ не былъ украинофиломъ въ позднѣйшемъ значеніи слова.

Предметъ второй главы—Зоріанъ Доленга Ходаковскій (т. е. Ад. Чарноцкій). Появленіе этого имени въ Малорусской этнографіи возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе: по происхожденію онъ бѣлорусскъ, по своей дѣятельности—дѣятель обще-славянскій; только сборникъ пѣсенъ даетъ ему право на это мѣсто. Ходаковскій имѣетъ полное право на вниманіе историографіи: труды его указали новое поле изслѣдованій; но выводы его оказываются во многихъ отношеніяхъ фантастическими и изъ нихъ очень немного принято въ наукѣ. Слѣдовательно, изложеніе его трудовъ не должно было занимать столько мѣста, сколько отведено ему въ книгѣ А. И. Пыпина. Его очевидно увлекло то обстоятельство, что біографія Чарноцкаго запутала его различными показаніями; но эта біографія послужила предметомъ отдѣльной статьи автора, здѣсь же въ исторіи этнографіи не оказывалось никакой необходимости повторять эту статью. Развѣ историкъ русской литературы долженъ давать обширное мѣсто Эмину въ виду запутанности его біографіи. Конечно Чарноцкій не Эминъ, но *mutatis mutandis* это замѣчаніе можно примѣнить и къ нему.

Въ главѣ третьей характеризуются Срезневскій и Бодянский. Мы находимъ здѣсь біографію Срезневскаго и оцѣнку трудовъ его для малорусской этнографіи; а дѣятельность его въ Академіи оцѣнивается во 2-мъ томѣ. Такимъ образомъ разрывается одна и та же дѣятельность на два тома. Замѣтки автора о «Запорожской старинѣ», подкрѣпляемая авторитетнымъ свидѣтельствомъ лица, изучавшаго малорусскую народность, вполне вѣрны; но едва-ли Срезневскій самъ не былъ введенъ въ заблужденіе. Мнѣ кажется, что подпись: «слышано тамъ-то» могла быть результатомъ излишняго молодаго довѣрія къ какому-нибудь пріятелю. Личность и дѣятельность Бодянскаго очерчены полно и характерно. Авторъ мало говорилъ о немъ въ предшествующихъ томахъ и потому совмѣстилъ здѣсь всю его дѣятельность. Сдѣлаемъ только одну поправку: гр. Строгановъ при выходѣ № 2 Чтеній четвертаго года (т. е. осенью 1848 г.) не былъ уже попечи-

телемъ (изъ попечителей вышелъ въ январѣ 1848 г.). Замѣтимъ, что въ ту же ошибку впадаетъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Книжка подлежала цензурѣ гр. Строганова, какъ предводителя общества, ибо тогда изданія общества не подлежали общей цензурѣ. Григоровичъ, о которомъ говорится, что онъ не преподавалъ въ Москвѣ, читалъ курсъ въ началѣ 1849 г. Объ этихъ лекціяхъ свидѣтельствуется письмо къ нему Гильфердинга, помѣщенное въ «Русской Старинѣ». Позволю себѣ личное воспоминаніе: Ешевскій былъ слушателемъ Григоровича и тогда же рассказывали мнѣ о впечатлѣніи отъ его лекцій. Общее мнѣніе тогдашнихъ студентовъ было противъ Григоровича изъ сочувствія къ Бодянскому.

Глава IV занимается «польскими и галицко-рускими этнографическими сборниками 30-хъ годовъ». Начинается она любопытными замѣчаніями о томъ, что литературныя отношенія поляковъ и русскихъ были иные въ 10-хъ и 20-хъ годахъ, чѣмъ позднѣе. Едва-ли впрочемъ справедливо большую часть вины возлагать на русскихъ. Далѣе представляются характеристики трудовъ Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Войцискаго, Голембѣвскаго, Шамкевича, Головацкаго, Вагилевича.

Глава V заключаетъ въ себѣ основательную характеристику дѣятельности Лукашевича и Метлинскаго. Сюда можно было бы прибавить упоминаніе хотя странной, но любопытной книги Арендаренка: «Записки о Полтавской губерніи», Спб. 1852, 3 тома; этнографическія подробности (пѣсни, описанія обрядовъ) во 2-мъ томѣ. Упоминаніе это потому было бы необходимо, что книга мало известна: въ «Каталогѣ А. Ѳ. Базунова» ея нѣтъ; въ «Критико-біографическомъ словарѣ» С. А. Венгерова не встрѣчается самого имени Арендаренка.

Глава VI представляетъ біографію и оцѣнку Н. И. Костомарова. Отношеніе автора къ Костомарову вполне сочувственное, что и надо было ожидать. Объективная, безпристрастная оцѣнка Костомарова еще впереди; здѣсь ей не мѣсто. Замѣтимъ только, что противъ Костомарова писали не одни славянофилы, съ которыми здѣсь снова полемизируетъ авторъ, что парадоксальность нѣкоторыхъ мнѣній Костомарова о Дмитріи Донскомъ, Мининѣ и Пожарскомъ, Сусанинѣ и т. д. вызвали противъ него и Соловьева и Забѣлина и Погодина, что съ его мнѣніемъ о федераціи полемизировалъ Лохвицкій. Ограничимся нѣкоторыми мелочами: Устряловъ умеръ не въ 1859 г., а въ 1872 г. Онъ былъ забаллотированъ въ 1858 г.

Послѣ него до утвержденія Костомарова читалъ Касторскій. 2-ое изданіе «Слав. Мил.» не появилось потому, что А. А. Котляревскій, оставилъ въ текстѣ цыфры примѣчаній, самыхъ примѣчаній не написалъ. Кстати о Костомаровѣ мнѣ удалось слышать (отъ покойной гр. Блудовой), что доносъ на него шелъ изъ Австріи.

Въ главѣ VII излагается дѣятельность П. А. Кулиша, характеризуется журналъ «Основа» и указывается начало украинофильства, дѣятельность П. А. Кулиша постоянно возбуждала недоумѣніе той легкостью, съ которою этотъ высокодаровитый писатель переходитъ отъ одного воззрѣнія къ другому. Съ этой стороны останавливается на ней и А. Н. Пыпинъ. Говоря объ «Основѣ», онъ доказываетъ, и кажется не безъ основанія, что сепаратизма не было въ мысли сотрудниковъ этого журнала, что ихъ украинофильство лишь только истинный патріотизмъ. Жаль, что авторъ только мимоходомъ касается малороссійской беллетристики, а она заключаетъ въ себѣ много этнографическихъ элементовъ. Къ тому же романтизмъ здѣсь держится долѣе, чѣмъ въ Великорусской литературѣ. Онъ болѣе въ характерѣ народномъ. Нѣкоторой доли романтизма нельзя отрицать и у Гоголя, а тѣмъ болѣе у Гребенки, Основьяненка, Марка Волчка и Кохановской.

Глава VIII посвящена галицко-русскому возрожденію и польско-украинской школы. Вопросъ о галицкой литературѣ заслуживаетъ особаго подробнаго разсмотрѣнія; мы ограничимся тѣми краткими замѣчаніями, которыя сдѣланы выше. Вопросъ о связи малорусской литературы съ польской уже былъ разсмотрѣнъ въ книгѣ Н. П. Дашкевича (XXIX отчетъ объ уваровскихъ наградахъ). А. Н. Пыпинъ касается его на столько, на сколько онъ имѣетъ интересъ въ исторіи этнографіи.

Глава IX называется: Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія. Здѣсь авторъ характеризуетъ литературу этнографіи; останавливается на явленіи хлопомановъ и указываетъ на противодѣйствіе ему со стороны украинцевъ (Костомаровъ и его кружка). Самое хлопоманство изображаетъ авторъ не какъ орудіе интриги, а какъ прямой результатъ демократическихъ идей, появившихся въ польскомъ обществѣ. Въ этомъ воззрѣніи много правды. Безпристрастной исторіи предстоитъ значительно сократить предѣлы дѣйствія «интриги». Конецъ главы занять обозрѣніемъ этнографическихъ трудовъ польскихъ писателей, касающихся и Украины, которую поляки не перестаютъ считать частью Польши. Знакомство съ этими трудами обязательно и для русскихъ этнографовъ, частію

по сообщаемымъ фактамъ, а частью для ознакомленія съ оригинальнымъ воззрѣніемъ.

Въ главѣ X, написанной: «Споръ между южанами и сѣверянами», излагается литературная исторія вопроса объ исконности малороссійскаго нарѣчія. Въ настоящее время для человѣка безпристрастнаго нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нарѣчіе Кіевской Руси было то же самое, которое существуетъ теперь, и что поголовное переселеніе малороссовъ въ Великороссію, о которомъ говорили иные писатели (преимущественно Погодинъ), историческая фантазія, но не такъ было тридцать лѣтъ тому назадъ. Для исторіи науки споръ этотъ весьма любопытенъ и свидѣтельствуетъ о томъ, какъ еще молода наша наука во многихъ отношеніяхъ.

Главы XI, написанная «Съ шестидесятихъ годовъ», и XII, обобщающая новѣйшіе труды по южнорусской старинѣ и народности, представляютъ слишкомъ общія обобщенія новѣйшей литературы; подробнѣе авторъ останавливается только на экспедиціи П. П. Чубинскаго. Такая сжатость понятна, какъ по многообразію предметовъ, охватываемыхъ изложеніемъ (тутъ и бытъ, и исторія, и археологія, и языкъ и археографія), требующихъ для оцѣнки многихъ специальныхъ свѣдѣній, такъ и по отсутствію общихъ оцѣнокъ представляющихся явленій¹⁾. Такъ поняли этотъ недостатокъ труда А. Н. Пыпинъ и Н. О. Сумцовъ, предпринявшій въ рядѣ статей въ «Кіевской Старинѣ» дополнить его изложеніе. Въ вышедшихъ пока пяти книжкахъ встрѣчаемъ только подробную оцѣнку дѣятельности А. А. Потебни, о которой мы уже упоминали.

Четвертый томъ посвященъ Бѣлороссіи и Сибири. Въ главѣ первой, названной Историческія примѣчанія, авторъ даетъ общее понятіе о положеніи края, при чемъ указывается на то, что подъ русскимъ владычествомъ Бѣлороссія долго понималась какъ польскій край. Переходя во второй главѣ къ подробностямъ, авторъ указываетъ на то, что академикъ Севергинъ такъ мало зналъ о краѣ, что по польски называлъ православныхъ Бѣлороссовъ «схизматиками» и удивлялся сходству ихъ обряда съ православнымъ

¹⁾ Обширность труда воспрепятствовала конечно автору ознакомиться не только съ самыми книгами, но часто и съ компетентными отзывами о нихъ. Если бы онъ ознакомился съ критикою г. Каманина (въ «Кіевской Старинѣ») на книгу г. Эварницкаго, онъ не внесъ бы этого ученаго въ свой перечень безъ всякой оговорки. При упоминаніи труда Н. П. Кондакова надъ фресками лѣтницы Кіево-Софійскаго собора слѣдовало бы назвать трудъ его учениковъ гг. Рѣдина и Айналова о фрескахъ самого собора.

Польская литература болѣе занялась краемъ: историки, филологи и археологи изучали прошлое; появились и этнографическіе труды: въ сочиненіяхъ Голембѣвскаго Бѣлоруссія занимаетъ мѣсто рядомъ съ Польшею. Авторъ останавливается подробнѣе на характеристической книгѣ Рыпинскаго, возникшей изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Парижѣ. Любопытно для характеристики польскихъ воззрѣній слѣдующее, приводимое изъ нея А. Н. Пыпинымъ, мѣсто: «Эта Русь, на сколько она есть и будетъ польскою, составляетъ нераздѣльную часть нашего отечества... живетъ здѣсь простой народъ славянскаго племени, издавна тѣсно породнившійся съ семейю ляховъ, честный, но убогій, и мало извѣстный даже собственной отчизнѣ его, Польшѣ, хотя онъ любитъ ее выше всего»¹⁾.

Въ третьей главѣ авторъ характеризуетъ этнографическій трудъ поляковъ: Сборники Чечота, Зенкевича; «Opisanie powiatu Bogusowskiego» гр. Тышкевича. Книга эта любопытна тѣмъ, что была составлена Виленскимъ статистическимъ комитетомъ, посвящена Министру Внутреннихъ Дѣлъ и издана по польски. Здѣсь же авторъ упоминаетъ другіе этнографическіе и археологическіе труды и заканчиваетъ главу указаніями на робкіе опыты литературы на бѣлорусскомъ языкѣ.

Обращаясь въ четвертой главѣ къ русскимъ трудамъ, авторъ показываетъ, какъ поздно они появились и какъ долго отношенія литературы (начиная съ составленныхъ для путешествія Екатерины II «Топографическихъ примѣчаній») ограничивались указаніемъ только древнихъ историческихъ отношеній. Здѣсь авторъ основательно указываетъ на значеніе археографической дѣятельности прот. Григоровича, ревностнаго собирателя и издателя актовъ. Объ изданіи актовъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 126 и далѣе); при чемъ, упоминая о сборникѣ Круповича, не отмѣтилъ, что вышло только начало и при томъ весьма небольшое. Статьи этнографическія долго были рѣдки и слабы. Слѣдовало бы упомянуть объ изданномъ въ 1839 г.: «Опытѣ въ русской словесности воспитанниковъ Бѣлорускаго учебнаго округа», гдѣ помѣщены нѣсколько пѣсенъ, между которыми инныя, хотя и перешли въ другіе сборники, но оказались поддѣльными.

¹⁾ Прибавимъ, что въ настоящее время слышется и въ польской литературѣ иной здравый взглядъ: почтенный дерптскій профессоръ И. А. Бодуэнъ де Куртуа въ своей книгѣ: «K jubileuszy p. Jana Duchinskiego», вышедшей въ Краковѣ, прямо заявляетъ, что Бѣлоруссы ближе всего къ Великооруссамъ. Въ этой книгѣ находимъ полное осужденіе теорій Духинскаго.

Первымъ трудомъ по Бѣлорусской этнографіи, обратившимъ на себя вниманіе, были сочиненія П. М. Шпилевскаго. А. Н. Пыпинъ обстоятельно разбираетъ ихъ, указывая на отсутствіе критики и заимствованія изъ польскихъ сочиненій и сборниковъ. Указавъ на первый сборникъ бѣлорусскихъ пѣсень, изданный русскимъ прифотомъ, авторъ переходитъ къ статьямъ, появившимся въ 50-хъ годахъ въ «Этнографическомъ сборникѣ». Затѣмъ упомянувъ о неудачныхъ попыткахъ изложить исторію Бѣлоруссіи, при чемъ хорошо было бы указать ихъ зависимость отъ польской литературы (преимущественно отъ Нарбута), авторъ подробнѣе останавливается на военно-топографическихъ описаніяхъ западныхъ губерній, которыя въ свое время были явленіемъ весьма примѣчательнымъ.

Глава V называется: «Въ шестидесятыхъ годахъ». Авторъ совершенно основательно указываетъ, насколько въ событіяхъ того времени участвовало наше незнаніе этнографіи края и главнымъ образомъ то обстоятельство, что крѣпостное право, отдавъ русскихъ крестьянъ подъ власть польскихъ помѣщиковъ, дало возможность послѣднимъ вѣрить въ польскій характеръ Бѣлоруссіи. Затѣмъ онъ переходитъ къ настроенію русской литературы и русскаго общества. Здѣсь многое объясняется историческими обстоятельствами (мы говоримъ, конечно, не о Говорскомъ), въ особенности существованіемъ партіи «Вѣсти», и опасеніями, чтобы не возвратились на прежнюю дорогу; теперь извѣстно, что подобныя опасенія были далеко не безъ основанія.

Глава VI занимается новыми этнографическими изысканіями. Здѣсь авторъ подробно говоритъ объ атласахъ Эркерта и Риттиха и о возбужденной ими полемики по вопросу о томъ, какъ дѣлить населеніе по племенамъ или по вѣроисповѣданіямъ. Исторія Виленскаго Музея изложена можетъ быть черезъ чуръ подробно для цѣлей автора. Глава заканчивается критическимъ обзорѣніемъ этнографическихъ сборниковъ: Гильтебрандта, Руберевскаго, Дмитриева, Крачковскаго.

Глава VII обозрѣваетъ новѣйшее время, оцѣниваетъ труды археологическіе, характеризуются труды А. П. Сапунова, М. О. Кояловича, археологическіе («Памятники западно-русской старины», изданные П. Н. Батюшковымъ), новѣйшіе этнографическіе сборники (Безсонова, Носовича, Шенна, Дембовецкаго, Романова и т. д.), изслѣдованія по языку. Переглядѣвъ этотъ отдѣлъ четвертаго тома, нельзя не замѣтить отсутствія замѣтокъ о трудахъ по языку и этнографіи литовскимъ. Конечно, труды эти еще малочисленны, но тѣмъ болѣе за-

служиваютъ вниманія и оцѣнки. Это возможно было, ибо существуютъ указатели этнографической литературы: г. Вольтера' въ «Живой старинѣ» и г. Балтарумайтиса: «Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы». Спб. 1891.

Вторая и притомъ бoльшая половина тома посвящена этнографіи Сибири. Авторъ начинаетъ по своему обыкновенію съ общихъ соображеній. Затѣмъ въ первой главѣ, названной: «Первыя открытія въ Сибири», обзрѣваются свѣдѣнія о Сибири у Русскихъ съ древности, а у иностранцевъ съ XVII в. Это глава представляетъ тщательное обзрѣніе всего сохранившагося матеріала; значительнымъ пособіемъ при обзрѣніи древняго новгородскаго сказанія о Сибири послужило превосходное изслѣдованіе о немъ Д. П. Анучина, къ которому прибавлено весьма немного.

Глава вторая заключаетъ въ себѣ обзрѣніе ученыхъ экспедицій XVIII в., начиная съ Петра II до Екатерины II. Труды академиковъ основательно оцѣнены въ этой главѣ.

Въ третью главу авторъ отдѣлилъ оцѣнку путешествія аббата Шаппа и вызваннаго имъ возраженія въ «Антидотѣ». Признавая значительную долю легкомыслія въ сочиненіи аббата, А. Н. Пыпинъ указываетъ идеализацію въ «Антидотѣ», который онъ признаетъ произведеніемъ императрицы Екатерины II. Едва-ли книгѣ французскаго аббата не дано слишкомъ много мѣста.

Глава IV заключаетъ въ себѣ: «Русскіе географическіе поиски и иностранную литературу до конца XVIII в.». Здѣсь обзрѣваются русскія путешествія времени Екатерины, какъ практическія для промышленныхъ цѣлей, такъ и ученые академическія Палласа, Георга, Фалька. Притомъ здѣсь же оцѣниваются «Описаніе народовъ» Георга — общее сочиненіе по этнографіи Россіи: новое доказательство того, какъ не слѣдовало дробить русскую этнографію на отдѣльныя части. Въ концѣ главы обзрѣваются иностранныя сочиненія о Сибири этого времени.

Глава V доводитъ изложеніе до конца 40-хъ годовъ. Здѣсь авторъ характеризуетъ путешествія временъ Александра I и Николая; останавливается на «Землевѣдѣніи» Риттера, «Средней Азіи» Гумбольдта и экспедиціи Миддендорфа.

Глава VI называется: «Сороковые года — Дѣятельность географическаго общества по изученію Сибири — Новѣйшія экспедиціи». Здѣсь указывается на переводъ Риттера, изданіе географическаго ювара и основаніе Сибирскихъ отдѣловъ географическаго обще-

ства; тутъ же обозрѣваются путешествія Маака, Пржевальскаго, Потанина, Полякова и др.

Глава VII заключаетъ въ себѣ польскую литературу о Сибири и новѣйшія путешествія западно-европейскія и американскія. Конечно, въ числѣ поляковъ, попадавшихъ въ Сибирь, были ученые, оказавшіе услуги изученію края; оцѣнка ихъ дѣятельности должна была входить въ «Исторію русской этнографіи», но масса записокъ разныхъ ссыльныхъ могла быть только упомянута. Путешествія иностранцевъ почти только упоминаются въ изложеніи автора.

Глава VIII посвящена Сибирской исторіографіи до конца XVIII в. Авторъ начинаетъ общими справедливыми замѣчаніями о томъ, что исторія Сибири еще не написана и указаніями на трудность этой исторіи, особенно за древнѣйшее ея время. Затѣмъ переходитъ къ обстоятельному обзору Сибирскихъ лѣтописей и старыхъ географическихъ описаній и картъ Сибири. Глава заключается обзорѣніемъ трудовъ Миллера и Фишера. Оцѣнка Фишера, какъ независимаго изслѣдователя, вполне справедлива.

Въ девятой главѣ исторіографія и описаніе Сибири доводятся до новѣйшаго времени: авторъ заканчиваетъ трудами Н. М. Ядринцева. Въ эту же главу помѣщены и беллетристическія произведенія, касающіяся Сибири.

Въ главѣ X встрѣчаемъ этнографію Сибирскихъ инородцевъ. Этнографическое изученіе финскихъ народовъ начинается съ Кастрена. Къ сожалѣнію авторъ ни словомъ не упомянулъ о Регули († 1848), мадыарскомъ путешественникѣ, проведшемъ два года въ Сибири и зиму въ Нижнемъ, гдѣ изучалъ мордовскій языкъ. Часть его изслѣдованій, именно статья о Вогулахъ, издана еще въ 1864 г. О ней въ русской литературѣ заявилъ Н. К. Чупинъ; извѣстія о путешествіяхъ Регули встрѣчаются въ «Географическихъ извѣстіяхъ» 1850 г. Мы помянули имя Н. К. Чупина, автора «Словаря Пермской губерніи», о немъ тоже не говоритъ А. Н. Пыпинъ; мы не находимъ у него указаній ни на извѣстную книгу Миллера: «Das Ugrische Volksstamm», сокращеніе которой И. К. Бабеть помѣстилъ въ «Магазинѣ землевѣдѣнія», ни на Европеуса, ни на г-жу Фуксъ, ни на Андерсона, ни на Сбоева (о чувашахъ), ни на Михайлова (о черемисахъ). Говоря о Валихановѣ, авторъ не упомянулъ о любопытной біографіи его предка, Аблая, помѣщенной имъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» 60-хъ годовъ. Въ главѣ, посвященной этнографіи инородцевъ слѣдовало ожидать упоминаніе объ

этнографическихъ трудахъ митрополита Инокентія (пр. Вельяминова), но такого указанія у г. Пыпина нѣтъ.

Глава IX заключаетъ въ себѣ этнографію русскаго населенія Сибири. Здѣсь авторъ на основаніи историческихъ изслѣдованій (преимущественно пр. Буцинскаго) и этнографическихъ описаній представляетъ интересную характеристику Сибиряновъ. Пр. Смирновъ, знатокъ инородческаго вопроса, говоря о томъ, что русскіе отчасти принимаютъ инородческіе обычаи (что А. Н. Пыпинъ вѣрно объясняетъ браками съ инородцами), дѣлаетъ важное замѣчаніе: «Мы знаемъ въ Пермскомъ краѣ цѣлыя семьи, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ опермичившихся русскихъ (Роговы, Распоповы, Трапезниковы), но это не мѣшаетъ цѣлому племени идти быстрыми шагами къ полному обрусѣнію. Дѣти этихъ утратившихъ свои народныя черты русскихъ не потерялись для русской народности; при соприкосновеніи съ свѣжими русскими переселенцами, они несомнѣнно обрусѣютъ гораздо скорѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, кровные инородцы» («Ист. Вѣстн.» 1892, № 3, стр. 763).

Свое общее заключеніе авторъ оканчиваетъ слѣдующими, заслуживающими полнаго сочувствія, словами: «Въ трудахъ этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное сознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло».

Закрывъ книгу, читатель не можетъ не пожалѣть, что авторъ не ввелъ въ свое изложеніе цѣльнаго обзора трудовъ, касающихся инородцевъ Европейской Россіи, ни этнографіи Кавказа, для которой много указаній можно было бы найти и въ «библіографіи» Міансарова и въ трудахъ нашего почтеннаго сочлена Н. Ѳ. Дубровина, ни этнографіи средней Азіи.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній: недостатки книги заключаются: 1) въ раздѣленіи предмета по отдѣламъ русскаго племени, отчего произошли повторенія и трудность охватить въ полной мѣрѣ развитіе русской этнографіи; 2) въ неравномѣрности изложенія: иногда болѣе важное упоминается мимоходомъ, иногда встрѣчается подробное изложеніе менѣе важнаго; 3) въ излишней полемикѣ.

Достоинства книги впрочемъ перевѣшиваютъ ея недостатки: тѣмъ очень удачно овладѣлъ обширнымъ и новымъ матеріаломъ,

доказалъ большую начитанность и вмѣстѣ съ тѣмъ многое охарактеризовалъ чрезвычайно вѣрно и представилъ много указаній поучительныхъ для занимающихся. Отнынѣ книга его должна быть настольною для всѣхъ интересующихся русской этнографіей и русской исторіей.

Въ виду этого имѣю честь ходатайствовать о награжденіи труда А. Н. Пыпина первою уваровскою премією.

II.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА (1759—1828). ЕЯ БІОГРАФІЯ.

СОСТАВИЛЪ Е. С. ШУМИГОРСКІЙ. Т. I.

Рецензія академика Н. Ф. Дубровина.

Сочиненіе, представленное авторомъ на соисканіе Уваровской преміи, составляетъ первый томъ его обширнаго труда, особенно важнаго для внутренней и лишь отчасти для политической жизни Россіи. До настоящаго времени въ русской исторической литературѣ, за исключеніемъ труда Д. Ф. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», имѣлись лишь отрывочныя свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни и дѣятельности Императрицы Маріи Теодоровны, котораго касается г. Шумигорскій въ своемъ первомъ томѣ. Свѣдѣнія эти не были сведены въ одно цѣлое и не дополнены какъ иностранными источниками, такъ и тѣми неизданными документами, которые хранятся въ нашихъ правительственныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ.

«Задача, говоритъ г. Шумигорскій въ своемъ предисловіи, принятая мною на себя, требовала изученія не только печатныхъ, но и массы рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Подробный разборъ источниковъ и пособій, служившихъ мнѣ при изложеніи біографіи Императрицы Маріи, будетъ приложенъ, вмѣстѣ съ алфавитнымъ указателемъ, въ послѣднему тому моего труда».

Такое рѣшеніе автора лишаетъ насъ возможности прослѣдить полнотою источниковъ и относительно ихъ важностию. То и

другое необходимо при оцѣнкѣ каждаго сочиненія. Напрямѣръ, въ своемъ изслѣдованіи авторъ весьма часто ссылается на записки баронессы Оберкирхъ (Mémoires de la baronne d'Oberkirch) и на Масона, по словамъ г. Шумигорскаго, даже «получившаго громкую извѣстность какъ авторъ «Mémoires secrets». Сколько извѣстно, записки бар. Оберкирхъ были подвергнуты позднѣйшей обработкѣ¹⁾, а громкая извѣстность Масона такова, что историку невозможно пользоваться его единоличными показаніями. Тотъ, кто положится на рассказъ Масона, безъ подтвержденія его другими источниками, будетъ не рѣдко вовлеченъ въ ошибку. Не избѣгъ этой ошибки и г. Шумигорскій въ рассказѣ о причинѣ ненависти Павла Петровича къ П. А. Зубову, по поводу избитой собаки Великаго Князя. Рассказъ этотъ, по мѣсту происшествія и по положенію, при которомъ находился П. А. Зубовъ, имѣетъ малую, чтобы не сказать никакой исторической достовѣрности и долженъ быть отнесенъ къ числу вымысловъ Масона. Вообще отношенія Павла Петровича къ П. А. Зубову недостаточно выяснены и непонятны по тѣмъ поступкамъ, которые были выражены князю Зубову при вступленіи Павла Петровича на престолъ.

Трудъ г. Шумигорскаго состоитъ изъ XII главъ, излагающихъ жизнь Императрицы Маріи Ѳеодоровны со дня ея рожденія и до кончины Императрицы Екатерины II.

Говоря о происхожденіи будущей русской Императрицы, ея рожденіи и юности, авторъ посвящаетъ всю первую главу описанію жизни и быта разныхъ мелкихъ германскихъ правителей въ XVIII вѣкѣ. Онъ слѣдитъ за ними на столько подробно, что приводитъ даже актъ вскрытія тѣла дѣда Императрицы Маріи, герцога Виртембергскаго Карла-Александра. Актъ этотъ очевидная насмѣшка потому, что нельзя же иначе понять слѣдующихъ словъ: «сердце, голова и прочее найдено въ совершенно здоровомъ состояніи; но грудь до того наполнена *пылью, дымомъ, чадомъ карнаваловъ и оперы*, что suffocatio sanguinis было неизбѣжно».

Насмѣшка эта быть можетъ была бы умѣстна въ біографіи герцога, но она не имѣетъ никакого значенія въ жизни Маріи Ѳеодоровны и тѣмъ болѣе, что она родилась въ Штетинѣ 14 (25) октября 1759 года, т. е. 18-тъ лѣтъ спустя послѣ кончины ея дѣда

¹⁾ Этою обработкою можно объяснить и недоумѣніе г. Шумигорскаго, высказанное имъ въ примѣчаніи 19, на стр. 325, относительно г-жи Бенкендорфъ.

Молодость будущей русской Императрицы была настолько мало связана съ развратною жизнью германскихъ князей, что автору достаточно бы было сказать о нихъ нѣсколько словъ и тѣмъ сохранить большую цѣльность впечатлѣннй о главномъ лицѣ, составляющемъ предметъ изслѣдованія г. Шумигорскаго.

Указавъ на мѣсто рожденія (Штетинъ) Маріи Феодоровны и вспоминая, что то было время семилѣтней войны, авторъ говорить, что начало жизни новорожденной было тѣсно связано съ именемъ Россіи и русскихъ. Плѣнъ отца, бывшаго губернаторомъ Штетина, взятіе Берлина и завоеваніе Помераніи русскими, по мнѣнію г. Шумигорскаго, должны были быть «предметомъ постоянныхъ толковъ» въ семействѣ и познакомить Марію Феодоровну съ Россіею. «Но, прибавляетъ авторъ, вмѣстѣ съ разказами о страшныхъ русскихъ войскахъ, о необычайной обширности и величинѣ мало еще вѣдомой въ Европѣ Имперіи, подроставшая принцеса не могла, конечно, не слышать и другихъ разказовъ, совсѣмъ сказочнаго характера (?), о томъ, что этой необъятной (?) Имперіей править теперь Государыня, судьба которой была 30-тъ лѣтъ тому назадъ поразительно схожа съ настоящимъ положеніемъ самой маленькой принцесы Софіи Доротеи: она (Екатерина II) тоже родилась въ Штетинѣ, тоже была дочерью Штетинскаго прусскаго губернатора и мелкаго германскаго князя и тоже называлась Софіей. *Сколько пожеланій и сколько, быть можетъ, тайныхъ надеждъ зарождалось въ то время въ семейномъ кругу Виртембергской фамиліи, при этомъ дѣйствительно замѣчательномъ совпаденіи.*

Предъидущія и послѣдующія событія, разказанныя самимъ г. Шумигорскимъ, совершенно не соотвѣтствуютъ этой поэтической страницѣ предположеній, догадокъ и обобщеній. Вообще разсказъ безъ фактовъ по одному наведенію или по предположеніямъ — методъ самый опасный для историка, вводящій его въ заблужденія, ошибки, ложныя заключенія и подрывающій довѣріе читателя къ выводамъ автора. И дѣйствительно, въ приведенной нами выдержкѣ нѣтъ ничего вѣрнаго кромѣ только того, что Марія Феодоровна родилась въ томъ же Штетинѣ, въ которомъ родилась и Екатерина II. Разказовъ сказочнаго характера виртембергская принцеса слушать не могла потому, что ей было всего три года. Екатерина II не была первою женщиною на тронѣ ни у насъ, ни даже въ Европѣ, а необъятность Имперіи создана ею подъ конецъ царствованія, на глазахъ Маріи Феодоровны, жившей уже тогда въ Россіи. Что касается до пожеланій и тайныхъ надеждъ, то роди-

тели ея не имѣли къ тому никакихъ основаній и едва-ли думали объ этомъ. Нѣсколько дагѣ (стр. 55) самъ авторъ говоритъ «но родители принцесы не могли разсчитывать, что ихъ дочь займетъ величайшій тронъ въ Европѣ».

Изъ этого видно какъ скользокъ путь историка въ этомъ направленіи и, чтобы быть точнымъ въ изслѣдованіи, лучше не касаться тѣхъ вопросовъ, объясненіе которыхъ невозможно за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Между тѣмъ авторъ разсматриваемаго труда прибѣгаетъ не рѣдко къ предположеніямъ, догадкамъ и наведеніямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣетъ необходимыхъ для того источниковъ ¹⁾.

Г. Шумигорскій самъ упоминаетъ о скудости источниковъ, относящихся до самыхъ раннихъ лѣтъ Маріи Ѳеодоровны, но это однакоже не помѣшало ему дать намъ полную характеристику ея родителей, семейной обстановки, условій жизни и первоначальнаго воспитанія молодой принцесы. Все это изложено авторомъ съ такою подробностью и умѣніемъ въ группированіи фактовъ, что характеристика Маріи Ѳеодоровны, за этотъ періодъ ея жизни, является вполне типичною и законченною.

Слѣдующая третья глава посвящена переговорамъ, веденнымъ между Петербургомъ, Берлиномъ и Монбельяромъ по поводу избранія принцесы въ супруги Великому Князю Павлу Петровичу, пріѣзду ея въ Петербургъ и бракосочетанію. Вмѣшательство въ это дѣло Пруссіи, интриги Фридриха и самый пріѣздъ Маріи Ѳеодоровны въ Россію достаточно разработаны въ нашей литературѣ и кромѣ сводки печатнаго матеріала автору трудно было сказать что либо новое. Тѣмъ не менѣе сводка эта требовала тщательнаго изученія источниковъ и оцѣнки ихъ, что и сдѣлано г. Шумигорскимъ вполне удовлетворительно. Точно также очень удачна характеристика Маріи Ѳеодоровны какъ Великой Княгини (глава IV), оцѣнка личности Павла Петровича, отношеній велико-княжеской четы къ Императрицѣ Екатерианѣ II и къ своимъ германскимъ родственникамъ. Эти родственники, не отличавшіеся достоинствами и нравственными качествами, не давали покоя Великой Княгинѣ, заставляли ее вмѣшиваться въ политику, возстановляли ее противъ Екатерины II и вели на путь противный пользамъ Россіи. Хотя въ предисловіи своемъ г. Шумигорскій и говоритъ, что Марія Ѳеодоровна вообще уклонялась отъ вмѣшательства въ государственныя

¹⁾ См. стр. 17, 54, 316 и другія.

дѣла, но обнародованная имъ переписка и дѣятельность ея, сначала какъ Великой Княгини, а затѣмъ Императрицы, укажутъ намъ въ будущемъ, что она никогда не отказывалась и была далеко не чужда вмѣшательства какъ въ государственныя, такъ и въ политическія дѣла своего времени.

Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Великой Княгини къ ея нѣмецкимъ родственникамъ, о постоянныхъ и многочисленныхъ ихъ просьбахъ, замѣчается та же склонность автора вдаваться въ излишнія подробности, не имѣющія особеннаго значенія для жизни Маріи Феодоровны вообще и русской въ особенности. Авторъ занимается германскими принципами богѣе, чѣмъ воспитаніемъ дѣтей велико-княжеской четы (глава V). Правда, что воспитаніе первыхъ двухъ сыновей — Александра и Константина не принадлежало родителямъ и со дня рожденія они были взяты на попеченіе Екатерины II, но воспитаніе дочерей было предоставлено полной волѣ родителей. Объ этомъ воспитаніи мы почти ничего не встрѣчаемъ въ биографіи Маріи Феодоровны, кромѣ указанія на тѣхъ лицъ, которыя были выбраны въ воспитательницы. Говоря о воспитаніи двухъ старшихъ сыновей и видя въ Александрѣ будущаго наследника русскаго престола, г. Шумигорскій естественно увлекся преимущественно его воспитаніемъ, а о Константиנѣ говоритъ сравнительно мало и какъ бы вскользь. Объяснить это недостаткомъ матеріаловъ нѣтъ причины, потому что сохранились подробныя донесенія о занятіяхъ Константина Павловича и учебныя его тетради. Характеръ Великаго Князя обозначился весьма рано и всегда имѣлъ значительное вліяніе на своего старшаго брата Александра. Прослѣдить это вліяніе было бы не бесполезно, потому что оно, проявляясь и въ послѣдующей жизни двухъ братьевъ, имѣло значеніе въ рѣшеніи многихъ государственныхъ вопросовъ въ царствованіе Императора Александра I. Во всякомъ случаѣ въ разсказѣ о воспитаніи великихъ князей и княженъ, биографу Маріи Феодоровны необходимо было соблюсти полную равновѣрность и не давать особаго предпочтенія старшему сыну. Что касается словъ г. Шумигорскаго, что «Александръ научился хорошо писать по русски (стр. 384), то съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Александръ всегда писалъ охотнѣе по французски, чѣмъ по русски и отрицалъ существованіе буквы ѣ въ русскомъ алфавитѣ. Онъ сознавалъ свой недостатокъ и шутливо говорилъ, что можетъ ошибиться въ помѣщеніи буквы ѣ, а государь не долженъ ошибаться, по крайней мѣрѣ сознательно.

Описаніе путешествія велико-княжеской четы по Европѣ въ 1781 и 1782 гг. составляетъ одну изъ наиболѣе обширныхъ главъ (VI) сочиненія и вноситъ нѣсколько новыхъ данныхъ, заимствованныхъ авторомъ изъ неизданныхъ писемъ Маріи Θεодоровны, хранящихся въ архивахъ: Государственномъ, Павловскаго дворца и Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«Мы, говоритъ авторъ, не будемъ подробно излагать внѣшнюю сторону путешествія Павла Петровича и Маріи Θεодоровны и описывать тѣ обычныя празднества, которыми чествовали высокихъ путешественниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей: описаніе это въ сущности ничего не прибавитъ къ раскрытію тѣхъ впечатлѣній, которыя производило на цесаревича и его супругу знакомство съ новыми странами, и тѣхъ личныхъ свойствъ велико-княжеской четы, къ проявленію которыхъ это знакомство подавало поводъ, — словомъ, того, что мы назвали бы внутренней исторіей путешествія. Къ сожалѣнію, она не можетъ быть восстановлена съ надлежащей ясностью по скудости матеріаловъ, тогда какъ внѣшняя, казовая сторона можетъ быть описана чрезвычайно подробно, почти день за днемъ».

Въ такомъ описаніи нѣтъ никакой надобности и отказавшись отъ подробностей внѣшней стороны путешествія, авторъ поступилъ совершенно правильно, такъ какъ въ противномъ случаѣ нарушилъ бы стройность и цѣльность своего изслѣдованія. Для насъ гораздо важнѣе то, что Павелъ Петровичъ вывезъ изъ заграничнаго путешествія поклоненіе Фридриху, увлеченіе прусскими порядками и прусскою муштровкою войскъ; что онъ, не раздѣляя политики своей матери, ниѣлъ во вредъ Россіи тайныя сношенія съ Берлиномъ, и наконецъ «не усумнился даже играть роль развѣдчика при дворѣ своей матери, сообщая королю интересныя для него политическія свѣдѣнія».

Все это, конечно, не могло укрыться отъ вниманія Екатерины, и существовавшая между матерью, сыномъ и невѣсткою холодность еще болѣе усилилась. Велико-княжеская чета стала удаляться отъ двора Императрицы и проводила большую часть года внѣ столицы или въ Павловскѣ или въ Гатчинѣ, занимаясь ихъ устройствомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи неизданные до сихъ поръ документы г. Шумигорскій, въ нѣсколькихъ главахъ своего труда, сообщаетъ много новыхъ данныхъ о семейной и загородной жизни наследника русскаго престола и его супруги. Эта часть изслѣдованія автора является совершенно новою и впервые обработанною, и

даетъ намъ подробности объ устройствѣ Павловска и Гатчины, о занятіяхъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны какъ помѣщика и помѣщицы и о домашнемъ кружкѣ, среди котораго они проводили время и интересами котораго жили. Жаль только, что перечисляя приближенныхъ лицъ, авторъ мало или почти совсѣмъ не останавливается на графѣ Ѳ. В. Ростопчинѣ, игравшемъ не малую роль въ Павловской и Гатчинской придворной жизни и обязанномъ ей своимъ возвышеніемъ.

Удаленіе Павла Петровича отъ двора, жизнь въ Гатчинѣ, поклоненіе Фридриху, служеніе его интересамъ и муштровка гатчинскихъ войскъ по прусскому образцу — все это разъединило сына съ матерью и въ 1788 году, по возвращеніи изъ путешествія на югъ Россіи, Императрица стала уже помышлять объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдія престола. Въ 1793 году были уже составлены какія-то «секретныя бумаги», касавшіяся великаго князя, а затѣмъ Екатерина стала готовить Александра Павловича къ мысли о будущемъ его возвышеніи. Авторъ довольно подробно рассказываетъ какъ Императрица обращалась за содѣйствіемъ къ Лагарпу, какъ, пользуясь холодностью отношеній между мужемъ и женою, она пыталась подѣйствовать на Марію Ѳеодоровну и наконецъ какъ готовила она самого Александра Павловича. Положеніе великой княгини въ этой продолжительной интригѣ было самое тяжелое, и приведенная г. Шумигорскимъ переписка ея съ Пещеевымъ служить лучшимъ тому свидѣтельствомъ.

«Въ 1799 году, говоритъ авторъ, Павелъ Петровичъ получилъ ясное и неопровержимое доказательство намѣренія Екатерины лишить его права престолонаслѣдія въ пользу старшаго его сына, котораго Павелъ самъ отталкивалъ отъ себя своею холодностью. Дурныя отношенія Павла къ сыновьямъ, разумѣется, благопріятствовали плану Императрицы, но усилія Маріи Ѳеодоровны смягчить своего супруга, быть можетъ, остались бы безуспѣшны, если бы ей неожиданно не явился на помощь человекъ, котораго Павелъ не хотѣлъ видѣть цѣлыхъ три года и имени котораго не могъ произнести иначе какъ съ бранью: это былъ любимый наставникъ Александра Павловича, Лагарпъ.

Не раздѣляя видовъ Екатерины, Лагарпъ старался сблизить Александра съ отцомъ и поставилъ его въ двусмысленное положеніе: не желая идти противъ отца, Александръ опасался оскорбить отказомъ и Екатерину. Онъ принужденъ былъ вести себя такъ, чтобы угодить и отцу и бабкѣ. Продолжительные переговоры по

поводу престолонаслѣдія кончились тѣмъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Екатерины II, и именно 24 сентября, Александръ Павловичъ письменно выразилъ бабушкѣ полное свое согласіе на принятіе престола и въ то же время написалъ о томъ отцу, говоря что никогда не рѣшится идти противъ родителей и не посягнетъ на права отца ¹⁾. Зная подозрительность Павла Петровича, Александръ призналъ его Императоромъ еще при жизни Екатерины II и во всѣхъ письмахъ своихъ, относящихся къ тому времени, не иначе называлъ отца какъ «Императорскимъ Величествомъ». Императрицѣ не удалось окончательно оформить свое желаніе; 6-го ноября 1796 года она скончалась. «Появились, говорить авторъ, въ зимнемъ дворцѣ новые люди, для Россіи настало новое, Павловское время».

На этомъ останавливается разсказъ г. Шумигорскаго, составляющій первый томъ его изслѣдованія.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ труда, мы должны сказать, что авторъ работалъ преимущественно по первоисточникамъ и потому имѣлъ возможность сообщить много цѣнныхъ историческихъ фактовъ, впервые являющихся въ печати; что, за немногими указанными нами исключениями, онъ, вполне владѣя собраннымъ имъ матеріаломъ, даетъ довольно полную картину жизни Императрицы Маріи Феодоровны и характеристику лицъ ее окружавшихъ въ этотъ періодъ времени. Имѣя въ виду, что достоинства труда значительно превышаютъ нѣкоторые недосмотры, всегда неизбѣжные въ подобномъ обширномъ изслѣдованіи, я прошу Академію Наукъ обратить вниманіе на сочиненіе г. Шумигорскаго и удостоить его преміи графа Уварова.

¹⁾ Авторъ приводитъ первое письмо дословно, но письма Александра къ Павлу Петровичу онъ въ своемъ распоряженіи не имѣлъ.

III.

С. М. СЕРЕДОНИНЪ. СОЧИНЕНІЕ ДЖИЛЬСА ФЛЕТЧЕРА «OF THE RUSSE COMMON WEALTH», КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ. СПБ. 1891.

Отзывъ профессора С. Ф. Платонова.

I.

«Полное изученіе источниковъ въ нихъ самихъ до сихъ поръ еще мало практиковалось въ нашей наукѣ», говоритъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей рецензіи на извѣстный трудъ о Герберштейнѣ профессора Е. Е. Замысловскаго; «болѣе всего сдѣлано въ этомъ отношеніи по вопросу о гѣтописяхъ, которыя критически изучаются со временъ Татищева, Милера и Шлецера; для изученія же иностранцевъ сдѣлано весьма немного»¹⁾. Эти слова почти съ тою же силою можно повторить и теперь. Съ того времени однѣ журнальныя замѣтки (о Фоскарини, Таубе и Крузе, Дж. Тедалди) и два-три перевода (Гейденштейна, Таннера, Гордона) дополнили собою скудный отдѣлъ нашей ученой литературы, посвященный изученію иностранцевъ, писавшихъ о допетровской Руси; и только одинъ разбираемый трудъ С. М. Середонина явился крупною новостью этого отдѣла.

Изученіе источниковъ «самихъ въ себѣ» дѣло, безъ сомнѣнія, полезное и порою совершенно неизбежное тамъ, на примѣръ, гдѣ, при отсутствіи точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ по вопросу, приходится дорожить каждымъ намекомъ документа и освѣщать этотъ намекъ общою характеристикою документа въ полномъ его составѣ. Наша историографія знаетъ примѣры, когда въ силу необ-

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1884, май, стр. 106.

ходимости изучение вопроса всецѣло переходило въ изучение источниковъ, относящихся къ вопросу. Погодинъ и Бутковъ изучали лѣтопись для опроверженія взглядовъ «скептической школы», шедшихъ гораздо далѣе оцѣнки собственно лѣтописи. Позднѣйшіе представители «норманнской школы» развивали свою аргументацію путемъ критическаго изученія матеріала, какъ стараго, такъ и вновь привлеченнаго ими. Эти и подобные примѣры свидѣлствуютъ, что иногда развитіе спеціальнаго вопроса ставить на очередь изученіе историческаго матеріала, обращаетъ силы изслѣдователей на обработку источниковъ, а не фактовъ. Иногда же сложность поставленнаго вопроса ранѣе всякихъ попытокъ его общаго, систематическаго разрѣшенія вызываетъ со стороны изслѣдователя желаніе подойти къ правильному уразумѣнію дѣла чрезъ предварительное критическое изученіе главной категоріи источниковъ «самихъ въ себѣ». Вспомнимъ, что В. О. Ключевскій обратился къ обслѣдованію сѣверно-русскихъ житій потому, что видѣлъ въ нихъ «самый обильный и свѣжій источникъ для изученія одного факта древнерусской исторіи, участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси». Вспомнимъ, что «Очерки русской исторической географіи» Н. П. Барсова начаты были изученіемъ «географіи начальной лѣтописи» и что занятія историческою географіею Е. Е. Замысловскаго приняли аналогическую форму — изученія историко-географическихъ извѣстій о Россіи Герберштейна. Далѣе, частая необходимость пользоваться для изученія той или другой эпохи какимъ либо основнымъ источникомъ естественно вызываетъ желаніе сыскать лучшую его редакцію, наиболѣе надежный текстъ, а это ведетъ къ критическому изученію собственно источника. Въ недавнее время, на примѣръ, два ученыхъ, П. Н. Милюковъ и Н. П. Лихачевъ, занимались изслѣдованіемъ «разрядовъ» XVI вѣка съ цѣлью отысканія ихъ офіціального текста. Словомъ, можно отмѣтить много такихъ условій, которыя выдвигаютъ на первый планъ критическое изслѣдованіе источниковъ при разрѣшеніи самыхъ разнообразныхъ ученыхъ задачъ, при изученіи самыхъ различныхъ эпохъ и явленій.

На такія именно условія указываетъ и С. М. Середонинъ при объясненіи того, какимъ образомъ пришелъ онъ къ разработанной имъ темѣ. Справедливо замѣчаетъ онъ, что «вторая половина XVI вѣка — одна изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ русской исторіи» и что изученіе ея затруднено недостаткомъ данныхъ. «Едва-ли можно расчитывать», говоритъ г. Середонинъ, «на по-

явленіе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ документовъ по этой эпохѣ содержанія доселѣ неизвѣстнаго; поэтому дальнѣйшее изученіе ея мнѣ представляется возможнымъ или въ подробной переработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, хотя бы казавшихся мелкими на первый взглядъ, или въ критической разработкѣ главныхъ источниковъ, въ тщательной провѣркѣ извѣстій, которыми пользовались многіе. Я избралъ этотъ послѣдній путь; мнѣ казалось, что разборъ источника, очень богатаго по содержанію своему, очень хорошо извѣстнаго въ научной литературѣ, я и самъ ближе подойду къ рѣшенію наиболее важныхъ вопросовъ интересовавшаго меня времени и, быть можетъ, окажу посильную помощь другимъ, кто долженъ будетъ обратиться къ сочиненію Флетчера» (стр. I—II). Всѣ эти соображенія г. Середонина, въ общемъ, правильны. Въ самомъ дѣлѣ, пока не можетъ у насъ быть увѣренности, что въ библиотекахъ и архивахъ таятся невѣдомыя богатыя данныя по исторіи московскаго внутренняго быта XVI вѣка, — Флетчера слѣдуетъ считать въ этомъ отношеніи однимъ изъ главныхъ источниковъ, критическая обработка котораго можетъ ввести изслѣдователя въ разумнѣе эпохи и дать результаты не только исторіографическаго, но и собственно историческаго характера. Удачный выборъ источника оправдываетъ избранный изслѣдователемъ путь изученія эпохи и дозволяетъ автору заключить въ форму историко-критическаго этюда нѣсколько цѣнныхъ историческихъ разысканій. Служа для самого автора удобнымъ средствомъ ознакомленія съ извѣстнымъ періодомъ нашей исторіи, его изслѣдованіе обогащаетъ науку пересмотромъ темныхъ вопросовъ этого періода и попытками новаго ихъ рѣшенія. Такимъ образомъ сдѣланный г. Середонинимъ выборъ темы кажется намъ основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится у насъ изученіе московской жизни XVI вѣка.

Однако, признаніе за авторомъ права и основаній ограничить свою задачу изученіемъ одного сочиненія Флетчера не можетъ скрыть отъ насъ тѣ неудобства, какія представляетъ эта тема съ методологической точки зрѣнія. Принимая на себя обязанность представить разборъ всѣхъ сколько нибудь важныхъ показаній Флетчера, касавшагося въ своей книгѣ самыхъ различныхъ сторонъ московской жизни, авторъ въ сущности заранѣе отказывался отъ единства содержанія въ своемъ будущемъ трудѣ. Въ изложеніи результатовъ работы ему предстояла необходимость ограничиться лишь внѣшнимъ порядкомъ въ расположеніи матеріала,

объемъ и содержаніе котораго зависѣли не отъ авторскихъ соображеній, а отъ того, какія извѣстія Флетчера окажутся цѣнными послѣ ихъ критическаго изученія. Съ другой стороны, это критическое изученіе не всегда бывало возможно въ одинаковой степени: нѣкоторыя извѣстія Флетчера вполне поддавались повѣркѣ благодаря существованію иныхъ данныхъ о томъ же предметѣ; въ другихъ случаяхъ можно было давать лишь частный комментарий къ тексту Флетчера; въ третьихъ, наконецъ, нечѣмъ было повѣрять и оставалось только приводить и объяснять общими соображеніями показанія Флетчера. Это обстоятельство многократно заставляло автора измѣнять самый характеръ изложенія своего труда, отъ детальнаго изслѣдованія какого либо вопроса, затронутаго Флетчеромъ, переходить къ простому пересказу текста Флетчера и обратно. Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Середонина слѣдуетъ видѣть не развитіе одной темы, а скорѣе собраніе историческихъ темъ, неравномѣрно обработанныхъ и расположенныхъ въ послѣдовательности чисто внѣшней, заимствованной авторомъ, такъ сказать, извнѣ. Для человѣка, знакомаго съ техникою научнаго труда, понятны тѣ неудобства и затрудненія, съ которыми неизбежно долженъ былъ считаться авторъ при систематизаціи добытаго имъ разнороднаго матеріала; этими затрудненіями можно и должно многое объяснять и оправдывать въ построеніи книги г. Середонина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не предугадывать, что упреки критики должны будутъ прежде всего обратиться именно на конструкцію разбираемаго труда, создавшагося въ зависимости отъ свойства самой темы г. Середонина.

Эти предварительныя замѣчанія о свойствахъ темы г. Середонина мы дѣлаемъ съ тою цѣлью, чтобы показать, въ какое невыгодное для самого себя положеніе сталъ авторъ, посвятивъ свои силы и способности на изученіе не прямо фактовъ, а источниковъ эпохи. Нѣтъ нужды доказывать, что содержаніе книги г. Середонина даетъ читателю болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе, и что, съ другой стороны, много не имѣющихъ цѣны мелочей по формальнымъ требованіямъ темы должно было войти въ повѣствованіе автора и обременить книгу ненужнымъ балластомъ.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ исполненія труда г. Середонина.

II.

Какъ авторъ понялъ свою задачу, самъ онъ объясняетъ въ предисловіи:

«Задачей своей я считалъ опредѣлить достоинство какъ всего сочиненія «Of the Russe Common Wealth», такъ и отдѣльныхъ сообщеній Флетчера. Я предпослалъ систематическому разбору извѣстій Флетчера *Введеніе*, въ которомъ изложены біографія писателя, содержаніе его сочиненія и общія критическія замѣчанія объ отношеніи автора какъ къ предшествовавшимъ трудамъ, такъ и къ устнымъ сообщеніямъ. Здѣсь же я далъ общій обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи, написанныхъ до появленія книги Флетчера.... Самыя извѣстія я раздѣлилъ на четыре главы: 1) историко-географическія извѣстія; 2) извѣстія о населеніи, его бытѣ внѣшнемъ, социальномъ и экономическомъ; 3) извѣстія о власти, ея отношеніи къ подданнымъ, къ церкви, къ думѣ боярской, къ собору; 4) извѣстія объ управленіи — административномъ, церковномъ, судопроизводствѣ, финансовомъ и военномъ..... Въ *Заключеніи* я свелъ итоги изслѣдованія и далъ общую характеристику труда Флетчера» (стр. II—III).

Это — въ общемъ весьма стройный планъ изложенія: выясняются обстоятельства появленія книги Флетчера и опредѣляется ея общая тенденція; въ извѣстной системѣ излагаются критически оцѣненные отдѣльныя извѣстія и, какъ общій синтезъ изъ ряда предшествующихъ наблюденій и критическихъ операцій, предлагается общая характеристика изучаемаго труда. Но частности этого плана вызываютъ нѣкоторыя замѣчанія.

Распредѣленіе извѣстій Флетчера по четыремъ главамъ книги произведено г. Середонинымъ въ томъ порядкѣ, какой принять въ извѣстномъ «Обзорѣ исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова для изложенія институтовъ древнерусскаго государственнаго права. Но матеріалъ, бывший въ рукахъ г. Середонина, своимъ содержаніемъ далеко выходилъ за юридическія рамки, и потому эти рамки иногда становились для него ложемъ Прокруста. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою *Территорія* въ «Обзорѣ» г. Владимірскаго-Буданова заключается исторія образованія государственной территоріи и описаніе существовавшихъ на этой территоріи административныхъ дѣленій. У г. Середонина этой рубрикѣ соответствуетъ *Глава первая (Историко-географическія извѣстія)* и въ ней находится, во-первыхъ, разборъ собственно историческихъ свидѣтельствъ Флетчера, а во-вторыхъ, разборъ его географическихъ данныхъ. Эти двѣ группы извѣстій ничѣмъ между собою не связаны: первая говоритъ о политическихъ событіяхъ, вторая заключаетъ въ себѣ матеріалы географическіе и этногра-

фическіе. Въ одну главу эти группы извѣстій сведены, конечно, искусственно, между тѣмъ какъ у г. Владимірскаго-Буданова соотвѣтствующая глава представляетъ цѣльное ученіе, развивающее одну тему. Нѣчто подобное находимъ и во II-й главѣ труда г. Середонина (*Извѣстія о населеніи*). Здѣсь опять таки въ силу внѣшняго подражанія плану «Обзора» сведены вмѣстѣ разнохарактерныя извѣстія, съ одной стороны, о внѣшнемъ бытѣ русскихъ, ихъ одеждѣ, обычаяхъ, физическомъ сложеніи и, съ другой стороны, о московской сословной организаціи и объ экономическомъ положеніи русскаго общества. При этомъ смѣшеніи этнографическихъ, историко-юридическихъ и народно-хозяйственныхъ свѣдѣній переходы отъ сюжета къ сюжету должны по необходимости быть слишкомъ рѣзки: на стр. 155-й, напримѣръ, отъ замѣчаній о придворной московской стражѣ авторъ сразу переходитъ къ замѣчаніямъ о положеніи женщины въ московскомъ обществѣ. Но такое не всегда стройное и логически послѣдовательное размѣщеніе матеріала составляетъ лишь внѣшнее неудобство; болѣе коренной недостатокъ плана, замѣчаемый не однажды, заключается въ томъ, что свѣдѣнія, относящіяся къ одному предмету, оказываются не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги, и читатель самъ долженъ сводить ихъ въ одно цѣлое. Такъ, свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи и, въ частности, о земельныхъ владѣніяхъ московской аристократіи излагаются въ главѣ I-й (§ 1) и въ главѣ II-й (§ 3): въ первый разъ авторъ говоритъ объ усиленной мобилизаціи боярской земельной собственности, какъ о политической мѣрѣ московскаго правительства; во второй разъ онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить имущественное положеніе боярства вообще и, между прочимъ, путемъ исчисленія ихъ земельныхъ доходовъ и размѣровъ самыхъ земельныхъ имуществъ. Далѣе, то же можно замѣтить и о московскихъ приказахъ «четвертяхъ», свѣдѣнія о которыхъ излагаются авторомъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ одной и той же главы (§ 1 и § 3 главы IV-й) и кромѣ того на стр. 60-й. Такимъ образомъ, расположеніе матеріала въ книгѣ г. Середонина, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ правильно, и по той именно причинѣ, что авторъ рѣшился къ своему, очень широкому и разнообразному по содержанію матеріалу примѣнить схему, рассчитанную на матеріалъ болѣе узкій и болѣе цѣльный по содержанію.

Выясняя въ предисловіи планъ своего изложенія, г. Середонинъ объясняетъ затѣмъ и основной приѣмъ своего изслѣдованія: «Не ко всѣмъ извѣстіямъ Флетчера», говоритъ онъ: «я отно-

сился съ одинаковымъ вниманіемъ, что зависѣло какъ отъ достоинства и цѣнности извѣстій, такъ и отъ литературы предмета. По своей цѣнности извѣстія Флетчера могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ: 1) Къ первой относятся извѣстія, не имѣющія вовсе никакой цѣны или имѣющія очень малую цѣну для русской науки. Эта категорія извѣстій интересна лишь для характеристики самого Флетчера; оттого я упоминалъ о нихъ, но считалъ совершенно излишнимъ останавливаться на нихъ подробнѣе. Я не разбиралъ его сообщеній о порядкѣ православнаго богослуженія, описаній церковныхъ обрядовъ,.... я мимоходомъ указалъ на его отношеніе къ православію, нападки какъ на самое вѣроученіе, такъ и на обряды и вообще на религіозную жизнь народа; все это вещи избытныя, давно извѣстныя; мнѣ бы пришлось повторять то, что сравнительно недавно высказано было Д. В. Цвѣтаевымъ и раньше Л. П. Рущинскимъ. 2) Вторую категорію составляютъ извѣстія, сами по себѣ интересныя, но въ вопросахъ, къ которымъ они относятся, имѣющія значеніе лишь второстепенное. Это очень многочисленная группа извѣстій. При разборѣ такихъ извѣстій я старался опредѣлить, что новаго они вносятъ въ разбираемый вопросъ, какія подробности можно извлечь изъ нихъ. Если въ литературѣ предмета существовало разногласіе, я подвергалъ спорные пункты пересмотру на основаніи какъ извѣстій Флетчера, такъ и другаго матеріала, которымъ не пользовались еще мои предшественники по разбираемому предмету. 3) Съ особымъ тщаніемъ я отнесся къ тѣмъ извѣстіямъ Флетчера, которыя служатъ главными источниками для рѣшенія затронутыхъ ими вопросовъ. При разборѣ ихъ я старался найти прежде всего надежный критерій, не позволялъ себѣ только отвергнуть показанія Флетчера, какъ невѣрныя, но, по мѣрѣ силъ, старался дать положительное рѣшеніе дѣла» (стр. III—IV).

Мы позволили себѣ эту большую выписку потому, что она очень точно и отчетливо раскрываетъ способъ отношенія автора къ извѣстіямъ, которыя ему надлежало изслѣдовать. Авторъ не гнался за тѣмъ, чтобы пересказать и оцѣнить *все* извѣстія своего источника, а дѣлалъ между ними выборъ. Этого требовала экономія труда. Откидывались извѣстія или безусловно маловажныя, или уже научно освѣщенныя и эксплуатированныя спеціальною литературою. Введенныя же въ кругъ изученія и повѣрки показанія пользовались не *все* одинаковымъ вниманіемъ автора: одни комментировались кратко, лишь настолько, насколько это необходимо было для ихъ общей критической оцѣнки; другія же, напротивъ, вызы-

вали цѣлыя изысканія, опыты всесторонней детальной повѣрки. Сообразно съ такою манерою, каждая глава книги г. Середонина слагалась, во-первыхъ, изъ простаго пересказа, въ системѣ, сообщеній Флетчера съ попутными толкованіями и критическими замѣтками, и, во-вторыхъ, изъ самостоятельныхъ ученыхъ изысканій, предпринятыхъ по поводу сообщеній Флетчера. Изъ этихъ самостоятельныхъ экскурсовъ назовемъ, какъ крупнѣйшіе: 1) попытку подвинуть впередъ разрѣшеніе вопроса о политическомъ смыслѣ и цѣляхъ борьбы Іоанна Грознаго съ московскою аристократіею (глава I, § 1); 2) замѣчанія объ экономическомъ состояніи владѣльческихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ (глава II, § 3); 3) изслѣдованіе о происхожденіи четвертой (глава IV, § 1 и § 3); 4) очеркъ военныхъ силъ Московскаго государства (глава IV, § 4) и др.

Благодаря этому способу чередовать систематическій пересказъ извѣстій и самостоятельныя изысканія по поводу важнѣйшихъ изъ нихъ, книга г. Середонина пріобрѣтаетъ характеръ удобочитаемости и легко усваивается. Гораздо менѣе удобенъ былъ бы въ этомъ отношеніи другой теоретически возможный способъ изложенія — послѣдовательный комментарий къ извѣстіямъ Флетчера въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены извѣстія у самого Флетчера. Этотъ послѣдній способъ давалъ бы больше гарантій, что изслѣдованіе коснулось дѣйствительно всего того, что у Флетчера достойно вниманія; но вмѣстѣ съ г. Середонинымъ мы думаемъ, что и при избранномъ имъ способѣ «немного найдется скольконибудь интересныхъ указаній Флетчера, о которыхъ авторъ не упомянулъ бы» (стр. IV).

Таковы планъ и общіе приемы разбираемаго изслѣдованія. Посмотримъ теперь, насколько удовлетворительно ведено было самое изслѣдованіе. Прежде всего замѣтимъ, что самыя свойства темы ставили автора въ очень невыгодное положеніе, какъ изслѣдователя. Тема требовала повѣрки всѣхъ данныхъ Флетчера. Какъ образованный и наблюдательный человекъ, Флетчеръ вывезъ изъ Московскаго государства разностороннѣйшія наблюденія; эти наблюденія онъ стремился согласовать съ тѣмъ, что зналъ по книгамъ, привести въ опредѣленную систему, объединить извѣстною идеей, скажемъ даже болѣе — тенденціею. Опредѣлить обстоятельства появленія книги Флетчера, общій уголъ его зрѣнія, выяснить его тенденцію, показать, въ чемъ и какъ воспользовался онъ въ своемъ трудѣ данными литературныхъ пособій и гдѣ писалъ, какъ наблюдатель, непосредственно знакомый съ фактомъ, — вотъ первая

стадія изслѣдованія. Изучить критически всю массу данныхъ Флетчера о Московскомъ государствѣ, данныхъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ, данныхъ, рисующихъ вѣщный бытъ, основанія политической организаціи, сословныя отношенія, положеніе народнаго и государственнаго хозяйства, судъ, администрацію, словомъ, всѣ стороны московской жизни, — вотъ вторая стадія изслѣдованія. Со всею строгостію опредѣляя должныя, идеальныя границы такого изученія, мы должны заранѣе признать, что одинаковой ученой самостоятельности на всемъ пространствѣ подобнаго изслѣдованія требовать нѣтъ возможности. Тема охватываетъ столь широкій горизонтъ, что онъ недоступенъ взгляду одного изыскателя, а тѣмъ болѣе — начинающаго свой ученый путь. Поэтому мы заранѣе склонны были помириться съ комплиментарностью нѣкоторыхъ частей изслѣдованія, и тѣмъ пріятнѣе было намъ, при чтеніи книги г. Середонина, убѣдиться въ значительной ученой самостоятельности автора.

Правда, при изложеніи вѣшной исторіи труда Флетчера (во *Введеніи*) авторъ нашелъ, что ему «нѣтъ надобности самому разыскивать біографическія данныя» о Флетчерѣ и «объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ его пріѣздъ въ Россію» стр. II). Онъ не остановился въ своей книгѣ даже на систематическомъ пересмотрѣ этихъ данныхъ, ибо нашелъ, что онѣ не разъ были собраны и обработаны въ англійскихъ и русскихъ трудахъ, и убѣдился, что архивныя матеріалы, относящіяся до первыхъ сношеній Англій и Россіи, исчерпаны были до него другими учеными. Это уклоненіе отъ пересмотра и подробнаго изложенія біографическихъ и дипломатическихъ подробностей можно счесть совершенно законнымъ, прежде всего потому, что этотъ пересмотръ и это изложеніе, теоретически желательныя, на практикѣ отвели бы изслѣдователя очень далеко отъ его прямой задачи — изученія самой книги Флетчера. А во-вторыхъ, это уклоненіе явилось результатомъ не небрежности изслѣдователя, а напротивъ, пристальнаго знакомства его съ означенными подробностями, не введенными имъ въ книгу. Объ этомъ знакомствѣ свидѣтельствуетъ переводъ англійскихъ извѣстій о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, принадлежащій г. Середонину ¹⁾, а равно и занятія г. Середонина въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи. Въ виду всего этого,

¹⁾ Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россіи, 1884 г., кн. IV.

конечно, нѣтъ основаній винить автора въ произвольномъ и неосновательномъ уклоненіи отъ разработки тѣхъ частныхъ, которыя онъ или обошелъ или изложилъ вкратцѣ. По крайней мѣрѣ, мы лично отказываемся отъ подобныхъ обвиненій, считая, что характеристика личности и литературныхъ пріемовъ и идей Флетчера (то, что выше мы назвали первою стадією изслѣдованія) сдѣлана удовлетворительно и безъ самостоятельныхъ детальныхъ изысканій со стороны самого г. Середонина. Это, во всякомъ случаѣ, второстепенная часть задачи, какъ понимаетъ ее самъ г. Середонинъ.

Что же касается главной части труда, то-есть, оцѣнки сообщений Флетчера о Московскомъ государствѣ, то, за немногими исключеніями, изложеніе г. Середонина нужно признать въ ученомъ смыслѣ самостоятельнымъ. Авторъ хорошо знакомъ не только съ пособіями для исторіи занимающей его эпохи, но и съ первоисточниками. Онъ свободно вращается въ кругѣ самыхъ разнородныхъ историческихъ матеріаловъ, не отстываетъ предъ попытками самостоятельнаго анализа этихъ матеріаловъ и поэтому получаетъ возможность сопоставлять показанія Флетчера съ наиболѣе надежнымъ и удачно подобраннымъ кругомъ данныхъ. Кромѣ указанныхъ выше крупнѣйшихъ самостоятельныхъ ученыхъ изысканій г. Середонина, во всѣхъ главахъ его книги можно указать въ достаточномъ количествѣ примѣры непосредственнаго знакомства автора съ первоисточниками и доказательства критическаго къ нимъ отношенія. Авторъ вообще стремится къ ученой самостоятельности; онъ одинаково не принимаетъ безъ повѣрки ни ученаго мнѣнія, встрѣченнаго имъ въ литературѣ, ни указанія первоисточника, почему либо имъ заподозрѣннаго. Исключенія изъ этого рѣдки: авторъ въ описаніи сословнаго устройства и междословныхъ отношеній XVI вѣка иногда склоняется предъ авторитетомъ виднѣйшихъ нашихъ ученыхъ и готовъ принимать ихъ взгляды и толкованія даже въ тѣхъ случаяхъ (напримѣръ, стр. 180), когда они требовали бы нѣкоторыхъ ограниченій.

Таковъ въ общемъ характеръ разбираемаго труда. На опредѣленіи общихъ свойствъ его темы и исполненія мы остановились особенно внимательно въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть возможность дать наиболѣе правильное объясненіе его недостатковъ и недосмотровъ. Больше, чѣмъ въ какомъ либо трудѣ иного рода, въ изслѣдованіи г. Середонина недостатки зависятъ отъ свойствъ самой темы. Послѣдующимъ изложеніемъ постараемся пояснить эту нашу мысль.

III.

Выше было замѣчено, что разносторонность сообщеній Флетчера и невозможность одинаково точно повѣрить всѣ эти сообщенія превратили тему г. Середонина въ рядъ различныхъ темъ, неравномѣрно обработанныхъ. Иногда на самомъ дѣлѣ повѣрка разсказовъ Флетчера не могла быть доведена до точнаго результата по недостатку данныхъ безспорныхъ, на которыхъ можно было бы опереться при изученіи того или другаго факта. Но бывало и такъ, что изслѣдователь, теряясь среди разнообразія темъ и массы подлежащихъ сопоставленію показаній источниковъ, просто не находилъ необходимыхъ для себя свѣдѣній, хотя они и существовали и могли быть привлечены къ изслѣдованію. Въ такомъ случаѣ онъ заканчивалъ изученіе вопроса, — прежде чѣмъ добиваясь его точнаго разрѣшенія, — какимъ либо простымъ предположеніемъ, гипотезою, или сознаниемъ въ невозможности разрѣшить поставленную задачу, или же, наконецъ, ошибочнымъ положеніемъ. Такія остановки на полпути — результатъ недоработанности — составляютъ виднѣйшій недостатокъ труда, вытекающій непосредственно изъ свойствъ, а не происходящій отъ неумѣнія или незнанія самого изслѣдователя. Вмѣстѣ съ ученымъ рецензентомъ *Русской Мысли* ¹⁾ можемъ мы сказать, что «въ данномъ случаѣ со стороны автора не было недостатка ни въ талантливости, ни въ добросовѣстности, ни въ рабочемъ усердіи»; тѣмъ досаднѣе эти недостатки, по существу весьма частные и мелкіе, но, какъ *vis major*, тяготѣющіе надъ почтеннымъ трудомъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого рода недостатковъ изслѣдованія.

На стр. 103—104-й идетъ рѣчь о времени смерти боярина Никиты Романовича Юрьева. Предположительно авторъ относитъ эту смерть къ концу 1584 года. Основаніями для этого служатъ: 1) изложеніе Латухинской степенной книги (замѣтимъ, составленной въ 1678 году), по которому смерть Никиты Романовича предшествуетъ смутѣ между Годуновымъ и боярами ²⁾, и 2) то обстоятельство, что бѣжавшій въ Польшу во время этой смуты М. Головинъ былъ тамъ

¹⁾ *Русская Мысль*, 1892 г., февраль, стр. 66 Библиографическаго отдѣла.

²⁾ Съ Латухинской книгою сходна въ этомъ «Лѣтопись о мятежахъ», говорящая о кончинѣ Никиты Романовича даже ранѣе, чѣмъ о московскихъ безпорядкахъ 1584 г. (изд. 2-е, стр. 7).

уже въ началѣ 1585 года, во время посольства Троекурова и Безнина. Авторъ отстраняетъ мнѣніе С. М. Соловьева, что Никита Романовичъ умеръ въ 1586 году, хотя оно опирается на точную дату — 23-го апрѣля 7094 года, находимую у Миллера ¹⁾ и Снегирева ²⁾; отстраняется и мнѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина (немного односторонне понятое авторомъ), что смерть Никиты Романовича, какъ и ссылку Мстиславскаго, слѣдуетъ относить къ 1585 году. Но надобно думать, что болѣе внимательное изученіе дѣла въ данномъ случаѣ измѣнило бы выводъ автора. Прежде всего, къ концу года (какого бы ни было) смерть Никиты Романовича гадательно относить нельзя: данныя Миллера и Снегирева опредѣленно относятся ее къ *апрѣлю*; это указаніе получаетъ еще большую силу, если его сопоставить съ замѣткой «Кормовой книги» Кириллова монастыря ³⁾, что 19 апрѣля былъ кормъ по бояринѣ Никитѣ Романовичѣ, «во иноцѣхъ Нифонтѣ»: кормы бывали въ годовщину смерти, «на преставленіе» поминаемаго. вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни одного указанія, сколько нибудь твердаго, на то, что столкновение Бориса и бояръ произошло послѣ того, какъ умеръ Никита Романовичъ, а не послѣ того, какъ онъ заболѣлъ безнадежно. Тяжелая болѣзнь вліятельнаго боярина такъ же, какъ и смерть, могла открыть просторъ для притязаній на вліяніе во дворцѣ, могла дать поводъ для борьбы. Въ августѣ 1584 года кардиналъ Болоньетти отмѣчалъ существованіе партій среди московскихъ бояръ и предсказывалъ скорую кончину Никиты Романовича ⁴⁾. Если мы отмѣтимъ, что русскіе документы въ большинствѣ относятся смерть Никиты Романовича къ 7093 году, то поймемъ, о какомъ апрѣлѣ должна идти рѣчь: объ апрѣлѣ 1585 года. Послѣдовательность событій при этомъ опредѣлится такъ: 1584 годъ — болѣзнь Никиты Романовича, столкновение Бориса съ боярами, ссылка Мстиславскаго, бѣгство Головина въ Польшу; 1585 годъ — посольство Троекурова и Безнина, смерть Никиты Романовича и т. д. Принимая такой порядокъ, надобно счесть ошибочнымъ написаніе года (7094 вмѣсто 7093) въ документѣ Снегирева ⁵⁾; а это вполне дозволительно при томъ

1) Sammlung Russischer Geschichte, V, p. 36.

2) «Новоспасскій монастырь. Соч. И. Сн(егирева). М. 1843, стр. 130.

3) *Записки Отдѣленія Слав. и Русск. Археологій Имп. Русск. Археол. Общества*, т. I, отд. III, стр. 75.

4) *Histor. Russiae Mon.*, II, № VIII, p. 7: «detto Michita Romanoviz... il quale però non può viver molto per essere gravemente indisposto»...

5) Думаемъ, что на этомъ же документѣ основывался и Миллеръ, не указавшій своего источника.

условіи, что помянутый документъ («Описаніе царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей» и т. д.) относится не къ XVI вѣку, а къ концу XVII, именно — къ 1687 году.

На стр. 107-й авторъ приводитъ мнѣніе Флетчера, что «въ его время Годуновы не дѣлали даже разницы между достояніемъ своимъ и царскимъ; все поступающее въ царскую казну они считали уже своею собственностью». Съ этимъ мнѣніемъ авторъ согласенъ; но въ его подтвержденіе онъ приводитъ только одинъ примѣръ, и при такомъ такой, который (если стать на точку зрѣнія г. Середонина) всего скорѣе можетъ свидѣтельствовать, что доходы Годунова поступаютъ въ распоряженіе государства, а не наоборотъ. «На смѣшеніе доходовъ государственныхъ и Годуновыхъ», говоритъ г. Середонинъ, «указываетъ любопытная грамота 1591 г.: старецъ Троицкаго монастыря Варсонофій билъ челомъ государю: «и намъ бы пожаловати ихъ, велѣти, въ руги мѣсто, дати изъ нашего Конюшеннаго приказу, изъ доходовъ слуги нашего и конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова»... И царь пожаловалъ ихъ просимымъ лугомъ». — Приводимая г. Середонинымъ грамота ¹⁾ въ самомъ дѣлѣ любопытна, и г. Середонинъ не вполне точно выяснилъ ея смыслъ. Троицкій «великій старецъ» Варсонофій Якимовъ (Акимовъ), лицо весьма извѣстное въ исторіи Троице-Сергіева монастыря XVI-го вѣка ²⁾, по своему почину возобновилъ пустыньку въ Гороховцѣ «у Егорья Святаго», заглохшую отъ казанскихъ татаръ въ началѣ XVI вѣка, и, пользуясь своимъ значеніемъ при дворѣ, обильно обезпечилъ эту пустыньку землями и угодами «государева данья». По смерти старца (1601 г.), по его желанію, Георгіевская пустынь перешла въ управленіе Троице-Сергіева монастыря ³⁾. Объ этой-то Георгіевской пустыни и говоритъ г. Середонинъ. Грамота, которую онъ цитируетъ, передаетъ старцу Варсонофію къ его Гороховской обители лугъ «Конюшь-островъ» «изъ Конюшеннаго приказу изъ доходовъ слуги нашего и конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова»; до той же поры «по Конюшенимъ по оброчнымъ книгамъ девяносто пятого году, былъ тотъ лугъ Конюшь-островъ на оброкѣ... за крестьяни-

¹⁾ А. И. П., № 229; сравн. «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры» А. В. Горскаго и архимандрита Леонида. М. 1879, I, стр. 177, прил. 10.

²⁾ Помянутое «Описаніе Сергіевы Лавры», I, стр. 85—87. — *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россіи*. 1867 г., кн. III, отд. I, стр. 49.

³⁾ «Описаніе Сергіевы Лавры», I, 176—177, 182—183.

номъ..., а оброку съ того лугу слугѣ нашему и конюшему и боярину Борису Ѳедоровичю Годунову давалъ по полутора рубля, да пошлинъ по три алтыны въ годъ». С. М. Середонинъ на основаніи приведенныхъ словъ склоненъ думать, что казенные оброчные доходы, записанные въ книги Конюшеннаго приказа, обращались въ личные доходы Бориса Годунова. Не говоря уже о томъ, что знакомство съ приказнымъ московскимъ языкомъ позволяетъ выраженіе «доходы слуги и конюшаго и боярина» толковать, какъ «доходы *вѣдомства* слуги и конюшаго»,—въ данномъ случаѣ возможно вѣдь прямое изслѣдованіе и точное опредѣленіе свойствъ этихъ доходовъ. До нашего времени дошла въ нѣсколькихъ спискахъ писцовая книга 7101—7102 (1593—1594) годовъ земель Троице-Сергіева монастыря въ Муромскомъ уѣздѣ. Среди этихъ земель описаны и тѣ, которыя даны были старцу Варсонофію къ Георгіевской пустыни¹⁾, и между прочимъ: «Тое жъ пустыни Егорья Христова мученика, что въ Гороховскомъ уѣздѣ, что пожаловалъ государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи Троицы Сергіева монастыря соборнаго старца Варсонофѣя Якимова въ руги мѣсто, что изъ Конюшего приказу доходовъ государева слуги и конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова, лугъ *Конюшь островъ*, что былъ на оброкѣ Троицы-Сергіева монастыря с. Дубров(ок)ъ за крестьяниномъ за Гаврилкомъ за Лукьяновымъ, а оброку съ того лугу давали на Москвѣ въ *государеву казну въ Конюшенной приказъ* по полутора рубли да пошлинъ по 3 алт. на годъ, и нынѣ тотъ лугъ Конюшь-островъ косятъ на монастырь, сѣна ставится 1500 коп. И на тотъ лугъ Конюшь-островъ Троицы-Сергіева монастыря слуга Иванъ Анисимовъ положилъ государя царя и великого князя Ѳедора Иоановича всеа Русіи жалованную грамоту»²⁾. Имѣя передъ глазами эту жалованную грамоту 7099 года августа 4-го,—ту самую, на которой г. Середонинъ основывалъ свое заключеніе о смѣшеніи доходовъ Годунова и государственныхъ, — писцы однако записали, что оброкъ съ Конюша-острова платился въ *государеву казну*, а не въ личные доходы конюшаго.

На стр. 191-й, сопоставляя данныя Флетчера и русскихъ документовъ о правахъ Бориса Годунова на Важскую землю, г. Середонинъ замѣчаетъ, что Флетчеръ знаетъ уже о томъ, что Годуновъ получаетъ съ Ваги доходы, тогда какъ «*по разрядамъ* Году-

1) «Писцовыя книги XVI вѣка» Н. В. Калачова, I, 1, стр. 882—884.

2) Ibidem, 883; сравн. примѣч. 3 и А. И., II, № 229.

новъ получилъ доходы съ Ваги за отбитіе Казы-Гирея отъ Москвы въ 1591 г., когда книга Флетчера была уже издана. Очевидно, что это пожалованіе въ 1591 г. тремя городами въ Важской волости было номинальнымъ, чтобы увеличить во мнѣніи народа значительность оказанныхъ Борисомъ услугъ, а на самомъ дѣлѣ доходами съ этой волости Годуновъ пользовался и раньше». Въ этихъ словахъ кроется недоразумѣніе: *по разрядамъ*, Борисъ получилъ за отраженіе татаръ въ 1591 году «золотой португальской»¹⁾; *доходовъ* съ Ваги онъ за эту заслугу не получалъ, а получилъ, — если только можно вѣрить въ этомъ дѣлѣ статейнымъ спискамъ посольства Данила Исленьева, — «въ вотчину три города въ Важской землѣ съ великими доходами»²⁾. Разное, конечно, дѣло пользоваться правомъ взиманія въ свою пользу доходовъ съ области (то-есть, «кормиться»), или же получить область въ вотчину (то-есть, въ наслѣдственную собственность). Флетчеръ говоритъ о первомъ, посольскій наказъ Исленьева о второмъ. Независимо отъ вопроса, достовѣрны или нѣтъ данныя этихъ источниковъ, слѣдуетъ признать, что онѣ другъ другу не противорѣчатъ и другъ друга не исключаютъ.

На стр. 220-й авторъ едва-ли не впалъ въ прямую ошибку, принявъ бояръ, бывшихъ «въ отвѣтѣхъ» съ посломъ Боусомъ, за «ближнюю думу» только потому, что, по словамъ дьяка, государь обѣщалъ выслать къ Боусу «съ отътою ближнихъ своихъ думныхъ людей». Но вѣдь «ближніе» люди «въ отвѣтѣ» и «ближняя дума», какъ государевъ тайный совѣтъ, не одно и то же. Слѣдуя въ данномъ случаѣ изложенію В. О. Ключевского, авторъ напрасно не сопоставилъ его съ указаніями Н. П. Загоскина на составъ «отвѣтныхъ» думскихъ комиссій³⁾.

Въ приведенныхъ примѣрахъ изслѣдованіе г. Середонина останавливалось, не достигнувъ должныхъ границъ, не дойдя до безспорныхъ, окончательныхъ или опредѣленныхъ результатовъ по той именно причинѣ, что авторъ не успѣвалъ привлечь къ дѣлу весь доступный намъ матеріалъ. Легко было бы, конечно, избѣжать такой неполноты матеріала въ томъ или другомъ мелкомъ вопросѣ, въ родѣ указанныхъ, и напротивъ, очень трудно было

¹⁾ «Симбирскій Сборникъ». М. 1845, стр. 118. — Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., X, прим. 270.

²⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., X, прим. 270. — Щербатовъ, Исторія Росс., т. VI, часть 1, стр. 317.

³⁾ Исторія права Московскаго государства, т. II, стр. 80—82.

исчерпать содержаніе вопросовъ болѣе сложныхъ, которые были бы достойны особыхъ монографій и которыхъ авторъ могъ коснуться лишь мимоходомъ въ длинной цѣпи подлежащихъ его вѣдѣнію темъ. Мы ни мало не сомнѣваемся, что самъ авторъ не придаетъ значенія изслѣдованія, вполне разрѣшающаго задачу, тѣмъ, на примѣръ, страницамъ своего труда, которыя посвящены характеристикѣ положенія крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ (глава II, § 3, стр. 192—208). Мы повторимъ сказанное нами выше, что эта характеристика есть одинъ изъ наиболѣе крупныхъ самостоятельныхъ этюдовъ автора, дѣлающихъ честь его приемамъ повѣрки Флетчера; но вмѣстѣ съ тѣмъ, взятая отдѣльно, эта характеристика не отличается ни полнотою матеріала, ни категоричностью вывода. Матеріалъ новъ, но случаенъ; выводъ имѣетъ лишь то значеніе, что отгѣняетъ рѣзкость и тенденціозность пессимистическаго взгляда Флетчера на данный предметъ. Этою пригодностью вывода, пригодностью *ad hoc*, могъ удовлетвориться г. Середонинъ въ интересахъ своей темы; но именно эти-то спеціальныя интересы и не позволили ему повести изученіе вопроса далѣе.

Рядомъ съ преждевременными остановками въ самостоятельномъ изученіи вопросовъ, въ книгѣ г. Середонина можно мѣстами наблюдать и простое уклоненіе отъ такого самостоятельнаго изученія. Авторъ, на примѣръ, считаетъ иногда возможнымъ взять ссылку на доступный всѣмъ источникъ (даже на Домострой) изъ вторыхъ рукъ, изъ какого нибудь литературнаго своего пособия ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ, подчинясь какому либо прежнему толкованію текста Флетчера, воспроизводитъ его безо всякихъ попытокъ разслѣдовать дѣло самостоятельно. Такъ, слѣдуя извѣстному переводу Флетчера на русскій языкъ К. М. Оболенскаго, г. Середонинъ читаетъ выраженія: *shapka zempska*, *slapa (stapa) zemskou*, *ferris zemskou* — *земская шапка*, *земская шляпа*, *земская ферязь*, хотя совершенно очевидно, что слѣдуетъ здѣсь разумѣть не *земскіе*, а *женскіе* уборы. Автора, конечно, смущало то, что Флетчеръ, передававшій русское *ж* буквами *sch* (*schalovaney*) или *sh* (*graveush*), въ данномъ случаѣ всегда ставитъ *z*, соответствующее русскому *з*, какъ и тамъ, гдѣ слова *zempsey*, *zemskey* у него безспорно значатъ *земскій* («The faction of *Oppressimi* and *Zempsey*...»). Но отчего

¹⁾ См. стр. 119, 159—160, 180. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что эти примѣры не часты и находятся въ полномъ противорѣчій съ обычнымъ приемомъ автора обращаться къ первоисточнику.

же не предположить, что Флетчеръ, хорошо не знавшій русскаго языка, спуталъ и отождествилъ здѣсь два слова по нѣкоторому ихъ виѣшнему созвучію? Во всякомъ случаѣ легче комментировать подобное предположеніе, чѣмъ объяснить, почему женскіе наряды въ древней Руси пользовались такимъ своеобразнымъ эпитетомъ. Самъ же авторъ отмѣтилъ, что «названія *земская ферьязь* не встрѣчается, а попадаются въ нашихъ описаніяхъ *женскія ферьязи* (стр. 144, примѣч.). Далѣе, авторъ довольствуется иногда совершенно случайнымъ и бѣднымъ подборомъ данныхъ для подтвержденія того или другаго своего положенія, тогда какъ при желаніи могъ бы подобрать безо всякихъ затрудненій и въ достаточномъ обиліи соотвѣтствующій его цѣлямъ матеріалъ. Такъ напримѣръ, на стр. 163-й онъ могъ бы добавить къ разрозненнымъ и мало выразительнымъ свидѣтельствамъ о высокомъ состояніи нравственнаго сознанія русскихъ людей въ XVI вѣкѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ и правдивыхъ бытовыхъ картинъ изъ житій того времени (Юліанія Муромской, архимандрита Діонисія, Иринарха) и лѣтописныхъ произведеній. Эти картины рисовали бы не только дѣйствительныя лица и реальныя факты, но и нравственное міросозерцаніе московскихъ людей, ихъ идеалы, къ которымъ устремлялись лучшіе умы и сердца отъ тяжелой житейской обстановки. Иногда матеріалъ до такой степени, такъ сказать, гнететъ автора, что онъ какъ будто бы запутывается въ подробностяхъ: такъ, напримѣръ, на стр. 183-й онъ упрекаетъ Флетчера въ томъ, что «представителями рода Булгаковыхъ Флетчеръ считаетъ только пятерыхъ Голицыныхъ, забывая о князьяхъ Куракиныхъ». Но Флетчеръ этого не забывалъ: правда, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что *въ это время* представителями дома Булгаковыхъ были Голицыны (Bulgalou, now called Guletchey house), но страницю ранѣе онъ повѣствуетъ объ опалѣ на князя Андрея (Петровича) Куракина-Булгакова, чело- вѣка высокаго происхожденія и большаго вліянія въ странѣ, который казался опасенъ Годуновымъ (Whereof divers *alreadie they have taken away*, whom they thought likeliest to make head against them and to hinder their purpose, as Knez Andreas Guraken Bulgatkove, a man of great byrth and authoritie in the countrey ¹⁾). Поятенъ ходъ мысли Флетчера: *прежде* былъ силенъ Андрей Куракинъ-Булгаковъ и удаленъ; *теперь* родъ Булгаковыхъ пред-

¹⁾ «Russia at the close of the XVI century» (ed. Bond. London. 1856), pp. 36, 35.

ставляется Голицыными. Не изъ чего не видно, чтобы Флетчеръ забылъ только что упомянутого имъ Андрея Куракина-Булгакова; видно только, что онъ его путалъ съ другимъ Куракинымъ, Григоріемъ Андреевичемъ, ибо при перечнѣ бояръ ¹⁾ переименовалъ послѣдняго въ Андрея Григорьевича (Кнез Andriew Gregoriwicz Curakine). Нашъ авторъ, хотя и успѣлъ разобраться во всѣхъ этихъ подробностяхъ въ предшествующемъ своемъ изложеніи (стр. 102—103), здѣсь тѣмъ не менѣе уличилъ Флетчера въ несуществующемъ заблужденіи.

Всѣ указанные примѣры погрѣшностей, недосмотровъ и недоразумѣній приводились нами не для того, чтобы доказывать несовершенство разбираемаго труда, а для того, чтобы показать, въ какое трудное положеніе былъ поставленъ изслѣдователь особенностями невыгодно избранной темы. Въ двухъ-трехъ случаяхъ намъ удалось пойти далѣе г. Середонина въ изученіи мелочныхъ подробностей; но какая же гарантія можетъ быть въ томъ, что спеціальное изученіе или внѣшней исторіи той эпохи, или какого либо бытового вопроса не поведетъ другихъ изыскателей еще далѣе, къ результатамъ болѣе точнымъ и полнымъ? И кто можетъ, при необходимости детально изучить всѣ стороны государственной и народной жизни въ извѣстный періодъ, поручиться въ томъ, что его изученіе во всѣхъ частностяхъ дошло до окончательныхъ результатовъ? Чѣмъ шире кругъ захваченныхъ темою вопросовъ, тѣмъ неизбѣжнѣе пробѣлы и недосмотры и тѣмъ менѣе возможности ставить въ вину автору каждый отдѣльный его промахъ.

Другое дѣло — недостатки не изслѣдованія, а собственно изложенія, къ которымъ мы теперь переходимъ. Вообще, изложеніе нашего автора носитъ на себѣ печать литературнаго дарованія, отличается ясностью и въ то же время сжатостью; очень часто оно достигаетъ большой живости, переходящей даже въ одушевленіе (напримѣръ, въ *Замоченіи*). Но автору можно сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой небрежности, въ нерадивомъ отношеніи къ фразѣ, даже къ точности самаго перевода текста Флетчера. Отсюда — кое-какія стилистическія шероховатости, частныя противорѣчія, мало понятныя мѣста. На стр. 102-й, напримѣръ, авторъ укоряетъ Флетчера въ томъ, что онъ ошибочно понялъ смыслъ боярскихъ столкновений при царѣ Феодорѣ, «не разобралъ этого дѣла вполне потому, что для него Годуновъ и правительство московское были уже си-

¹⁾ Ibidem, p. 46.

понимами». Читатель думаетъ, что для г. Середонина они еще не синонимы, и потому удивляется, когда г. Середонинъ на стр. 107-й отъ своего лица говорить: «конечно, въ это время правительство и Годуновы были синонимами». На стр. 168-й читаемъ, что «къ концу XVI вѣка русское самомиѣнне достигло своего апогея», ибо окрѣпла идея о томъ, «что русскому государству принадлежитъ *первое мѣсто* въ семьѣ христіанскихъ народовъ»; а на стр. 177-й авторъ выражается нѣсколько иначе, говорить, что «русскіе того времени вовсе не хотѣли играть роли низшихъ, а хотѣли быть *наравнѣ* со всѣми остальными народами». Въ данномъ случаѣ тотъ или другой оттѣнокъ мысли имѣетъ значеніе. На стр. 106-й выраженіе Флетчера «of no naturall disease» авторъ передаетъ немногими темными словами «(умерла) отъ неестественной болѣзни»; по-русски слѣдовало бы сказать «не естественною смертію» или «не отъ естественной болѣзни». На стр. 149-й англійская фраза: «The service is sent up by two dishes at a time, or three at the most, that he may eate it warme» передается съ пропускомъ at the most такимъ образомъ: «(Число блюдъ доходитъ до 70....). Блюда приносятся по два, по три заразъ, чтобы царь могъ кушать ихъ горячими»; смыслъ получается невѣрный и отчасти комичный. Еще комичнѣе фраза на стр. 156-й: «недовольный своею женою мужъ можетъ постричься въ монахи»; утеранный здѣсь смыслъ восстанавливается прибавкою опущенной г. Середонинымъ фразы «... and so leave his wife to shift for her selfe so well as she can». Дѣйствительный смыслъ показанія Флетчера тотъ, что мужъ имѣетъ право, *не обезпечивъ жену*, уйти отъ нея въ монастырь. На стр. 179-й вообще не точно, а частію и мало понятно переданы общія замѣчанія Флетчера касательно православнаго вѣроученія.

Такого рода погрѣшности, какія сейчасъ указаны, должны быть, конечно, поставлены на счетъ уже не темъ, а самому писателю.

IV.

Указаніями на происхожденіе и на характеръ недостатковъ труда г. Середонина мы могли бы и закончить нашъ отзывъ о разбираемой книгѣ, если бы въ данномъ случаѣ общее опредѣленіе свойствъ темы и научныхъ качествъ ея исполненія давало полное представленіе о книгѣ. Но, какъ мы уже замѣтили выше, заглавіе книги г. Середонина не опредѣляетъ ея полнаго содержанія: читателю предлагается критическая оцѣнка источника, но сверхъ

того дается и рядъ изысканій по исторіи той эпохи, къ которой относится источникъ. Поэтому значеніе разбираемаго труда для нашей исторіографіи не измѣряется только тѣмъ, насколько удачно опредѣлена въ немъ ученая цѣнность изучаемаго источника, то есть, сочиненія Флетчера. И помимо желанія ознакомиться съ Флетчеромъ, специалисты будутъ не разъ обращаться къ труду г. Середонина по различнымъ вопросамъ внутренней исторіи XVI вѣка. Значеніе борьбы Грознаго съ боярами-княжатами и политическая роль Симеона Бекбулатовича, имущественное положеніе классовъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго, центральная администрація и финансовыя учрежденія, устройство военное — вотъ вопросы, по которымъ г. Середонину удалось или собрать новыя данныя, или дать новыя соображенія, или же подкрѣпить аргументацію, лежавшую въ основаніи того или иного ранѣе высказаннаго взгляда. До какой степени авторъ можетъ быть самостоятеленъ въ постановкѣ и разрѣшеніи ученаго вопроса, свидѣтельствуя о его очень остроумныя догадки о происхожденіи московскихъ финансовыхъ приказовъ «четвертей». На оцѣнкѣ этихъ догадокъ, какъ вполне самостоятельной ученой теоріи, мы и остановимся въ заключеніе нашего отзыва.¹⁾

Возникновеніе и характеръ дѣятельности «четвертей» (иначе — «четей») не одинъ разъ становились предметомъ обсужденія нашихъ историковъ. Въ жизни этихъ учреждений было нѣчто такое, что не поддавалось точному объясненію: документы ничего не говорили ни о томъ, какъ возникли четверти, ни о томъ, для чего онѣ возникли. Довольно неожиданно рядомъ съ Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ, сбиравшими дворцовые и правительственные доходы, замѣтны становятся къ исходу XVI вѣка нѣсколько четей, точно также сбиравшихъ доходы. Что могло въ XVI вѣкѣ вызвать необходимость въ подобномъ дробленіи центральныхъ кассъ, въ беспорядочномъ на первый взглядъ нагроможденіи финансовыхъ учреждений? Или же это дробленіе было наслѣдіемъ удѣльныхъ порядковъ, незамѣтнымъ для насъ въ первой половинѣ XVI вѣка и оставившимъ слѣдъ въ документахъ только съ 70-хъ годовъ этого столѣтія? До недавняго времени господствовало именно послѣднее предположеніе, что многочисленность кассъ явилась въ Москвѣ,

¹⁾ Нижеслѣдующее представляетъ собою пересказъ вступительной части нашей статьи «Какъ возникли чети?», помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, май, стр. 158—171.

какъ результатъ постепеннаго присоединенія удѣловъ: для управленія вновь присоединенною областію создавалась «областная четъ», которая мало по малу получала значеніе преимущественно финансоваго учрежденія, такъ какъ имѣла дѣло съ податными, платящими слоями населенія. Позднѣйшими представителями этого взгляда можно считать М. Ф. Владимірскаго-Буданова и А. С. Лаппо-Данилевскаго ¹⁾. Съ большимъ основаніемъ противъ такого пониманія дѣла выступилъ П. Н. Милюковъ ²⁾. Онъ стремился доказать, что четверти были не архаизмомъ въ слагавшейся системѣ московскаго управленія, а напротивъ, новинкою, вызванною къ жизни отвлеченными административными соображеніями — постепеннымъ раздѣленіемъ доходовъ сперва на дворцовые и государственные, затѣмъ на общегосударственные и мѣстные. По словамъ г. Милюкова ³⁾, «Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. Къ послѣдней четверти XVI вѣка, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на спеціальные общегосударственные... и отчасти изстари сложившіеся, отчасти вновь переведенные на деньги, или вновь обращенные на государственное употребленіе мѣстные доходы; и опять соответственно этому раздѣленію выдѣляются изъ Большаго Прихода областные приказы, долго сохраняющіе связь съ Большимъ Приходомъ, какъ и самъ Большой Приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Большимъ Дворцомъ».

Вотъ съ какими мнѣніями и теоріями приходилось считаться г. Середонину при объясненіи того извѣстія Флетчера о четвертяхъ (въ главѣ X), на невѣрномъ переводѣ котораго строились старыя представленія о томъ, что московская государственная терригорія дѣлилась на четыре четверти, управляемая четырьмя главнѣйшими приказами: Посольскимъ, Разряднымъ, Помѣстнымъ и Ка-

¹⁾ Владимірскаго-Будановъ, «Обзоръ исторіи русскаго права», изд. 1886 г., I, стр. 156—157. — Лаппо-Данилевскій, «Организація податнаго обложенія въ Московскомъ государствѣ». Спб. 1890, стр. 455—456 и далѣе. — Исторія вопроса о четяхъ въ главныхъ чертахъ изложена у П. Н. Милюкова, «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра В.». Спб. 1892, стр. 38—40.

²⁾ «Госуд. хозяйство Россіи», глава I, § 2, и глава V, § 22.

³⁾ «Госуд. хозяйство Россіи», стр. 34.

занскимъ Дворцомъ. Нашъ авторъ могъ бы ограничиться въ данномъ случаѣ изложеніемъ и повѣркою того, что уже сдѣлано по вопросу; тѣмъ не менѣе онъ предпринялъ переислѣдованіе дѣла, привлечь къ изученію нѣкоторые новые матеріалы (см. стр. 253), сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ наблюдений и построилъ весьма любопытную гипотезу о томъ, какимъ путемъ шло образованіе четей. Эта гипотеза состоитъ въ слѣдующемъ:

«Уничтоженіе намѣстниковъ во многихъ волостяхъ и городахъ дало первый толчокъ къ образованію центральныхъ учреждений, на первый разъ, главнымъ образомъ, расширеніемъ вѣдомства казначеевъ. Выдѣленіе значительной части государства изъ подъ вѣдѣнія бояръ заставило поставить на болѣе прочныхъ основахъ управленіе изъятыми областями. Тогда, скоро послѣ 1566 года, и возникъ въ Москвѣ Дворовый или Дворцовый Четвертной приказъ. Четверть, вѣдавшая всѣ опричные города и области. . . . Дьяки, сидѣвшіе въ этомъ приказѣ, вѣдавшіе доходы на царя, завѣдывали каждый извѣстными областями; завѣдываніе это осталось за ними и тогда, когда они подвинулись по службѣ, заняли мѣста начальниковъ приказовъ; единство Четвертнаго приказа нарушается, да болѣе ничто (со времени царя Θεодора) и не требовало сохраненія этого единства. Когда Грозный бралъ себѣ эти города въ опричнину, тогда онъ имѣлъ въ виду содержать на доходы съ этихъ городовъ опричниковъ, своихъ служилыхъ людей; и послѣ Грознаго четвертные доходы служили, главнымъ образомъ, источникомъ жалованья служилому классу, отчего и самое жалованье называлось четвертнымъ. Но причина, вызвавшая къ жизни Четвертной приказъ, отходила все дальше въ область прошлаго; это вызвало извѣстныя перемѣны въ вѣдомствѣ четвертей; съ 90-хъ годовъ XVI столѣтія онѣ переживаютъ много перемѣнъ, что объясняется, впрочемъ, въ значительной степени личностью дьяковъ» (стр. 264—265).

Если бы эта гипотеза и не оправдалась дальнѣйшими изысканіями въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, ей все-таки нельзя не отдать преимущества предъ всѣми остальными. Не говоря о старыхъ взглядахъ, которые можно считать устраненными, ей, по нашему мнѣнію, уступаетъ и теорія г. Милюкова. Этой послѣдней можно сдѣлать такой же упрекъ, какой самъ г. Милюковъ дѣлаетъ А. Д. Градовскому, именно — въ излишнемъ схематизмѣ. Очень трудно убѣдиться въ томъ, напримѣръ, къ чему г. Милюкова привели его апіорныя точки зрѣнія, — въ первоначальномъ тождествѣ «Больш-

шаго Прихода», «Четвертнаго приказа» (и просто «четверти») и «Дворца», къ тому же въ годы сравнительно поздніе (1581—1583), тогда какъ самъ же г. Милюковъ готовъ признать въ другомъ мѣстѣ, что выдѣленіе четей изъ Большаго Прихода (не только этого послѣдняго изъ Дворца) обозначилось къ послѣдней *трети* или *четверти* XVI вѣка¹⁾. Самъ г. Милюковъ обнаруживаетъ, хотя и представляетъ кажущимся, то противорѣчіе, въ какомъ находятся двѣ группы фактовъ, собранныхъ имъ, одна для доказательства тождества доходовъ «четвертныхъ» и «Большаго Прихода», другая— для доказательства ихъ различія²⁾. Съ другой стороны, по изложенію г. Милюкова, учрежденіе четвертей не имѣло иной цѣли, кромѣ той, чтобы раздѣлить кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ. Но можно ли предполагать, чтобы московское правительство руководилось такого рода теоретическими побужденіями въ созданіи вѣдомствъ? Могли-ли въ то время существовать и руководить практическими мѣропріятіями столь отвлеченныя представленія о принципахъ и задачахъ финансоваго управленія? Гипотеза г. Середонина болѣе исторична. Онъ начинаетъ съ опредѣленнаго момента и факта: «по уничтоженіи намѣстниковъ во многихъ волостяхъ», говоритъ онъ, «и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учреждений расширяется, что понятно само собою, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ» (стр. 261). Мѣсто этой упраздненной инстанціи заняли въ центральномъ управленіи не учрежденія, а лица: казначей и дьяки³⁾. Въ первый разъ въ опричнинѣ эти лица сомкнулись въ учрежденіе, содержавшее своими доходами опричниковъ. По уничтоженіи опричнины учрежденіе, возвращенное со своимъ вѣдомствомъ въ государство, опять распалось на нѣсколько дьячыхъ канцелярій, на «четверти», назначеніе которыхъ измѣнилось въ томъ смыслѣ, что прежде онѣ содержали опричниковъ, а теперь стали содержать вообще служилыхъ людей, «четвертчиковъ». Послѣ столькихъ пертурбацій вѣдомство этихъ четвертей не могло сразу опредѣлиться и устояться: перемѣны въ немъ наблюдаются до конца

1) «Госуд. хозяйство Россіи», 26—27, 29 и 300.

2) *Ibidem*, 28.

3) До сихъ поръ представленія г. Середонина слагаются не безъ вліянія, какъ намъ кажется, книги Ө. М. Дмитріева «Исторія судебныхъ инстанцій». М. 1859 (стр. 120 и слѣд.; сравн. у г. Середонина стр. 264); далѣе онъ вполне оригиналенъ.

XVI вѣка.—Главная заслуга разбираемой схемы—въ томъ, что она вѣрно взяла свою исходную точку въ административныхъ реформахъ Грознаго; слабая сторона схемы—въ томъ, что она, хотя и очень остроумно, но безъ особой нужды включаетъ опричнину въ число стадій, которыя были пройдены четями при ихъ зарожденіи. Предположенная авторомъ *Четверть въ опричнину*—«*Дворовый Большой Приходъ*» въ опричнинѣ въ противоположность «*Большому Приходу*» въ государствѣ—только сбиваетъ изслѣдованіе съ прямого пути и лишаетъ его всѣхъ тѣхъ результатовъ, до которыхъ можно бы было дойти отъ правильно взятой точки отправленія. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о происхожденіи четей г. Середонинымъ не разрѣшенъ, но г. Середонинъ ближе всѣхъ къ его разрѣшенію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ вопросѣ безошибочно можно сказать, что главною функціею четвертей ясно опредѣляется цѣль ихъ установленія. Назначеніе четвертей, въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ,—содержать извѣстное число служилыхъ людей ежегоднымъ жалованьемъ изъ фонда, образуемаго путемъ взноса тяглыми общинами извѣстныхъ податныхъ платежей непосредственно въ четверти. Такимъ образомъ, у изучаемыхъ нами учреждений какъ бы двѣ стороны; одна обращена къ податному населенію: четь взимаетъ съ него «четвертные доходы»; другая обращена къ служилымъ людямъ: четь выплачиваетъ имъ «годовое жалованье». Совершенно основательно высказано гг. Чечулинымъ и Милюковымъ ¹⁾, что въ чети шли доходы, имѣвшіе мѣстный характеръ, тогда какъ въ Большой Приходъ—доходы общегосударственные; въ чети въ XVI вѣкѣ направлялись всего чаще разные виды *оброчныхъ* денегъ, «за намѣстничъ доходъ и за присудъ», «за посельничъ доходъ» и т. п. Въ то же самое время оклады, которые давались изъ четей служилымъ людямъ, носили названіе также *оброка* ²⁾. Можно поэтому представлять себѣ дѣло такъ, что назначеніемъ четей была передача оброчныхъ денегъ какимъ-то служилымъ людямъ, имѣвшимъ право на эти оброчныя деньги. Какія же это оброчныя деньги и кто могъ имѣть на нихъ право? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: оброчныя деньги эти не иное что,

¹⁾ Чечулинъ, «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ». Спб. 1889, стр. 186—187. — Милюковъ, «Госуд. хозяйство Россіи», стр. 27.

²⁾ «Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи», VIII, Десятни, стр. 87, прим. 3; сравн. у г. Сторожева (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1892, I), стр. 197 и 206.

какъ «оброкъ», установленный уложеніемъ 7064 (1555—1556) года въ видѣ выкупа за уничтоженныя кормленья («кормленый окупъ»); право на оброкъ получили тѣ, кто ранѣ имѣлъ право на кормленье. Объ этой операціи 1555 года въ Никоновской лѣтописи ¹⁾ читаемъ любопытное мѣсто, которымъ слѣдуетъ начинать исторію четвертей: «На грады и на волости (велѣлъ государь) положить *оброки* по ихъ промыслу и по землямъ, и тѣ *оброки збирати* къ царскимъ казнамъ своимъ *дьякомъ*; бояръ же и велможъ и всѣхъ воинновъ устроилъ и кормленіемъ, праведными уроки, ему-жъ достоятъ по отчеству и по родству, а городовыхъ въ четвертой годъ, а иныхъ въ третей годъ денежнымъ жалованьемъ». Оброки въ этой цитатѣ — будущіе «четвертные доходы»; собирающіе ихъ дьяки — «четвертные дьяки»; «бояре и велможи и всѣ войны» — четвертчики, которые получили право на новое «кормленіе», на «праведные уроки», то-есть, на годовой оброкъ изъ чети; наконецъ «городовые» служилые люди — тѣ, которые жалованье «емлютъ съ городомъ» не каждый годъ ²⁾.

Намъ кажется, что эти соображенія безспорны и что время и обстоятельства появленія чети ими достаточно объясняются. Если же такъ, то понятно, какъ чутко угадалъ г. Середонинъ, что четями замѣщена была «уничтоженная инстанція», то-есть, намѣстничье управленіе, поскольку оно преслѣдовало въ областяхъ правительственные интересы. Понятно становится дагѣ, что г. Середонинъ былъ совершенно правъ, полагая, что эта инстанція замѣнена была первоначально лицами, а не сразу учрежденіями, дьяками, а не сразу четями (стр. 261). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Середонинъ напрасно направилъ свои поиски въ опричнину. Не въ опричнинѣ, конечно, сложились новыя учрежденія, если въ 1576 году, — когда изъ Старицы «князь Иванъ Васильевичъ Московскій» и «великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ всеа Русіи» требовали справокъ у разряднаго дьяка А. Щелкалова, — справки эти дѣлаютъ въ Москвѣ по указаніямъ А. Щелкалова «четвертные дьяки во всѣхъ четвертяхъ» ³⁾. Очевидно, что въ 70-хъ годахъ

¹⁾ Ник. лѣт., VII, 261; также *Временникъ Московск. Общ. Исторіи и Древн.* V, отд. 2, стр. 96; сравн. «Русск. Историч. Библіот.», т. III, стр. 256.

²⁾ Значеніе уложенія 7064 года и отчасти смыслъ изложенныхъ здѣсь обстоятельствъ раскрыты въ трудѣ В. О. Ключевскаго, «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» (*Русская Мысль*, 1892 г., январь, стр. 155 и слѣд.; особенно же стр. 158 и 160).

³⁾ «Русскій Историческій Сборникъ» подъ ред. М. П. Погодина. V, М.

четверти уже существовали, и не въ качествѣ «опричнаго» учрежденія, а въ вѣдомствѣ думнаго дьяка, управлявшаго приказомъ въ земщицѣ, Разрядомъ. Мы не рѣшимся доказывать, что чети сложились внутри Разряда, но отмѣчаемъ, что вѣдаетъ ихъ думный человѣкъ. Думные люди ихъ вѣдали и позднѣе, — знакъ, что «кормленый окупъ», послѣ первоначальныхъ блужданій между разными дьяками и казначеями, скоро попалъ въ непосредственное завѣдываніе думы, сконцентрированъ былъ въ рукахъ думныхъ дьяковъ (можетъ быть, сперва одного — разряднаго), вѣдавшихъ его чрезъ особая канцеляріи, «четверти». Нарожденіе новыхъ сборовъ «за намѣстничъ кормъ» и т. п., порядокъ ихъ распредѣленія по центральнымъ кассамъ, способъ ихъ расходованія — все это еще подлежитъ изслѣдованію. И можно думать, что будущіе изслѣдователи этого дѣла примутъ въ руководство указанія, предлагаемыя въ книгѣ г. Середонина, которому принадлежитъ честь наиболѣе удачнаго истолкованія многихъ частныхъ этого запутаннаго вопроса.

V.

Подведемъ итоги сказанному. Наша рецензія была направлена къ тому, чтобы выяснитъ слѣдующія положенія:

1) Выборъ темы, сдѣланный г. Середонинымъ, должно признать основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится теперь изученіе XVI вѣка нашей исторіи.

2) Виѣсть съ тѣмъ эта тема имѣетъ нѣкоторыя методологическія неудобства въ томъ отношеніи, что лишаетъ трудъ г. Середонина единства содержанія и равномѣрности въ критической разработкѣ частныхъ. Книга г. Середонина поэтому представляетъ собою не развитіе одной темы, а совокупность нѣсколькихъ историческихъ темъ, неравномѣрно разработанныхъ.

3) Исполненіе темы въ общемъ должно считать совершенно удовлетворительнымъ и вполне научнымъ. Планъ изложенія задуманъ, за немногими исключеніями въ частностяхъ, удачно, а общіе приемы изслѣдованія опредѣлены правильно. Критическая повѣрка сообщеній Флетчера производилась въ ученomъ отношеніи самостоятельно; для этой повѣрки привлеченъ былъ обширный и хорошо подобранный матеріалъ.

1842, стр. 21 и 24. Ср. вышеупомянутую нашу статью «Какъ возникли чети?», стр. 166—169.

4) Недосмотры и промахи автора въ большинствѣ случаевъ были прямымъ послѣдствіемъ неудобствъ взятой темы. Многообразіе сообщеній Флетчера и необходимость для ихъ повѣрки перебрать весьма обширный матеріалъ требовали отъ изслѣдователя совершеннѣйшихъ познаній по исторіи цѣлой эпохи. Въ большинствѣ случаевъ авторъ съ честью преодолевалъ трудности своего изслѣдованія, но иногда допускалъ оплошности и въ подборѣ матеріала, и въ изложеніи.

5) Изслѣдованіе г. Середонина привело къ положительнымъ результатамъ: не только оцѣненъ трудъ Флетчера въ отношеніи его ученой пригодности, но попутно, при обсужденіи отдѣльныхъ показаній Флетчера, г. Середонинъ успѣвалъ вносить нѣчто новое и въ изученіе вообще Московской исторіи XVI вѣка, предлагая или новый матеріалъ, или новые домыслы. Эти самостоятельные экскурсы, какъ и прочія части книги, свидѣтельствуютъ, что въ лицѣ г. Середонина русская наука пріобрѣтаетъ изслѣдователя, хорошо подготовленнаго къ своему дѣлу, способнаго совершенно самостоятельно и съ большимъ остроуміемъ поставить вопросъ и довести его разрѣшеніе до опредѣленнаго вывода, наконецъ, способнаго излагать ученый матеріалъ съ безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ.

Въ виду всего изложеннаго я полагаю, что трудъ г. Середонина вполне достоинъ искомой награды.

IV.

О СОЧИНЕНИЯХЪ А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО:

Къ изученію древне-русской литературы. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. (Обозрѣніе рукописнаго матеріала). Сиб. 1888 г., 146 стр.

Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—II. Казань, 1889. III. Казань, 1890. IV. Казань, 1890. 203+118+228 стр.

Рецензія **Ив. Н. Жданова.**

«Переводами поученій отцевъ греческой церкви наша бібліотека преизобилуетъ», замѣчаютъ Калайдовичъ и Строевъ въ предисловіи къ «Описанію славяно-россійскихъ рукописей гр. Ѳ. А. Толстова». Замѣчаніе это можно примѣнить не только ко всѣмъ богѣ или менѣ значительнымъ собраніямъ старо-русскихъ рукописей, но и къ древне-русской письменности вообще. Наша письменность стараго времени дѣйствительно преизобилуетъ переводами поученій отцевъ греческой церкви.

Это богатство переводно-патристической литературы, обиліе списковъ, въ которыхъ сохранились сочиненія такихъ церковныхъ учителей, какъ Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, ясно указываютъ на историческую важность этого церковно-учительнаго отдѣла нашей древней письменности. Литературные памятники, которые переписывались и перечитывались въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, не могли не оставить глубокаго слѣда на мысли и словѣ русскаго народа. Наша древняя литература, складъ религиозныхъ и нравственныхъ воззрѣній древне-русскаго человѣка останутся не вполне ясными, пока не будетъ изучено и оцѣнено то отдѣленіе бібліотеки нашихъ предковъ, которое занято было переводами свято-отеческихъ твореній.

Изученіе переводной литературы слагается изъ двухъ задачъ. Первая задача касается исторіи самаго перевода тѣхъ или другихъ произведеній. Нужно знать, когда и гдѣ появился изучаемый переводъ, каково отношеніе этого перевода къ оригинальному тексту, каково взаимное отношеніе списковъ перевода: представляютъ ли эти списки только матеріалъ разночтеній, или разницу редакцій и т. п. Рѣшеніе этихъ вопросовъ — дѣло филологической критики. Вторая задача — задача историко-литературная. Нужно выяснить судьбу заноснаго литературнаго творчества въ той новой культурной средѣ, которой принадлежатъ изучаемые переводы. При этомъ, если только переводы не остаются мертвымъ капиталомъ, если ихъ идейное содержаніе и ихъ литературная форма возбуждаютъ интересъ читателей, — наблюдаются обыкновенно двоякаго рода явленія, — подражанія и передѣлки. Въ области переводно-патристической литературы оба явленія выступаютъ съ полной наглядностью. Творенія греческихъ церковныхъ писателей служили образцами, воздѣйствіе которыхъ въ большей или меньшей степени, съ большей или меньшей ясностью обнаруживается во всѣхъ поучительныхъ произведеніяхъ древней Руси. Будемъ ли мы изучать писателей древнѣйшей, домонгольской эпохи, какъ Θεодосій Печерскій или Кириллъ Туровскій, остановимся ли на литературныхъ дѣятеляхъ богѣ поздняго времени, какъ Іосифъ Волоцкій или митрополитъ Даниилъ, — и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы встрѣтимся съ одними и тѣми же литературными вліяніями, которыя оставались неизмѣнными въ теченіе ряда вѣковъ. Но если несомнѣнно, что греческая церковная литература имѣла величайшее, опредѣляющее вліяніе на извѣстные отдѣлы древне-русской словесности, то также вѣрно и то, что памятники греческой письменности, перенесенные путемъ перевода на новую для нихъ почву, не оставались и не могли оставаться неизмѣнными. Заходямъ писателямъ, попадавшимъ на чужбину, приходилось прилаживаться къ умственному кругозору, къ требованіямъ жизни, не похожимъ на тѣ бытовые и культурныя условія, среди которыхъ они работали на родной землѣ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи судьба сочиненій Іоанна Златоуста. Имя Златоуста окружено было у насъ величайшимъ почетомъ и живою любовью. Но литературные труды знаменитаго оратора, смѣлаго обличителя пороковъ царградскаго общества времени Аркадія и Евдоксіи, въ цѣломъ своемъ составѣ не могли быть доступны большинству читателей стараго времени, были ли

↳ Болгаре, Русскіе или Сербы. Являлась поэтому потребность въ

извлеченіяхъ изъ Златоуста, въ собраніи такихъ отрывковъ изъ его произведеній, которые были бы особенно интересны и полезны для людей самаго скромнаго образованія. Въ такихъ извлеченіяхъ и отрывкахъ недостатка не было. Припомнимъ рядъ поученій съ именемъ Златоуста въ нашихъ старыхъ сборникахъ, припомнимъ цѣлые сборники такихъ поученій, украшенные именемъ великаго проповѣдника. Но работа книжныхъ людей, знакомившихъ нашихъ предковъ съ Златоустомъ, не ограничивалась лишь извлеченіемъ и переписываніемъ отрывковъ; отрывки нерѣдко передѣлывались и дополнялись съ цѣлю придать изложенію большую ясность и вразумительность. Бывало при этомъ, что подъ именемъ Златоуста распространялись и такія поученія, которыя не имѣли никакой связи съ произведеніями константинопольскаго архіепископа. Если бы соединить въ одномъ сборникѣ всѣ «слова» и «поученія», надписываемыя въ нашихъ рукописяхъ именемъ Златоуста, то передъ нами появился бы писатель, имѣющій лишь нѣкоторое сходство съ знаменитымъ греческимъ Хризостомомъ IV вѣка.

Встрѣчное изученіе тѣхъ реминисценцій изъ патристической литературы, которыя встрѣчаются у нашихъ старыхъ писателей, и тѣхъ передѣлокъ, которымъ подвергались у насъ творенія греческихъ церковныхъ писателей, дастъ обильный и важный матеріалъ для рѣшенія общаго вопроса о религіозно-нравственномъ умонастроеніи русскаго человѣка, насколько образованіе этого умонастроенія опредѣлялось вліяніемъ церковной письменности. Выяснится при этомъ, какіе именно отдѣлы патристической литературы встрѣтили у насъ воспріимчивую среду и имѣли поэтому наиболѣе сильное вліяніе.

Разсмотрѣніе славянскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній—тема не новая въ ученой литературѣ. Еще въ 1729 году появилась книга петербургскаго академика Kohl-я: *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram, sive historia critica versionum Slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephreми Syri, duobus libris absoluta*. Во второмъ отдѣлѣ этого труда разсматривается составъ славянскаго сборника поученій Ефрема Сирина по изданію 6210 (1701) года¹⁾. Въ приложеніи напечатаны *duo sermones Ephreми Syri, nondum editi, de sacra coena*:

¹⁾ Описаніе этого изданія см. въ соч. Пекарскаго: *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, т. II, стр. 46—51.

«Наказаніе о святыхъ и пречестныхъ и животворящихъ Христовыхъ тайнахъ» и «Наказаніе о приношеніи святаго причащенія». Книжка Коля, плохо знавшаго по славянски, и въ свое время не имѣла, конечно, большаго значенія, а позже, когда началось научное ознакомленіе съ юго-славянскими и русскими рукописями древней поры, трудъ нѣмецкаго ученаго остался внѣ круга тѣхъ пособій, къ которымъ приходится обращаться изучающему памятники славяно-русской письменности. Главное, основное пособие при изученіи древнихъ переводовъ свято-отеческихъ сочиненій — описанія славянскихъ рукописей. Въ такихъ, наприм., трудахъ, какъ Описаніе рукописей Румянцевскаго музея или Описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки, можно найти не только богатыя указанія, но иногда даже цѣлыя изслѣдованія, касающіяся памятниковъ патристической литературы въ славянскихъ переложеніяхъ и передѣлкахъ. Ограничиваюсь упоминаніемъ о трудахъ Востокова, Горскаго и Невоструева; продолжать указанія на описанія рукописей значило бы представить ихъ списокъ, потому что всѣ такія описанія имѣютъ большее или меньшее значеніе при изученіи того отдѣла древней письменности, обзорѣнію котораго посвящена книга г. Архангельскаго. Кромѣ описаній рукописей слѣдуетъ еще припомнить труды Калайдовича (Іоаннъ, экзархъ Болгарскій), Строева (Библиологическій словарь), Ундольскаго (Библиографическія разысканія), арх. Филарета Гумилевскаго (Исторія русской церкви и Обзоръ русской духовной литературы¹⁾), Срезневскаго (Древніе памятники русскаго письма и языка; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ и др.), Невоструева (Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ), митр. Макарія Булгакова (Исторія русской церкви)²⁾, Сухомлинова (О псевдонимахъ въ древне-русской литературѣ и предисловіе къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго), Ягича (Исторія сербо-хорватской литературы и изданія памятниковъ), Голубинскаго (Исторія русской церкви)³⁾, еп. Амфилохія Сергіевскаго (О пандектѣ Антіоха), Будиловича (XIII словъ Григорія Богослова), Малинина (Изслѣдованіе Златоструя), еп. Антонія Вад-

¹⁾ Ч. I, стр. 65—74 (по 5 изданію): Сношенія съ Греціею; Собраніе книгъ и переводы; ч. II, стр. 57—67; ч. IV, стр. 165—166.

²⁾ Т. III, стр. 218—220 (2 изд.); т. V, стр. 243—252 (1 изд.).

³⁾ Т. I, стр. 602—613: Переводная и вообще заимствованная письменность. Приложенія, стр. 715—757: Библиографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ до-монгольскій переводной и вообще заимствованной письменности.

ковскаго (Константинъ, еп. Болгарскій), А. Попова (Библиографическіе матеріалы) и др. Во всѣхъ этихъ трудахъ собраны драгоценныя данныя для исторіи старо-славянскихъ и русскихъ переводовъ сочиненій учителей церкви. Была попытка, къ сожалѣнію не совсѣмъ удачная, и общаго обзорѣнія нашей переводно-патристической литературы. Разумѣю статьи, помѣщенныя въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859 года (ч. III): «Свѣдѣнія о древнихъ переводахъ твореній св. отцевъ на славяно-русскій языкъ».

Сочиненіе г. Архангельскаго имѣетъ общее заглавіе: «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности», но мы не въ правѣ, конечно, ожидать, что авторъ этого сочиненія дастъ намъ рѣшеніе всѣхъ упомянутыхъ выше вопросовъ, которые представляются при изученіи славяно-русскихъ переводовъ свято-отеческихъ твореній. Для такого рѣшенія нужны соединенныя усилія многихъ работниковъ. Мы будемъ довольны, если найдемъ у г. Архангельскаго какія-либо болѣе или менѣе значительныя дополненія къ трудамъ названныхъ нами изслѣдователей древней письменности, если новый трудъ хоть отчасти поможетъ намъ яснѣе и точнѣе опредѣлить мѣсто, занимаемое въ исторіи русской образованности переводно-патристической литературой.

Давъ своему труду общее заглавіе: «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности», г. Архангельскій не могъ однако не ограничить столь широкой задачи:

А) Онъ разсматриваетъ не всѣхъ тѣхъ церковныхъ писателей, произведенія которыхъ извѣстны по славянскимъ переводамъ, а лишь нѣкоторыхъ, «болѣе распространенныхъ». — «Нѣтъ возможности, говоритъ нашъ изслѣдователь, въ небольшомъ очеркѣ обслѣдовать подробно всѣ произведенія церковныхъ авторовъ, которыя были извѣстны и обращались въ нашей древней письменности... Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду сдѣлать лишь общее обзорѣніе рукописнаго матеріала, съ нѣкоторыми историко-литературными и библиографическими замѣчаніями, и остановимся при этомъ лишь на писателяхъ, бывшихъ наиболѣе распространенными» (стр. 6). Къ числу такихъ распространенныхъ писателей, судя по содержанию книги казанскаго ученаго, нужно отнести Аванасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Василия Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Θεодорита Кирскаго, Іоанна Лѣствичника, Антиоха инока, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина, папу Римскаго Льва Великаго, Нила Синайскаго, Геннадія Константинопольскаго, Андрея

Кесарійскаго, папу Ипполита, Исаака Сирина, Симеона новаго Богослова, Григорія Синаита и Никона Черногорца.

В) Нѣкоторыя изъ произведеній древне-церковныхъ учителей исключены г. Архангельскимъ изъ круга разсматриваемыхъ имъ памятниковъ. Таковы именно произведенія религиозной поэзи, молитвы и пѣсни. При обзорѣни сочиненій Иоанна Дамаскина его каноны и октоихъ совсѣмъ не упоминаются. Въ перечнѣ сочиненій Ефрема Сирина указаны только «Молитвы, собранныя отъ божественнаго писанія, множайше же отъ св. Ефрема», — трудъ Аѳонскаго монаха Фикары (стр. 53).

В) Говоря о «древне-русской письменности», г. Архангельскій останавливается, какъ на ея позднѣйшемъ предѣлѣ, — на XVI вѣкѣ. О переводахъ XVII столѣтія попадаютъ въ трудъ казанскаго изслѣдователя лишь отрывочныя, мимоходныя упоминанія.

Г) Трудъ г. Архангельскаго—плодъ его знакомства, — частію при помощи «Описаній», частію же путемъ автопсіи, — съ московскими рукописными собраніями, а также съ библіотекой казанской духовной академіи (Соловецкія рукописи). Изъ другихъ рукописныхъ собраній чаще всего встрѣчаются указанія на рукописи Царскаго. (теперь гр. Уварова). Въ петербургскихъ библіотекахъ г. Архангельскій, повидимому, не работалъ. Онъ лишь изрѣдка упоминаетъ о рукописяхъ петербургской публичной библіотеки, ссылаясь при этомъ или на описаніе рукописей гр. Толстаго, или на сообщенія Ив. Аѳ. Бычкова.

Собранные г. Архангельскимъ литературные факты раздѣлены имъ на два отдѣла. Отдѣлъ первый («Къ изученію древне-русской литературы») представляетъ общее обзорѣніе рукописнаго матеріала въ тѣхъ предѣлахъ, которые только что указаны. Второй отдѣлъ («Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій») состоитъ изъ четырехъ главъ: I. Житіе Антонія Великаго, св. Аѳанасія, II. Вопросы и отвѣты Аѳанасія къ кн. Антіоху, III. Паренесисъ Ефрема Сирина, IV. Творенія Иоанна Златоустаго въ древне-русскихъ измарагдахъ.

Познакомившись съ объемомъ и раздѣленіемъ труда г. Архангельскаго, обратимся къ разсмотрѣнію его содержанія.

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Архангельскимъ о св. отцахъ и ихъ сочиненіяхъ, различны и по полнотѣ, и по степени самостоятельнаго труда, приложеннаго нашимъ авторомъ къ изученію того или

другаго писателя. Въ этомъ отношеніи всѣ данныя, собранныя г. Архангельскимъ изъ области переводно-патристической литературы, могутъ быть распределены на три группы.

I. О нѣкоторыхъ писателяхъ г. Архангельскій даетъ лишь краткія замѣтки, не имѣющія, очевидно, цѣлю исчерпать даже тотъ матеріалъ, который извѣстенъ по трудамъ ученыхъ предшественниковъ казанскаго изслѣдователя. Таковы замѣтки о сочиненіяхъ инока Антіоха, Геннадія, патр. Константинопольскаго, Андрея Кесарійскаго, Ипполита Римскаго. Вотъ что сообщаетъ г. Архангельскій о св. Ипполитѣ: «Къ толкованіямъ на Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго въ нашихъ рукописяхъ не рѣдко присоединялись отрывки изъ слова Ипполита, епископа Римскаго († полов. III в.) о антихристѣ. Слово это, какъ извѣстно, подложное, но вліянія его нельзя не видѣть иногда и на самыхъ толкованіяхъ Андрея Кесарійскаго. Послѣдній не рѣдко приводитъ изъ него отдѣльныя мысли, говоря, напримѣръ, о второмъ пришествіи и о антихристѣ, иногда дѣлаетъ и буквальные выписки» (стр. 136). Г. Архангельскій не воспользовался данными, собранными въ извѣстныхъ ему (ср. стр. 49) трудахъ Невоструева и Срезневскаго. Первый изъ названныхъ ученыхъ указалъ, что съ именемъ Ипполита встрѣчаются въ славянскихъ рукописяхъ два слова, извѣстныя и въ греческихъ текстахъ: Сказаніе о Христосѣ и о антихристѣ (Ἀποδείξις περὶ Χριστοῦ καὶ ἀντιχριστοῦ) и слово о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа (Ἀλόγος περὶ τῆς συντελείας τοῦ κόσμου καὶ περὶ τοῦ ἀντιχριστοῦ καὶ εἰς τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ). Второе слово — подложное. Почему же г. Архангельскій находитъ нужнымъ упомянуть о подложномъ «словѣ», опуская «сказаніе», признаваемое подлиннымъ? Объ этомъ-то сказаніи и говоритъ Невоструевъ: «Андрей Кесарійскій въ толкованіи своемъ на Апокалипсисъ, пользуясь сочиненіемъ Ипполита объ Антихристѣ, не рѣдко приводитъ его мысли и говоритъ его словами» (слово св. Ипполита объ Антихристѣ, стр. 20). Кромѣ слова объ антихристѣ, извѣстно было въ славянскомъ переводѣ Толкованіе Ипполита на книгу пророка Давіида. Это толкованіе, сравнительно съ остатками греческаго оригинала, разсмотрѣно было Изм. Ив. Срезневскимъ. «Сличеніе славянскаго перевода, писалъ покойный академикъ, полнаго толкованія книги Давіида съ тѣмъ греческимъ изводомъ, который одинъ доселѣ найденъ, и то въ одной Кизіанской рукописи, мнѣ кажется, cadaго должно убѣдить, что въ славянскомъ переводѣ сохранился

полный подлинникъ безъ сокращеній и переиждивъ; а въ греческомъ Кизіанскомъ спискѣ сохранилось сокращеніе этого полнаго толкованія съ отклоненіями отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда сократителю казалось удобнѣе добнымъ пользоваться какимъ нибудь другимъ источникомъ... Если же это такъ, то Ипполитовское толкованіе книги Данила должно быть изучаемо не по греческому Кизіановскому изводу, а по славянскому переводу». (Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, стр. 54).

Замѣтка о Пандектѣ монаха Антіоха (стр. 42—43) составлена по статьѣ пр. Амфилохія (Извѣстія втораго отд. Академіи Наукъ, III) и по указаніямъ Горскаго и Невоструева ¹⁾ въ Описаніи синод. рукописей (II, 2, № 153). Забыты болѣе позднія изданія пр. Амфилохія: «Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в., находящемся въ Воскресенской новоіерусалимской бібліотекѣ» и «Словарь изъ Пандекта Антіоха» (М. 1880).

О Геннадіи, патріархѣ константинопольскомъ, г. Архангельскій сообщаетъ слѣдующее: «Изъ сочиненій Геннадія, патріарха константинопольскаго († 471), у насъ были извѣстны: «Стословецъ» и «Окрестное посланіе». Стословецъ находится уже въ сборникѣ XII вѣка Троицко-Сергіевой Лавры, № 12 (л. 53—56) и во множествѣ списковъ болѣе позднихъ, XIV—XVII вв. Это была, повидимому, одна изъ наиболѣе любимыхъ книгъ чтенія въ древней Руси, — нравилась простотой своего изложенія; отношеніе къ ней древнерусскихъ читателей видно изъ такихъ названій: «Златоструй», «Стихи душеполезныя» и т. п., съ которыми она не рѣдко встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ, — иногда подъ причудливымъ заглавіемъ исчезаетъ самое имя автора: въ сборникѣ XVI вѣка Москов. синод. бібліотеки № 325, «Стословецъ» Геннадія озаглавленъ «Книга наричаемая Измаргалъ (sic), въ нихъ же вся книжвая ухищренія божественныхъ писаній святыми отци истолкованна. Поученіе и наказаніе свв. отецъ ко всѣмъ хрестьяномъ» (л. 86 vqq.) и пр. Иногда Стословецъ помѣщался въ нашихъ рукописяхъ лишь въ извлеченіяхъ, списывались не всѣ главы, но съ извѣст-

¹⁾ О самомъ переводѣ Пандекта г. Архангельскій говоритъ: «При всей своей древности, переводъ чрезвычайно ясный и точный. Ясность и чистота языка въ переводѣ могла много зависѣть и отъ самаго содержанія, чрезвычайно простаго и общедоступнаго» (93). Слѣдовало бы оговорить, что это сужденіе повторяетъ соответствующее мѣсто въ Описаніи синод. рукописей: «Переводъ вообще очень хорошъ по ясности и чистотѣ языка, чему, конечно, много способствовала простота самаго содержанія» (II, 2, стр. 265).

нымъ выборомъ. Иногда въ немъ дѣлались вставки, самымъ характеромъ своимъ указывающія на свое происхождение, — текстъ подвергался русскимъ передѣлкамъ и интерполяціямъ... (Слѣдуетъ выписка изъ Стословца по рукописи синод. библіотеки № 230; выписка взята изъ описанія Горскаго и Невоструева). Окружное посланіе, написанное противъ симоніи и одобренное на соборѣ 459 года, довольно часто встрѣчается въ нашихъ Кормчихъ». Въ примѣчаніи указаны еще слѣдующіе списки Стословца: Троицко-Сергіевой Лавры № II (XIV в.); Румянц. муз. № 361 (XVI) и 367 (XVII); Соловец. библіотеки № 286 (XVI в.), 357 (XVII—XVIII в.), 359 (XV—XVI); Синод. библ. № 331 (XVI—XVII); библ. Царскаго № 361 (XIV), 221 (XVII).

Писатель, сочиненіе котораго было «одной изъ наиболѣе любимыхъ книгъ чтенія въ древней Руси» заслуживалъ бы большаго вниманія со стороны изслѣдователя, разсматривающаго «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности». Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее:

а) Указывая списки «Стословца» ¹⁾, г. Архангельскій не упо-

¹⁾ Греческій оригиналъ Стослова не извѣстенъ, но предположеніе такого оригинала не можетъ, конечно, подлежить сомнѣнію. Безспорно также, что и имя Геннадія даво было греческимъ текстомъ, потому что, помимо Стослова, имя Геннадія не пользовалось у насъ большой извѣстностью, а слѣдовательно и не могло явиться, какъ псевдепиграфъ. Любопытно обратить вниманіе на заглавіе Геннадіева сочиненія въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: «*Стихи, нарицаемые Стословець*». Подобное же заглавіе встрѣчается въ Діоптрѣ Филиппа Пустынника, оригиналъ которой написанъ стихами, наприм. «Списателии стихи отвѣщателии явѣ яко сопротивляющимся (τοι συγγραφῆς στίχοι ἀπολογητικοὶ δῆθεν πρὸς τοὺς ἀντιδιὰτιθεμένους). См. опис. синод. рукоп. II, 2, стр. 450. Не слѣдуетъ-ли предположить, что и оригиналъ нашего Стослова изложенъ былъ иѣрною рѣчью? Что Геннадій извѣстенъ былъ какъ стихотворецъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ приписываемое ему четверостишіе объ употребленіи вина: Οἶνον πίνων συμπέτρως οὐκ εἰς χορὸν и т. д. (Непеч. въ 85 томѣ греческой патрологии Минья). Что касается раздѣленія Геннадіева труда на сто главъ, то нельзя не обратить вниманія на то, что такое дѣленіе было одной изъ любимыхъ литературныхъ формъ греческихъ христіанскихъ писателей. Кромѣ Геннадіева, можно указать еще слѣдующіе стословы или стоглавы: а) Діадоха, епископа Фотикійскаго, 100 главъ подвижническихъ, б) Каллиста II, патріарха Константинопольскаго, 100 главъ о монашеской жизни, в) Теодора Едесскаго 100 главъ дѣятельныхъ, г) Христіанская передѣлка Энхиридиона Эпиктета: «100 главизвъ Епиктита философа» (Указатель греч. рукоп. М. синод. библіот., стр. 68 и 91; Описаніе слав. рукоп. м. синод. библіот. II, 2, стр. 284, 285, 619—620), д) Правоучительное стихотвореніе, раздѣленное на 100 главъ, приписываемое Константину Манассіи (Annuaire de l'association pour l'encou-

минаеть о древнѣйшемъ спискѣ этого памятника, находящемся въ сборникѣ 1076 года (Шимановскій, Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ, Прилож., стр. 12—25), хотя списокъ этотъ и извѣстенъ нашему изслѣдователю (Извлеченія... IV, стр. 70). Что касается указаннаго г. Архангельскимъ сборника XII вѣка Троицко-Сергіевой лавры, то рукопись эта была подробно обслѣдована И. И. Срезневскимъ, при чемъ отрывокъ Геннадіева Стословца изданъ былъ вполне. (Малозв. и неизв. пам. ЛП, 199, 204—207). У Срезневскаго есть только маленькая неточность. Въ описаніи рукописи читаемъ: «л. 53. Наставленія о вѣрѣ; окончаніе, начинающееся словами: Рожьшюю же кго мѣрѣ бѣю нарицая. — Л. 53. Поученикъ любовно (такъ оно названо въ одномъ сборникѣ XV вѣка): страхъ бѣни имѣи въ срѣци» (стр. 199). То, что Срезневскій называетъ окончаніемъ наставленія о вѣрѣ — часть того же Стословца, отрывокъ котораго и начинается въ рукописи приведенными словами: «Рожьшюю же кго мѣрѣ». Отгѣченная г. Архангельскимъ рукопись XIV вѣка Троицкой лавры (№ 11) — извѣстная Златая Цѣпь; отрывки изъ Стословца по этой рукописи изданы были Буславнымъ (Историч. Христом., стр. 490—493). Не упомянуть г. Архангельскимъ одинъ изъ старѣйшихъ списковъ Стословца, находящійся въ пергаменной рукописи XIII в. изъ собранія Ундольскаго (Викторовъ, Очеркъ собр. рукоп. Ундольскаго, стр. 9, № 963). Для сужденія о степени распространенности Геннадіева сочиненія было бы полезно собрать возможно большее число указаній на списки стослова. Разнообразіе списковъ (и по полнотѣ, и по порядку изложенія) замѣтно и въ изданныхъ текстахъ.

б) «Славянскій текстъ Стословца, говоритъ г. Архангельскій, былъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ изданію: «Собраніе краткой науки о артикулахъ вѣры» (М. 1649). Въ русскомъ переводѣ въ *Прѣб. къ Теореміамъ св. отцовъ*, т. III, 1845, стр. 1—16». Почему именно указано изданіе 1649 года? Стословецъ печатался и раньше. Такъ мы находимъ его въ приложеніи къ Тестаменту Василія, царя греческаго, изд. 1638 года (Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, стр. 464, № 470). Позже Стословецъ печатался при букваряхъ, какъ матеріалъ для первоначальнаго чтенія и ученія (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., т. II, стр. 49, 92). Русский переводъ издавался и отдѣльной брошюрой (у меня есть кievское изданіе 1860 года).

agement des études grecques en France, 1875, 23—75), е) Нравоучительное стихотвореніе, состоящее также изъ 100 главъ, неизвѣстнаго автора (*ibid.*).

в) Стословець Геннадія, какъ всё переводныя произведенія, привлекавшія особенное вниманіе книжныхъ людей стараго времени, не оставался неизмѣннымъ. Г. Архангельскій указалъ, какъ мы видѣли, примѣры и сокращенія и дополненія Стословца. Въ изслѣдованіи объ Измарагдѣ почтенный ученый сообщаетъ еще нѣсколько данныхъ для исторіи Стослова «Главную, основную часть сборника (Измарагда) составляютъ многочисленныя «слова» на тему како жити крестьяномъ. Въ ряду этого отдѣла статей первое мѣсто занимаетъ Стоглавъ патр. Геннадія, помѣщавшійся въ измарагдахъ¹⁾ и въ полномъ видѣ, но чаще въ различныхъ извлеченіяхъ и подражаніяхъ»; приводится три образца такого рода подражаній (Извлеченія... IV стр. 11—14). Г. Архангельскій, вѣроятно, безъ труда могъ бы увеличить число подобныхъ указаній, важныхъ для исторіи Геннадіева поученія. (Ср. Описаніе Солов. рукоп. I, 578, 589).

г) О популярности у насъ Стослова, кромѣ обилія его списковъ и передѣлокъ, свидѣтельствуютъ также выдержки изъ Геннадіевыхъ наставленій, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Такія выдержки отмѣчены въ Моленіи Даніила Заточника (Буслаевъ, Русская христом., стр. 140, примѣч. 18) и въ Домостроѣ (Некрасовъ, О Домостроѣ, стр. 104—106)²⁾.

д) Кромѣ Стослова, г. Архангельскій упоминаетъ только объ окружномъ посланіи Ганнадія противъ симоніи, которое извѣстно и въ греческомъ оригиналѣ (Migne, Patrolog. c. c. s. gr., t. 85, 1613—1618). Но этими двумя проявленіями не исчерпывается литературный матеріалъ, приурочиваемый въ нашихъ рукописяхъ къ имени Геннадія. Отмѣтимъ: 1) отрывки изъ сочиненій Геннадія константинопольскаго, внесенные въ труды позднѣйшихъ писателей, какъ-то: Діоптра Филиппа Пустынника (ср. Migne, Patrolog. l. cit. 1620), Пандекты Никона Черногорца (Срезневскій, Малоизв. и неизв. пам. LV, стр. 249), Толковый апостоль, въ которомъ встрѣчаются отрывки изъ комментарія Геннадія къ посланіямъ ап. Павла (Опис.

¹⁾ Замѣчено еще сходство съ Стословомъ одного изъ отдѣловъ извѣстнаго Феодоритова слова о знаменіи крестномъ (Виноградовъ, О Феодоритовомъ словѣ, стр. 24). Въ сборникѣ духовныхъ стиховъ, изданномъ г. Безсоновымъ, помѣщенъ стихъ: «Сего ради нищъ есмь, села не имѣю». Любопытно, что въ рукописи, изъ которой взятъ этотъ стихъ, онъ озаглавленъ: «Пѣснь Геннадія патріарха». (Калѣки Перехожіе, I, стр. 25).

²⁾ Стословець могъ переписываться изъ Измарагда, какъ отдѣльная статья. Такимъ именно происхожденіемъ нѣкоторыхъ списковъ Стослова и объясняется, вѣроятно, перенесеніе слова «Измарагдъ» въ заглавіе Геннадіева поученія.

синод. рукоп. II, I, № 95, стр. 150); 2) отдѣльныя поученія, надписываемыя именемъ Геннадія. Такого, напр., «Слово Генадья патриарха о чтущихъ книги», приведенное г. Архангельскимъ въ IV главѣ (стр. 9—10) «Извлеченій», по списку Измарагда XIV вѣка. Слово это помѣщается въ прологѣ подъ 19 февраля (Бычковъ, Опис. Сборн. Публ. библиот., стр. 378). Встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ и другія статьи съ именемъ Геннадія ¹⁾. Въ сборникѣ 1076 г. читаетъ м. проч. краткое наставленіе о молитвѣ (вѣроятно, отрывокъ), написанное именемъ «св. Генадия».

Если бы критически разобрать и затѣмъ соединить въ одномъ сборникѣ произведенія, усвояемыя въ нашихъ сборникахъ Геннадію, патр. Константинопольскому, то получилось бы, вѣроятно, не мало-важное supplementum къ небольшому числу тѣхъ отрывковъ изъ сочиненій Геннадія, которые извѣстны по греческимъ рукописямъ ²⁾.

Замѣчанія г. Архангельскаго о сочиненіяхъ Исаака Сирина (138—139), Сумеона Новаго Богослова (139—141), Григорія Синаита (141—142) представляютъ повтореніе соответствующихъ страницъ другаго сочиненія казанскаго ученаго: «Преп. Нилъ Сорскій» (стр. 166—169, 170—174, 174—176). Въ такомъ повтореніи едва-ли была надобность. Мы не забыли первой диссертациі г. Архангельскаго.

Обстоятельныя свѣдѣнія о Пандектахъ и Тактиконѣ Никона Черногорца можно найти въ «Обозрѣніи рукописей преп. Кирилла Бѣлозерскаго» арх. Варлаама (стр. 45—65), въ Описаніи синод. рукописей (II, 3, стр. 1—52, №№ 217—229), въ Свѣдѣніяхъ и За-

¹⁾ При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что подъ заглавіемъ Слова «Геннадія патриарха» могутъ встрѣтиться въ *позднихъ* рукописяхъ произведенія другаго константинопольскаго патриарха (XV в.), носившаго имя Геннадія (Георгія Схолариса). Сочиненія, принадлежащія и приписываемыя Схоларису, несомнѣнно были у насъ извѣстны. (Калайдовичъ и Строевъ, Опис. рукоп. гр. Толстова, стр. 412; Викторовъ, Описи рукоп. собраній сѣв. Руси, стр. 58; Каратаевъ, Опис. слав. р. книгъ, I, стр. 228—232; Горскій и Невоструевъ, Опис. синод. рукоп. II, 2, стр. 566, 567; Опис. солов. рукоп. I, стр. 491, 492, 559; Востоковъ, Опис. рук. Рум. Музея, стр. 550; Бычковъ, Опис. сборн. Публ. библиот. 10, 117).

²⁾ Въ 85 томѣ Патрологіи Минья, гдѣ собраны сочиненія Геннадія, помѣщены: а) окружное посланіе (βύχικλος ἐπιστολή), б) нѣсколько отрывковъ догматическаго и нравственнаго содержанія и в) отрывки изъ толкованія Геннадія на книгу Бытія, Исходъ, на Псалмы, на посланія апост. Павла къ Римлянамъ, Коринѣянамъ, Галатамъ и Евреямъ.

мѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ Срезневскаго (гл. LV, стр. 217—296). Г. Архангельскій (стр. 143—146) сообщаетъ кое-что изъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ его предшественниками. Знакома насъ съ содержаніемъ Пандектъ, г. Архангельскій говоритъ: «Пандекты представляютъ собою собраніе или «сѣченіе» отчасти обширныхъ, отчасти краткихъ извлеченій изъ твореній отцовъ и учителей церкви, а также изъ нѣкоторыхъ другихъ духовно-нравственныхъ сочиненій, — по различнымъ вопросамъ христіанской нравственности, не только спеціально монашеской, но и вообще христіанской, съ небольшими замѣчаніями составителя; составитель имѣетъ цѣлью, какъ указываетъ и въ заглавіи, — вообще «наставлять и поспѣшествовать подвижающихся на всякое дѣло духовное». Слѣдуетъ затѣмъ рядъ выписокъ, передающихъ заглавія нѣкоторыхъ главъ Никонова сборника (2, 9, 15, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 40, 41, 43, 45, 47, 58). Вѣроятно, эти заглавія показались г. Архангельскому болѣе интересными, чѣмъ остальные. О составѣ Тактикона свѣдѣній не сообщается. Въ примѣчаніи указываются нѣкоторые списки Пандектъ и Тактикона, но о печатныхъ изданіяхъ сочиненій Никона умалчивается ¹⁾.

II. Значительно полезна только что рассмотрѣнныхъ замѣтокъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ г. Архангельскій о Кириллѣ Іерусалимскомъ (20—22), Василии Великомъ (22—37), Григоріи Богословѣ (37—41), Кириллѣ Александрійскомъ (83—86), Θεодоритѣ Кирскомъ (87—88), Іоаннѣ Лѣтвичникѣ (88—92), Анастасіи и Нилѣ синайскихъ (93—95, 126—132). Говоря объ упомянутыхъ учителяхъ церкви, г. Архангельскій передаетъ краткія извѣстія объ ихъ жизни и сочиненіяхъ ²⁾, даетъ общую характеристику

¹⁾ Книга Никона Черныя горы издана была въ 1640 и въ 1795 гг. Последнее изданіе появилось въ Почаевѣ; относительно перваго въ «Описаніи славянскихъ книгъ» Каратаева замѣчено: «Библиографы полагаютъ, что эта книга напечатана въ Острогѣ 1640 года. Изданіи Острожской типографіи прекращаются 1612 годомъ. Поэтому или оно было напечатано до 1612 года, или принадлежитъ къ другой типографіи» (стр. 480). Припоминается при этомъ такое извѣстіе: м. Стефанъ Яворскій, по желанію арх. Питирима, просилъ кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго прислать нѣсколько книгъ, въ числѣ ихъ Никона Черныя горы, *печат. въ Сербіи въ 1640 г.* (Пекарскій Наука и литерат. при Петрѣ В. II, стр. 508—509). Въ недавнее время сочиненія Никона снова изданы единовѣрческой типографіей въ Москвѣ.

²⁾ Въ перечняхъ сочиненій встрѣчаются нѣкоторыя неточности. Такъ въ спискѣ сочиненій Ефрема Сирина (стр. 42) сказано: «15 пѣсенъ на Епифанія» (hymni XV de Eriphania).

нѣкоторыхъ писателей (Григорія Богослова) и нѣкоторыхъ произведеній (Шестоднева Василя В.), затѣмъ перечисляетъ славянскіе переводы сочиненій названныхъ писателей.

На біографическихъ свѣдѣніяхъ и характеристикахъ намъ не зачѣмъ останавливаться: эти краткія, бѣглыя замѣтки не имѣютъ, конечно, притязаній ни на полноту, ни на самостоятельность. Что касается перечисленія славянскихъ переводовъ, то въ предѣлахъ печатнаго и того рукописнаго матеріала, съ которымъ ознакомился г. Архангельскій, бібліографія переводовъ составлена вообще внимательно, съ значительной обстоятельностью. Къ сожалѣнію, впрочемъ, и въ этомъ отдѣлѣ своего труда почтенный ученый оставляетъ иногда читателя неудовлетвореннымъ. Укажу для примѣра на тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ объ Анастасіи Синаитѣ.

Говоря объ Анастасіи, г. Архангельскій останавливается прежде всего на его Вопросахъ и Отвѣтахъ, переводъ которыхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности. (Изборникъ 1073 г.). Но всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя нашимъ ученымъ объ Анастасіевыхъ вопросо-отвѣтахъ, ограничиваются слѣдующей замѣткой: «Въ древне-русскую письменность «Вопросы и отвѣты» перешли очень рано. «Вопросы и отвѣты» составляютъ главное содержаніе знаменитаго Святославова Изборника 1073 г. (л. 27—217) и въ очень многихъ другихъ древнихъ рукописяхъ. Славянскій переводъ ихъ представляетъ значительныя отступленія и разности, сравнительно съ греческимъ подлинникомъ. Прежде всего переводъ не полонъ: «вопросы» и «отвѣты» въ славянскомъ переводѣ помѣщены не всѣ, но избранные; порядокъ ихъ въ переводѣ также другой, чѣмъ въ какомъ они слѣдуютъ въ оригиналѣ; наконецъ, самое изложеніе «вопросовъ» и «отвѣтовъ» въ славянскомъ переводѣ читается въ нѣсколько иной редакціи, чѣмъ какъ по гречески; сдѣланныя въ славянскомъ переводѣ, во многихъ мѣстахъ, значительныя дополненія и вставки — нѣкоторыя встрѣчаются и по греческимъ рукописямъ, но большая часть ихъ въ греческихъ рукописяхъ не извѣстна» (стр. 94). Въ примѣчаніи: «Подробное сличеніе славянскаго перевода Вопросовъ и Отвѣтовъ, помѣщеннаго въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., съ греческимъ подлинникомъ—въ Опис. рук. Моск. синод. библ., отд. II, 2, стр. 370—85». Изъ рукописей, кромѣ изборника 1073 года, указаны только: умянц. музея № 6 и Солов. библиот. № 399. (Румянцевская рукопись—одинъ изъ противней того же сборника, который сохранился въ рукописи 1073 года; такихъ противней извѣстно нѣсколько).

Въ другой части своего труда, при разсмотрѣніи вопросовъ и отвѣтовъ Афанасія и Антіоха, г. Архангельскій находитъ поводъ возвратиться и къ вопросу-отвѣтамъ Анастасія. Изучая «Афанасіевы отвѣты», помѣщенные въ Изборникѣ 1076 года, почтенный ученый нашелъ, что отвѣты эти смѣшаннаго состава. «Большая часть вопросовъ и отвѣтовъ взята изъ «Вопросовъ и отвѣтовъ Афанасія Александрійскаго къ кн. Антіоху»; другіе представляютъ извлеченія изъ «Вопросовъ и отвѣтовъ» Анастасія Синаита (VII в.); третьи, очевидно, взяты составителемъ разсматриваемаго собранія изъ какихъ-то другихъ произведеній переводной славянской письменности». (Извлеченія . . . I—II, стр. 38). Замѣчаніе о смѣшеніи вопросовъ-отвѣтовъ Афанасія и Анастасія подтверждается затѣмъ рядомъ сопоставленій (стр. 39—48). Подобное же смѣшеніе указываетъ г. Архангельскій и въ нѣкоторыхъ статьяхъ Измарагда (стр. 62, примѣч.)¹⁾. Но всѣ эти замѣчанія о вопросахъ и отвѣтахъ синайскаго подвижника не сведены къ какимъ нибудь общимъ положеніямъ. «О текстѣ отрывковъ изъ *Вопр.* и *Отв.* Анастасія Синаита скажемъ въ другомъ мѣстѣ», заявляетъ г. Архангельскій (стр. 61)

Кромѣ вопросовъ и отвѣтовъ, г. Архангельскій указываетъ еще слѣдующія произведенія Анастасія: Бесѣда о шестомъ псалмѣ, Слово на Преображеніе Господне и три слова (о глаголющихъ въ церкви, о еже не имѣти гнѣва ни на кого, о осуженіи), представляющія извлеченіе изъ сочиненія Анастасія: *Λόγος παρὶ τῆς ἀγίας συνάξεως*. Вслѣдъ за перечнемъ этихъ словъ читаемъ: «Кромѣ того, въ нашихъ рукописяхъ, съ именемъ Анастасія Синаита встрѣчаются: а) «О сущемъ еже по образу и подобію», б) «О еже что есть въ человѣцѣ по образу Божію и по подобію», в) «Похвала о отшедшихъ отцѣхъ» или «Слово о усопшихъ», г) «Слово, да не оклеветаемъ, ни осуждаемъ іерея и простыхъ, о причастіи». Что значитъ выраженіе: «встрѣчаются съ именемъ Анастасія Синаита»? Представляютъ ли эти статьи переложеніе поученій, извѣстныхъ и въ греческихъ текстахъ съ именемъ Анастасія, или эти слова псевдоэпиграфы, усвояемые Анастасію только въ славянскихъ рукописяхъ? «Слово о усопшихъ» (Что се днесъ, о возлюбленіи, со тцавіемъ и достойно собрахомся...)—переводъ Анастасіева поученія (*Τί τοῦτο σήμερον, ἀγαπῆτοί, σπουδαίως ὁμοῦ τε καὶ ἀξίως συνήχθεμεν...* см. Migne.

¹⁾ Вопросо-отвѣты Анастасія, въ видѣ отдѣльныхъ поученій, встрѣчаются также въ Златоустѣ (Опис. синод. рукоп. II, 3, стр. 86, 95, 112) и въ Прологѣ (Петровъ, О составѣ Пролога, стр. 241).

Patrol. ser. gr., t. 89, p. 1194). Статьи объ образѣ и подобіи Божиѣмъ также должны быть причислены къ переводамъ Анастасіевыхъ сочиненій (см. Филарета Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 237, примѣч. 21).

Не останавливаясь подробно на сообщеніяхъ г. Архангельскаго о Кириллѣ Іерусалимскомъ, Василии Великомъ, Григоріи Богословѣ, Θεодоритѣ Кирскомъ, считаю однако не безполезнымъ сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ упомянутыхъ церковныхъ учителей.

Поученіе Василия Великаго въ память сорока мучениковъ известное по Супрасльской рукописи (Миклошичъ, Monum. linguae palaeoslov. ex cod. suprasi., стр. 61—62), издано было въ «Рус. Филологическомъ Вѣстникѣ» 1886 года (№ 2) «по сербскому списку XV вѣка». Въ примѣчаніи къ изданному тексту замѣчено «Переводъ поученія, вполне оригинальный по отношенію къ тексту Супрасльской минеи, представляетъ обильныя данныя для стилистическаго и филологическаго сравненія обоихъ переводовъ»¹⁾.

Дополненіе къ указаніямъ г. Архангельскаго (стр. 20—21) касающимся славянскаго перевода словъ Кирилла Іерусалимскаго, можно найти въ книгѣ Гезена: Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры (стр. 3—15). Судьба «Сказанія на осмый вѣкъ» (Арх. 22) рассмотрѣна въ книгѣ Лилова: О такъ называемой Кирилловой книгѣ. (Казань, 1858).

При обзорѣннн сочиненій Θεодорита Кирскаго г. Архангельскій упоминаетъ Слово о крестномъ знаменіи (стр. 88), но при этомъ не даетъ никакихъ указаній объ отношеніи этого псевдо-Теодоритова слова къ подлиннымъ сочиненіямъ Кирскаго епископа. Имя Θεодорита въ надписаніи упомянутаго слова съ вѣроятностью объясняется тѣмъ, что основой слова послужилъ рассказъ о Мелетіи, архіепископѣ антиохійскомъ, сообщаемый Θεодоритомъ въ его церковной исторіи. (См. І. Виноградова, О Θεодоритовомъ словѣ. Опытъ библиографическаго изслѣдованія).

Перечень произведеній Кирилла Александрійскаго, известныхъ въ славянскомъ переводѣ, можно было бы пополнить статьями, помѣщавшимися въ Кормчихъ (Срезневскій, Малоизв. и неизв. памяти., гл. XLIV, стр. 76, гл. XLVII, стр. 158; Петровъ,

¹⁾ После появленія труда г. Архангельскаго напечатана еще, по сербской рукописи XV вѣка, Бесѣда на Рождество Христово, приписываемая Василию Великому (Правосл. Собесѣдникъ, 1889, декабрь, стр. 590—590).

Книгохранилище Чудова монастыря,—ст. въ Памятн. древн. письменности, 1879, вып. IV, — стр. 158).

III. Наибольшую цѣнность имѣютъ тѣ отдѣлы труда г. Архангельскаго, въ которыхъ, кромѣ общаго обзорѣнія сочиненій того или другаго писателя, находимъ еще «Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій». Таковы именно замѣчанія и разысканія г. Архангельскаго о сочиненіяхъ Іоанна Дамаскина, Аванасія Александрійскаго, Ефрема Сирина и Іоанна Златоуста.

Говоря объ *Іоаннѣ Дамаскинѣ*, г. Архангельскій перечисляетъ его произведенія, извѣстныя по славянскимъ рукописямъ (стр. 97—108), а затѣмъ сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о переводѣ сочиненій Дамаскина, принадлежащемъ извѣстному кн. Курбскому (стр. 109—124). По поводу перечня можно замѣтить слѣдующее:

Слово на Благовѣщеніе издано было (по рукоп. Моск. синод. библиот. № 213—306) Обществомъ любителей древней письменности.

Обзорѣніе рукописей грамматики, приписываемой Дамаскину, и соображенія объ ея происхожденіи можно найти въ статьѣ В. Н. Малинина: Грамматика Іоанна, экзарха Болгарскаго. (Сборникъ статей по случаю юбилея В. И. Ламанскаго, Спб. 1883).

Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчается съ именемъ Іоанна Дамаскина руководство къ опредѣленію дней Пасхи (см. наприм. Опис. рукоп. гр. Толстова, отд. II, № 144). Находимъ паскалію (τὸ πασχαλίον) и между греческими сочиненіями Дамаскина (Patrol. cursus compl., t. 95, p. 237—238) ¹⁾.

Сообщеніе г. Архангельскаго о переводахъ Курбскаго представляетъ любопытное и важное дополненіе къ замѣткамъ Востокова (Опис. рукоп. Рум. музея, стр. 555—558), кн. Оболенскаго (О переводѣ кн. Курбскаго сочиненій І. Дамаскина, — ст. въ «Библиогр. Запискахъ» 1858 г., № 12), М. П—скаго (Кн. А. М. Курбскій, ст. въ Ученыхъ Запискахъ Каз. Унив. 1873 г. № IV), Попова (Опис. рукоп. Хлудова, 115—117). — «Въ другомъ мѣстѣ, говорятъ г. Архангельскій, мы будемъ подробно говорить о переводахъ Курбскаго, о ихъ отношеніяхъ къ болѣе древнимъ, существовав-

¹⁾ Припомнимъ еще, что І. Дамаскину приписывались также повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ и Стефанитъ и Икхилать (Пыпинъ, О повѣстяхъ и сказкахъ, стр. 125—129, 158—159).

шимъ до него, а равно и къ редакціямъ подлинника; здѣсь оставимся на одной лишь особенности переводовъ Курбскаго, на многочисленныхъ примѣчаніяхъ или «сказахъ», дѣлаемыхъ имъ къ тексту, на многочисленныхъ поясненіяхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя онъ считаетъ необходимымъ «гѣпшаго ради выразумѣнія» постоянно присоединять къ своему переводу». Слѣдуетъ рядъ выписокъ, знакомящихъ со сказами и словотолкованіями Курбскаго (стр. 113—124).

Въ приложеніи къ другому труду г. Архангельскаго (Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII вѣка) помѣщены: Примѣчанія кн. Курбскаго къ переводу твореній Іоанна Дамаскина, т. е. всѣ «сказы» и поясненія отдѣльныхъ словъ (по рукоп. Румянц. муз. XVII в., № 193), а также заглавія и начальныя слова главъ Діалектики Іоанна Дамаскина въ переводѣ Курбскаго (по рукоп. Рум. муз. № 193, съ вариантами по рукоп. Пискарева XVII в., № 189). Упомянутая статья г. Архангельскаго помѣщена въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ 1888 г., кн. 1. (См. стр. 88—154 и 155—166).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Архангельскимъ объ Аванасіи Великомъ, Ефремѣ Сиринѣ и Іоаннѣ Златоустѣ, распадаются на два отдѣла. Въ книгѣ: «Къ изученію древне-русской литературы» данъ общій перечень тѣхъ сочиненій названныхъ писателей, которыя сохранились въ старо-славянскомъ переводѣ; въ «Извлеченіяхъ изъ рукописей» разсматриваются: 1) Житіе Антонія Великаго св. Аванасія, 2) Вопросы и отвѣты Аванасія къ кн. Антіоху, 3) Паренесисъ Ефрема Сирина и 4) Творенія Іоанна Златоустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ.

Въ первой главѣ «Извлеченій», очень небольшой (стр. 1—8), находимъ рядъ выписокъ изъ старѣйшихъ списковъ житія Антонія (рукоп. Хлудова XIV в., № 195 и рукоп. Тр.-Сергіевой лавры XV в., № 763); параллельно съ этими выдержками напечатаны соотвѣтствующія мѣста по рукоп. Соловецкой библіот. XVI—XVII в. (№ 209).

Вторая глава «Извлеченій» (стр. 9—203) представляетъ обширное и любопытное изслѣдованіе, въ которомъ разсматриваются не только Вопросы и Отвѣты Аванасія къ Антіоху, но и нѣкоторыя другія произведенія, изложенныя въ той же литературной формѣ. Текстъ вопросовъ и отвѣтовъ, надписываемыхъ въ славянскихъ рукописяхъ именемъ Аванасія, не одинаковъ. Изученіе рукописнаго матеріала привело г. Архангельскаго къ различенію трехъ изво-

довъ псевдо-аанасіевыхъ вопросо-отвѣтовъ: а) редакція, которую нашъ ученый опредѣляетъ (стр. 37), какъ «болѣе точную, буквальную, слѣпо (?) воспроизводящую греческій оригиналъ» (рукоп. Тр.-Серг. лавры, № 190; Солов. библиот. № 259 ¹); печатный текстъ Скрижали), б) редакція, опредѣляемая (стр. 37), какъ «передающая греческій текстъ не столь буквально, болѣе простымъ и иногда даже значительно отступающимъ отъ греческаго оригинала, языкомъ» (Тр.-Серг. Лавры рук. № 12), в) особая редакція, представляющая смѣшеніе Аанасіевыхъ Вопросовъ съ Вопросами Анастасія Синаита и иными, взятыми изъ неизвѣстнаго источника (стр. 48—49). Кромѣ этихъ трехъ редакцій отмѣчены: 1) Отрывки Аанасіевыхъ вопросовъ въ Измарагдахъ: «Только иногда редакція текста въ измарагдахъ остается тою же, какъ и въ греческомъ подлинникѣ или въ славянскихъ рукописяхъ полного перевода «Вопросовъ и Отвѣтовъ»; болѣе же частію она значительно отступаетъ отъ него, представляя сравнительно съ нимъ болѣе или меньшія или добавленія или сокращенія, чаще послѣднія, — иногда же и болѣе значительную разность» (стр. 62—63); 2) Отрывки Аанасіевыхъ вопросо-отвѣтовъ, помѣщавшіеся въ древне-русскихъ Кормичихъ (стр. 74—77).

Вслѣдъ за разборомъ псевдо-аанасіевыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ находимъ въ книгѣ казанскаго ученаго (стр. 89 и далѣе) особое изслѣдованіе, предметомъ котораго служитъ Бесѣда трехъ святителей и сходные съ нею анонимные вопросо-отвѣты ²). Г. Архангельскій отмѣчаетъ три отдѣльныхъ памятника, сходное заглавіе которыхъ можетъ дать поводъ къ смѣшенію, къ предположенію ближайшаго родства, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

А) Вопросы и отвѣты Григорія Богословца и Василя (древнѣйшій списокъ въ Изборникѣ 1073 года); греческій оригиналъ этого діалога указанъ былъ еще Востоковымъ (Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 503).

¹) Рукопись Соловецкой библиотекы № 259 любопытна тѣмъ, что въ ней скъ тексту перевода вопросовъ и отвѣтовъ на поляхъ рукописи приведена... изъ различныхъ твореній отцовъ церкви масса цитатъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ мнѣній, высказываемыхъ въ отвѣтахъ. Цитаты этихъ нѣтъ въ греческихъ рукописяхъ и повидимому онѣ — плодъ учености какого-то русскаго книжника второй половины XVII в.» Эти цитаты рукописи напечатаны г. Архангельскимъ сполна (стр. 78—88).

²) Объ этомъ отдѣлѣ книги г. Архангельскаго я имѣлъ уже случай говорить въ статьѣ: «Бесѣда трехъ святителей и Иоса топаского» (Журн. Минист. Нар. Просв. 1892, январь).

Б) Вопросы и отвѣты евангельскихъ словесъ, сказана Василиемъ и Θεологомъ Григоріемъ (Румянц. муз. № VI). По указанію г. Архангельскаго «статья своимъ содержаніемъ представляетъ почти буквальныя извлеченія изъ одного сочиненія, приписываемаго Аванасію Александрійскому: *Ῥήσις καὶ ἐρμηνεία παραβολῶν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου*, напечатаннаго у Migne'я, *Patrol. Cursus compl.* s. gr., t. XXVIII, col. 711—774. Статья впрочемъ... нѣсколько измѣнена; встрѣчаются добавленія, распространенія, мѣстами придаетъ форма вопросовъ и отвѣтовъ, мѣстами изложеніе переходитъ въ Бесѣду Василія и Θεолога Григорія (стр. 117). Г. Архангельскій напечаталъ сполна эту «статью параллельно съ соотвѣтствующими мѣстами названнаго греческаго сочиненія» (стр. 117—128). При такомъ сопоставленіи греческаго и славянскаго текстовъ авторъ иногда увлекается, давая неточныя параллели. Такъ съ славянскимъ текстомъ, передающимъ притчу о плеведахъ (Ев. Маттея, XIII, 24—30), сопоставляется въ греческомъ — притча о сѣменахъ, упавшихъ на неодинаковую почву (МѠ. XIII, 3—23); съ притчей о неводѣ (МѠ. XIII, 47—48) — рассказъ о пойманной Петромъ рыбѣ, внутри которой найдена была монета (МѠ. XVII, 24—27).

В) Бесѣда трехъ святителей. — Крайнее разнообразіе списковъ Бесѣды заставило г. Архангельскаго отказаться отъ установленія какихъ-либо редакцій этого памятника (стр. 189) ¹⁾.

¹⁾ Г. Мочульскій въ сочиненіи о Голубиной книгѣ дѣлитъ всѣ списки Бесѣды на три разряда или редакціи. Изученіе рукописнаго матеріала убѣдило г. Архангельскаго въ несостоятельности такого дѣленія. Но отвергнувъ несправедливое дѣленіе, г. Архангельскій не нашеть, къ сожалѣнію, возможнымъ внести хоть какой-нибудь распорядокъ въ разнообразіе списковъ. При этомъ ему помѣшало отчасти и то, что далеко не всѣ списки Бесѣды приведены въ извѣстность. Г. Архангельскому приходилось иногда довольствоваться лишь небольшими выписками изъ того или другаго списка, помѣщенными въ описаніяхъ рукописей. Такъ онъ говоритъ о спискахъ Вопросовъ и Отвѣтовъ, находящихся въ рукописяхъ Публичной библіотеки (стр. 130—134), по отрывкамъ, приведеннымъ въ «Описаніи рукоп. сборн. публ. библіотеки» А. Ѡ. Бычкова. Не мѣшало бы сдѣлать сводъ извѣстныхъ уже списковъ бесѣды и вопросовъ-отвѣтовъ. Такой сводъ облегчилъ бы знакомство со списками, неизвѣстными или почти неизвѣстными. При существованіи свода, вмѣсто случайныхъ выписокъ и ненужнаго повторенія однихъ и тѣхъ же вопросовъ, можно было бы отмѣчать лишь общій порядокъ вопросовъ, входящихъ въ составъ того или другаго списка; при этомъ пришлось бы указывать числа, которыми опредѣляется мѣсто извѣстныхъ вопросовъ-отвѣтовъ въ сводѣ. Такія краткія, но ясныя опредѣленія состава списковъ облегчили бы и распредѣленіе ихъ на разряды. Само собою разумѣется, что списки, важныя по особен-

По мнѣнію нашего ученаго, можно лишь отмѣтить связь Бесѣды съ другими произведеніями славяно-русской письменности. Съ этою цѣлю онъ приводитъ рядъ любопытныхъ, хотя и неодинаково убѣдительныхъ и важныхъ, сближеній нашихъ вопросовъ-отвѣтовъ съ цѣлымъ рядомъ памятниковъ (Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской, Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ, Вареломѣевы вопросы Богородицѣ, Преніе Панагіота съ Азимитомъ, Палея, Луцидаріусъ и др.). При этомъ г. Архангельскій попутно знакомитъ насъ съ нѣкоторыми произведеніями, остававшимися до сихъ поръ неизвѣстными или малоизвѣстными. Таковы: Начертаніе отъ различныхъ богословесныхъ книгъ, сирѣчь снискательно отъ глубочайшаго сокровеннаго разума богомудрыми отцы (стр. 141—142)¹⁾, Поученіе церковное о святѣй вѣрѣ святыхъ отецъ (стр. 142), Толкъ священническаго чина (стр. 143), Бесѣда Златоуста съ Господомъ (144—146), Слово откровения св. отца Григорія Богослова о святѣй службѣ (146)²⁾, Григорія Θεолога словеса избранная, яже суть толковая (стр. 147—156), Книга, нарицаемая Кааеъ, сирѣчь сборникъ (стр. 156—160)³⁾.

Въ приложеніи изданъ одинъ изъ старѣйшихъ списковъ Бесѣды: «Оустроеніе словесъ Василія и Григорія Θεолога Іоанна» (по рукоп. XV в. Румянц. музея, № VI).

Изъ сочиненій *Ефрема Сирина* г. Архангельскій съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на поученіяхъ, входящихъ въ составъ такъ называемаго Паренесиса. Нѣкоторые списки этого сборника были уже подробно описаны Срезневскимъ. (Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. памятникахъ, гл. V, VI, IX). Г. Архангельскій

ностямъ содержанія и языка, или по времени написанія рукописи, требуютъ отдѣльнаго изданія.

¹⁾ Ср. Описаніе рукоп. гр. Толстова, отд. II, № 276, л. 231: «Снискательно отъ глубочайшаго сокровеннаго разума премудрыхъ богословныхъ книгъ». Въ заключеніи сей статьи сказано: «Сія вопрошенія и толкъ, ко игумену Іакову, неключимаго инока Паенотія во Акіанѣ обители отока Соловецкаго» (стр. 435). То, что писалъ объ этомъ Пафутія еп. Филаретъ (Обзоръ р. дух. литературы, гл. 150), требуетъ провѣрки.

²⁾ «Св. Григорія Богослова откровенья о святѣй службѣ» напечатано въ ст. Красносельцева: «Толковая служба». (Правосл. Собесѣдникъ, 1878, май).

³⁾ Въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» (1890, 2, стр. 306) указано было на сходство «Кааеа» съ сборникомъ XIII в. Публичной библіотеки. (Толст. II, № 6). Описаніе этого сборника составлено было Н. А. Лавровскимъ. (Чтенія въ Общ. Ист. и древн. Рос. 1858 г. 4).

а) дѣлаетъ обзорѣніе словъ Паренесиса по древнѣйшему и необсѣдованному списку его — XIII вѣка библиотеки Тр.-Сергіевой Лавры, № 7» (стр. 1—32); б) сопоставляя составъ Паренесиса по нѣсколькимъ спискамъ, пытается опредѣлить первоначальный видъ сборника и отмѣтить его позднѣйшія измѣненія, причемъ распределяетъ списки Паренесиса на нѣсколько группъ (стр. 33—37); в) знакомитъ насъ съ содержаніемъ Паренесиса, для чего дѣлаетъ обширныя выписки изъ упомянутой рукописи XIII вѣка (стр. 37—76); г) сравниваетъ составъ нашего Паренесиса съ составомъ греческихъ рукописей, описанныхъ у Ассемани (Ephraemi Syri Opera omnia, t. I), причемъ приходитъ къ выводу, что «въ длинномъ ряду этихъ (греческихъ) кодексовъ нѣтъ ни одного, который могъ бы быть прототипомъ нашего славянскаго кодекса», и что, «во всякомъ случаѣ, въ своихъ теперешнихъ существующихъ спискахъ онъ (Паренесисъ) носитъ очевидные признаки славянской редакціи» (стр. 77—88); д) рассматриваетъ слова Паренесиса, повторяющіяся хотя и не безъ измѣненій, въ спискахъ Измарагда (стр. 88—118). По поводу этого изслѣдованія г. Архангельскаго появилась въ кievскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1891 г. ноябрь) любопытная статья *проф. Владимірова*. Рецензентъ указываетъ нѣкоторые недочеты въ трудѣ г. Архангельскаго: авторъ не обратилъ вниманія на нѣкоторые важные списки Паренесиса (рукоп. моск. типогр. библ. № 1173; сербская рукоп. изъ собранія Севастьянова, № 37; списокъ, внесенный въ январскую книгу Макаріевыхъ Четвѣ-Миней); не совсѣмъ удачно распредѣлилъ списки сборника, основываясь лишь на количествѣ словъ, тогда какъ «нѣкоторые списки могутъ представлять неполноту по чисто случайнымъ причинамъ» (стр. 95); не точно опредѣляетъ отношеніе нашего Паренесиса къ греческимъ кодексамъ Ефремовыхъ сочиненій, ибо «порядокъ словъ славянскаго перевода, по отдѣльнымъ группамъ, слѣдуетъ порядку словъ нѣкоторыхъ греческихъ сборниковъ (стр. 85—86; 98); въ выпискахъ изъ Троицкой рукописи допускаетъ нѣкоторыя неточности (98—99). Въ заключеніе своей рецензіи г. Владиміровъ говоритъ: «считаемъ, однако, не лишнимъ отмѣтить и положительную сторону изслѣдованія А. С. Архангельскаго. Авторъ впервые представилъ обстоятельное описаніе замѣчательной рукописи «Паренесиса» XIII вѣка, сличивъ ея составъ съ описаніями другихъ славяно-русскихъ списковъ «Паренесиса» и съ описаніями греческихъ кодексовъ словъ Ефрема Сирина по изданію Ассемани. Дѣе, авторъ указалъ отношеніе нѣкоторыхъ словъ «Паренесиса» къ

передѣлками ихъ въ другихъ сборникахъ, преимущественно въ Измарагдахъ» (100). Вполнѣ присоединяясь къ этому сужденію о положительной сторонѣ работы казанскаго ученаго, позволяю лишь высказать сожалѣніе, что г. Архангельскій не обратилъ достаточнаго вниманія на самый текстъ перевода Паренесиса. Разсмотрѣніе этого сборника привело Срезневскаго къ такому заключенію: «Что касается до самаго текста перевода, то хотя онъ вообще и одинъ во всѣхъ спискахъ, тѣмъ не менѣе *по мѣстамъ представляется въ разныхъ спискахъ не дословно одинаковымъ*». Подобное же замѣчаніе находимъ у Ундольскаго. Описывая извѣстную г. Архангельскому рукопись XVI вѣка (№ 179), Ундольскій замѣчаетъ: «въ переводѣ есть отличія». (Катал. рук. Унд., ст. 160). Эти указанія стоило бы провѣрить.

Четвертая глава «Извлеченій изъ рукописей» имѣетъ заглавіе: «Творенія І. Златаустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ». Прежде всего г. Архангельскій даетъ обзорѣніе списковъ «Измарагда»: «Дошедшіе до насъ списки древне-русскихъ Измарагдовъ начинаются съ XIV вѣка; древнѣйшій списокъ — XIV вѣка библиотеки Моск. публ. Румянц. музея, № 186. Слѣдующіе, по древности, списки относятся къ пол. XV, кон. XV — нач. XVI, къ XVI и XVII вв.. Въ примѣчаніи перечислены извѣстные по описаніямъ списки Измарагда (всего 28 №№). «По своему составу, продолжаетъ г. Архангельскій, списки Измарагдовъ представляютъ значительное разнообразіе, хотя въ болѣе позднихъ спискахъ основной составъ собранія довольно одинаковъ. Не имѣя возможности сдѣлать здѣсь подробнаго сличенія всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ, остановимся лишь на нѣкоторыхъ». Эти «нѣкоторые» списки представляются (стр. 2—6) на восемь редакцій, большая часть которыхъ представлена лишь одной рукописью; только редакція, называемая г. Архангельскимъ «господствующей», опредѣлена по 10 рукописямъ, да для «наиболѣе древней» (ср. стр. 74) редакція, представляемой Измарагдомъ XIV вѣка Румянц. муз. (№ 186), отыскался противень въ рукописи XVI в. Тр.-Сергіевой лавры (№ 204). Послѣ обзорѣнія списковъ Измарагда изгѣдователь «обращается къ содержанію древне-русскихъ Измарагдовъ». Съ общимъ содержаніемъ Измарагда познакомили насъ Горскій и Невоструевъ при описаніи списка Измарагда московской синод. библиотеки (№ 230): «Слова собраны изъ церковныхъ поученій и другихъ, читаемыхъ въ церкви, книгъ, но не видно въ этомъ приспособленія къ церковному порядку чтенія. Въ расположеніи словъ болѣе можно

примѣчать порядокъ матерій, хотя весьма не строгій. Главное значеніе этого собранія словъ, кажется, было для домашняго чтенія, и именно мірянамъ. Потому въ началѣ и на концѣ книги нѣсколько наставленій о томъ, какъ читать съ пользою для души. Имѣя въ виду людей, живущихъ въ міру, собиратель, кромѣ общихъ наставленій объ обязанностяхъ православнаго христіанина, помѣстилъ въ своей книгѣ много словъ, относящихся до семейной жизни и разныхъ житейскихъ обстоятельствъ» (II, 3, стр. 82). Изложеніе г. Архангельскаго представляетъ иллюстрацію этого общаго замѣчанія о составѣ Измарагда: приводятся обширныя выписки изъ поученій о чтеніи книгъ, о взаимныхъ отношеніяхъ дѣтей и родителей, о челяди, о трудолюбіи, о молитвѣ и т. п. (стр. 6—69). Выписки сдѣланы изъ рукописей Рум. музея (№ 186, XIV в.), Соловецкой бібліотеки (№ 359, XV—XVI в.), Троицко-Сергіевой лавры (№ 203 и 204, XVI в.). По поводу этихъ «Ивлеченій изъ рукописей» припомню, что не мало выписокъ изъ Измарагда (по рукоп. Публ. бібліотеки XVI в.) помѣщено было въ «Отчетѣ о занятіяхъ въ столичныхъ бібліотекахъ» П. Лукьянова (Протоколы засѣданій совѣта Харьковскаго университета, 1867 г., стр. 558 и сл.). Этотъ отчетъ, повидимому, не извѣстенъ г. Архангельскому. «Въ заключеніе нашего обзора литературнаго состава и содержанія древне-русскихъ Измарагдовъ, — говоритъ г. Архангельскій, — не можемъ не замѣтить, что едва-ли не древнѣйшимъ, исходнымъ прототипомъ ихъ не былъ извѣстный Изборникъ 1076 года. По крайней мѣрѣ, и въ общемъ характерѣ содержанія и въ подборѣ самыхъ статей — нельзя не видѣть между первыми и послѣднимъ довольно замѣтной близости. Во всякомъ случаѣ Изборникъ 1076 года былъ однимъ изъ ближайшихъ источниковъ Измарагдовъ, — такъ какъ нѣкоторыя изъ статей оказываются не только одинаковыми, но и общими» (стр. 69—70). Замѣчаніе любопытное и важное, которое, впрочемъ, изъ области предположеній можетъ перейти въ кругъ достовѣрныхъ наблюденій только тогда, когда будутъ болѣе подробно изучены не только разныя редакціи Измарагда, но и другіе сборники сходнаго содержанія, въ родѣ «Златой Цѣпи»¹⁾. Отыщутся, быть можетъ, и византійскіе прототипы по-

¹⁾ Описаніе старѣйшаго списка «Златой Цѣпи» (Тр.-Серг. лавры, № 11, XIV в.) см. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн. Рос.» 1846 г. кн. 2, и въ Опис. рукоп. Тр.-Серг. лавры. — О другихъ спискахъ «Зл. Цѣпи» см. соч. Пѣтухова, Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, гл. IX, стр. 193 и слѣд.

добнаго рода славяно-русскихъ сборниковъ, измѣнявшіеся, конечно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и требованій.

При изученіи Измарагда г. Архангельскаго особенно интересовали тѣ статьи, которыя въ разныхъ спискахъ этого сборника надписываются именемъ Іоанна Златоуста. Нашъ изслѣдователь приводитъ списокъ такихъ статей, составленный по 11 рукописямъ (стр. 73—93), а затѣмъ, «для ознакомленія съ литературными источниками древне-русскихъ Измарагдовъ, останавливается подробно на нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ словъ и поученій съ именемъ Іоанна Златоустаго» (стр. 94—228). Чтобы видѣть, какъ г. Архангельскій ведетъ свою работу, выписываю его замѣчанія о первыхъ трехъ поученіяхъ.

«I. Слово Павла апостола, истолковано Іоанномъ Златоустымъ и Василіемъ Кесарійскимъ». Приводимъ слово сполна: Придемъ братіе, да слышимъ слово ползы духовныя исполнено и т. д. (Помѣщенъ полный текстъ слова по рукоп. Солов. библіотеки, № 359, съ вариантами по рукоп. той же библіот. № 361). Слово Измарагда представляетъ собою, съ незначительными измѣненіями, первую часть поученія, приписываемаго по нѣкоторымъ рукописямъ «Кирилу» (Того жъ Кирила наказанъ) и считающагося произведеніемъ Кирилла Туровскаго. Источникомъ для того и другаго служило слѣдующее мѣсто одной изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго къ антиохійскому народу, помѣщавшихся въ древне-русскихъ Маргаритахъ, — приводимъ текстъ названнаго мѣста бесѣды по списку Маргарита Четъ-Миней митр. Макарія, параллельно съ начальной частью наказанія Кирилла Туровскаго, (слѣдуютъ тексты, помѣщенные en regard). Изъ сопоставленія приведенныхъ текстовъ нельзя не видѣть, что текстъ *Наказанія* ближе къ подлинному тексту бесѣды Златоуста, чѣмъ текстъ читаемаго въ Измарагдахъ слова, и первое едва-ли не служило посредствующимъ источникомъ послѣдняго. Источникомъ второй, дальнѣйшей части *Наказанія* служили слѣдующія дальнѣйшія мѣста той же бесѣды Златоустаго, — приводимъ отрывки бесѣды по тому же списку Маргарита, параллельно съ соотвѣтствующей частью *Наказанія*. . . (Тексты). Послѣдняя, заключительная часть *Наказанія* заимствована изъ какого-то новаго источника; здѣсь между прочимъ сообщается, что Сампсонъ погибъ отъ пьянства. Замѣтимъ, что двѣ послѣднія части *Наказанія* въ нѣкоторыхъ спискахъ древне-русскихъ Златоустовъ читаются такъ же въ видѣ особаго, отдѣльнаго слова. (Указанъ Златоустъ XVII в. Моск. синод. библіот. № 231).

Мысли о важности чтенія книгъ не рѣдко встрѣчаются и въ Златоструѣ... (Выписки изъ Златоструя XVI в. Солов. библиот. № 182).

II. Слово Иоанна Златоустаго о *мъчащихся въ болѣзни волевоу-нїемъ и наузы*. — Слово главнымъ образомъ заимствовано изъ 6-го слова Иоанна Златоустаго На юдеевъ, читаемаго въ числѣ другихъ и въ Маргаритѣ; но авторъ измарагдовскаго поученія, повидимому, пользовался не подлиннымъ словомъ, но отрывками, приводимыми изъ него въ 47 словѣ Пандектъ Никона Черногорца. Послѣдніе во всякомъ случаѣ были у него подъ руками — на что указываютъ ссылки его на правила «седьмого собора»: соответствующія выписки изъ соборныхъ и градскихъ законовъ приведены въ томъ же словѣ Пандектъ. Впрочемъ, едва-ли авторъ измарагдовскаго слова не пользовался также находящимся въ Златоструѣ — словомъ о болѣзняхъ оутѣшно и о врачехъ. Приводимъ измарагдовское поученіе сполна, параллельно съ указанными источниками... (Слѣдуютъ: слово Измарагда и выписки изъ 47-го слова Пандектъ, изъ Маргарита и Златоструя).

III. Слово Иоанна Златоустаго о *исходѣ души*. — Въ словѣ говорится о тѣхъ испытанїяхъ, мытарствахъ, которымъ подвергается душа по выходѣ ея изъ тѣла. Въ нѣкоторыхъ спискахъ измарагдовъ слово носитъ болѣе правильное, соответствующее источнику заглавіе: Слово Иоанна Милостиваго о исходѣ души. Слово дѣйствительно заимствовано изъ житія Иоанна Милостиваго, — представляетъ собою именно тотъ отрывокъ житія, который читается въ 32-мъ словѣ Пандектъ Никона Черногорца. Послѣдніе, конечно, и были непосредственнымъ источникомъ измарагдовскаго поученія, которое почти буквально воспроизводитъ отрывокъ, съ незначительными лишь измѣненїями въ началѣ и концѣ. Приводимъ начало слова, параллельно съ началомъ названнаго отрывка Пандектъ... (Тексты).

Всего рассмотрѣно такимъ образомъ г. Архангельскимъ тридцать поученій Измарагда¹⁾. Замѣчанія почтеннаго изслѣдова-

¹⁾ Опредѣляя источники поученій, помѣщавшихся въ Измарагдѣ, г. Архангельскій останавливается лишь на ближайшихъ фактахъ, представляемыхъ переводной славянской письменностью. Отношеніе этихъ переводовъ къ первичнымъ греческимъ текстамъ не входило въ задачу г. Архангельскаго. Что касается выписокъ изъ рукописей, то въ передачѣ древняго текста г. Архангельскій не всегда, повидимому, держался одного и того же приема: есть наприм. мѣста, выписанныя съ сохраненїемъ сокращеній, въ другихъ случаяхъ титла, очевидно, раскрыты.

теля представляютъ несомнѣнно шагъ впередъ въ изученіи славяно-русскаго Златоуста, т. е. совокупности тѣхъ произведеній, которыя, правильно или ошибочно, надписываются въ нашихъ рукописяхъ именемъ знаменитаго проповѣдника. Пособіемъ при опредѣленіи источниковъ нѣкоторыхъ словъ, помѣщенныхъ въ Измарагдѣ, могли служить г. Архангельскому замѣтки, сдѣланныя Горскимъ и Невоструевымъ при обзорѣ рукописей Измарагда и Златоуста моск. синодальной библіотеки¹⁾. Жаль, что г. Архангельскій не исчерпалъ и не провѣрилъ всѣхъ такого рода указаній Горскаго и Невоструева. Укажу для примѣра нѣсколько поученій, которыя отмѣчены г. Архангельскимъ въ общемъ перечнѣ статей, усвояемыхъ Златоусту, но источникъ которыхъ не провѣренъ, несмотря на замѣтки «Описанія синод. рукописей».

1) Архангельскій, стр. 75: Слово Іоанна Златоустаго о чистотѣ душевнѣй. Нач. «Мы убо да навикнемъ, что убо чловѣка сквернить». (Измарагдъ Тр.-Сергіевой лавры, № 204, л. 111).—Въ Описаніи синодальныхъ рукописей (II, 3, стр. 85): «Почуеніе Иѡанна Златоустаго о чистотѣ душевнѣй. Нач. Навикнемъ оубо, что есть еже не сквернить чловѣка... Взято изъ Златоустаго 51 бесѣды на Ев. Матѣ. (Орр. Т. VII, р. 526).

2) Архангельскій, стр. 75: Слово Іоанна Златоустаго, въ немъ же притчу сказаетъ, чему подобно есть житіе се настоящее наше и како въ немъ льстимся. Нач. «Вся убо, възлюбленіи, свѣта сего вскорѣ преминуется, того ради добро есть преже смерти кому же готовитися (Измарагдъ Солов. библіот., № 359, л. 273 об.). Въ Опис. синод. рукописей (II, 3, стр. 77): «Слово Іоанн^а Златоуста^а, въ немъ же притчу сказуеть, чему подобно есть житіе се настоящее и како въ немъ льстимся. Нач. Вся оубо възлюбленіи свѣта се^а въскорѣ преминуются. Притча довольно пространная, взята изъ слова Христофора, патр. Александрійскаго, изд. у Фабриція, Bibl. Graec. Ed. Vet. T. XII, р. 660^а).

3) Арх., стр. 78: Слово Іоанна Златоустаго о суетнемъ житиѣ и о ползѣ и о умиленіи. Нач. Возлюбленніи, оставльше суетная дѣла

¹⁾ Такъ источники слова о исходѣ души (Арх. 111) и Почуенія, како подобаетъ крестьяномъ жити (Арх. 117) указаны именно въ Описаніи синод. рукоп. (II, 3, 55, 56). Это не уменьшаетъ, однако, ученой заслуги г. Архангельскаго, показавшаго на рядѣ примѣровъ связь поученій Измарагда съ Златоустомъ, Пандектами Никона Черногорца и др. пам.

²⁾ Объ этой притчѣ см. въ моей книгѣ: «Къ литературной исторіи р. бѣлой поэзіи», стр. 33—36, примѣч.

погибающая житѣя сего, блюдете (Измар. Спасо-Евфиміева мона-стыря, л. 148).—Въ Описаніи (II, 3, 90): Пооученіе Іоанна Златау-стаго ѡ суетно^ѣ сѣ житіи и ѡ ползѣ дшевиѣй. Нач. Возлюбленніи, оставивше суетная дѣла. Опр. S. Chrysost. spuria. T. IX, p. 819; но въ рукописи только половина слова. Оно извѣстно въ древнемъ переводѣ по ркп. Лаврской бібліотеки (XIII в.).

4) Арх. 92: Слово Іоанна Златоустаго о алчбѣ и молитвѣ и о милости. Нач. Придите нынѣ, церковная чада, да обычное поученіе сотворю. (Солов. бібліот. № 360, л. 127). Описаніе: Пооученіе Іоанна Златоустаго... Нач.» Приидѣте нынѣ ѡрковная чада да ѡбычное со-творю вамъ пооученіе». Сочинитель пользуется словомъ Василія Вел. о постѣ первымъ; поученіе находится въ Златой Цѣпи, л. 115 об. (II, 3, 92).

5) Арх. 78: Слово Іоанна Златоустаго о алчавѣ и о милостыни... Нач. «Днесъ, возлюбленніи, врачеви поклонимся» (Измарагдъ Сп.-Евф. мон., л. 148). Описаніе: Слово стѣго Іоанна Златоустаго ѡ алч^{авѣ}ніи. Нач. Днесъ возлюбленніи врачу дшевному поклонимся. Опр. Chrys. T. IX, p. 799 (II, 3, 107).

6) Арх. 87: (Іоанна Златоустаго) слово о десяти дѣвахъ, и о ми-лостыни, и о казни, и о молитвѣ... Нач. «Вѣсте ли убо, откуда намъ рѣчь начаса пръвое, или гдѣ уставися» (Рукоп. б. Царскаго, № 142, л. 24). Описаніе: Слѣво стѣго Іоанна Златаустаго ѡ деся^{ти} двѣ^{хъ} і ѡ мѣтне і ѡ покаяннѣ. Нач. «Вѣсте ли оубо, ѡкуду намъ рѣчь начаса испрѣва, или гдѣ ставися». Опр. Chrys. Ed. Montfauc. T. II, p. 294 (II, 3, 128).

Въ общемъ обзорѣніи сочиненій Златоуста, извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ (Къ изученію древне-р. литературы, стр. 56—83), г. Архангельскій указываетъ а) сборники поученій Зла-тоуста (Златоструй, Андриантисъ, Маргаритъ¹⁾, Златоустъ и др.) б) его экзегетическіе труды (бесѣды на кн. Бытія, на Псалмы, на

¹⁾ Г. Архангельскій съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Новомъ Маргаритѣ, въ переводѣ кн. Курбскаго. Этотъ переводъ сохранился въ двухъ спискахъ: одинъ принадлежитъ Рум. музею (Унд. № 187), другой — Вольфенбюттельской бібліотекѣ. «Въ виду совершенной неизвѣстности руко-писи» Ундольскаго г. Архангельскій останавливается на ней съ нѣкоторой подробностью: печатаетъ «сказаніе главамъ» и нѣкоторые «сказы» (объясни-тельные примѣчанія) и словотожкованія Курбскаго (стр. 68—80). Болѣе полное описаніе этой же рукописи помѣщено г. Архангельскимъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн. Росс.» 1888 г., кн. 1 (въ приложеніи къ статьѣ: Борьба съ като-личествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой полов. XVII вѣка).

Ев. Матѣея и Іоанна, на Дѣянія и Посланія апостольскія), в) отдѣльныя «слова», принадлежащія или приписываемыя Златоусту. Представляю нѣсколько замѣтокъ по поводу этого отдѣла труда г. Архангельскаго.

О бесѣдахъ Златоуста къ Антиохійскому народу (Ἀνδριάντης) г. Архангельскій говоритъ: «Славянскій переводъ этого собранія дошелъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ XVII в., но появленіемъ своимъ относился, повидимому, къ несравненно болѣе раннему времени. Основаніе къ такому предположенію даетъ одинъ изъ списковъ сборника, именно рукопись Московской синод. библиот. № 125, представляющая переводъ поученій въ редакціи мон. Евфимія. Рукопись—собственно палимпсестъ: переводъ свой Евфимій производилъ по редакціи перевода, принадлежавшаго ко времени, гораздо болѣе раннему, писалъ на текстѣ древней рукописи, и эта болѣе ранняя редакція перевода проглядываетъ въ рукописи еще довольно ясно, не смотря на всѣ помарки и подскобки, сдѣланныя Евфиміемъ, Переводъ, попавшійся въ руки Евфимія, носилъ на себѣ слѣды отдаленной древности. Первоначальное появленіе нѣкоторыми относится уже къ XI—XII вв. болгарской письменности». Выраженіе: «рукопись—собственно *палимпсестъ*», конечно, не точно. Въ Описаніи синод. рукоп. объ упомянутомъ спискѣ замѣчено: «Рукопись, къ сожалѣнію, много потерпѣла отъ исправителя: потому что онъ не только зачеркивалъ, но часто и выскабливалъ слова или буквы, которыя считалъ нужнымъ замѣнить другими. Первоначальный переводъ бесѣдъ, не смотря на то, что представляется въ позднемъ спискѣ, по своей древности заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ правописаніи и въ грамматическихъ формахъ языка всего скорѣе могли сгладиться признаки древности, но въ словахъ и оборотахъ рѣчи уцѣлѣло много несомнительныхъ доказательствъ древняго происхожденія сего перевода» (II, 2, стр. 113). Такимъ образомъ нельзя сказать, что болѣе ранняя редакція «довольно ясно проглядываетъ» въ синодальномъ спискѣ; древній переводъ сохранился съ достаточной полнотой («въ словахъ и оборотахъ рѣчи»). Для изученія древняго перевода Андриантиса было бы очень важно сличить исправленную синодальную рукопись съ отрывками изъ того же сборника, встрѣчающимися въ древнихъ рукописяхъ. Такъ напримѣръ въ сборникѣ XII в. Тр.-Сергіевой лавры помѣщенъ отрывокъ «Ἐν Ἀνδριάντῃ»¹⁾ (Срезневскій, Малоизв. и неизв. пам., гл. III, стр. 202).

¹⁾ Въ отдѣлѣ «Извлеченій» г. Архангельскій указалъ, что нѣкоторые поученія Измарагда стоятъ въ связи съ Андриатисомъ (IV, 214, 204).

При изложеніи свѣдѣній о «Златоустѣ» г. Архангельскій пользовался извѣстной статьёй Горскаго: «Слова на св. четырёхдесятницу». Цѣнныя дополненія къ этой статьѣ сдѣланы были г. Пѣтуховымъ въ его работѣ: Древнія поученія на воскресные дни великаго поста (Сборникъ 2-го отдѣл. Акад. Наукъ, т. 40). Трудъ г. Пѣтухова явился нѣсколько ранѣе (1886) сочиненія г. Архангельскаго (1888).

Въ замѣткѣ о «Маргаритѣ» слѣдовало бы припомнить извѣстіе о Діонисіи Терновскомъ (XIV в.), которому принадлежитъ переводъ «отъ еллинскаго писанія на бльгарьскыи языкъ» сборника поученій съ упомянутымъ выше заглавіемъ (Starine, I, 52).

Въ перечнѣ отдѣльныхъ словъ Златоуста есть, конечно, неизбѣжные пропуски. Укажу напр. на Похвальное слово ап. Петру и Павлу («Небесе и земля реть виждоу»...). Слово это, извѣстное и въ греческомъ подлинникѣ (Οὐρανοῦ καὶ γῆς ἀμύλλαν), помѣщалось въ Прологѣ подъ 29 іюня (Бычковъ, Опис. рукоп. сборн. публ. библ., стр. 442; Ундольскій, Библиогр. разысканія, стр. 174).

Данныя, собранныя г. Архангельскимъ въ книгѣ: «Къ изученію древне-русской литературы», расположены по смѣшанному плану. Всѣ писатели, о которыхъ говоритъ г. Архангельскій, распредѣлены имъ на три группы. Къ первой группѣ отнесены церковные учителя, нѣкоторые произведенія которыхъ извѣстны по древне-славянскимъ переводамъ. «Главнымъ источникомъ переводовъ твореній отцовъ церкви, и вообще древнихъ церковныхъ писателей для нашей письменности, служила Болгарія. Девятый и десятый вѣка были цвѣтущими вѣками болгарской литературы, а равно временемъ «разцвѣта» и всей вообще древнѣйшей славянской письменности. Въ сравнительно непродолжительный періодъ времени болгарская письменность обогатилась массой самыхъ разнообразныхъ переводовъ съ греческаго, — церковнаго, богословскаго и риторическаго содержанія. . . Переводы твореній отцовъ церкви въ этой древнѣйшей славянской письменности занимали господствующее мѣсто. Еще къ періоду этого «разцвѣта» должны быть отнесены переводы на славянской языкъ многихъ изъ твореній Еванасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Назіанзина или Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Феодорита Кирскаго, Іоанна Лѣствичника, Антіоха ермогорца, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина» (стр. 6—7). Го-

вора затѣмъ о сочиненіяхъ этихъ церковныхъ писателей, г. Архангельскій не останавливается однако лишь на древнѣйшихъ переводахъ, а рассматриваетъ всѣ переводы сочиненій того или другаго писателя, и древніе, и болѣе поздніе, и болгарскіе, и не болгарскіе. Вторую группу составляютъ (вѣрнѣе, должны бы составлять) писатели, переводы которыхъ явились на Руси. Изъ такихъ русскихъ переводовъ г. Архангельскій указываетъ только Епистолю блаженнаго папы Леонта, переведенную по желанію князя Святослава — Панкратія Давидовича (XII в.). О другихъ переводахъ этого отдѣла г. Архангельскій говоритъ лишь гадательно. «Едва-ли не были переведены первоначально въ Россіи же и нѣкоторыя изъ твореній пр. Нила Синайскаго († 450), Геннадія, патріарха Константинопольскаго († 471), Андрея Кесарійскаго († 565), Андрея Критскаго († 712). Многія изъ твореній этихъ отцевъ церкви становятся извѣстными очень рано, и въ чисто русскихъ редакціяхъ; впрочемъ, нельзя не замѣтить, нѣкоторыя данныя указываютъ и на прежній, первоначальный источникъ славянскихъ переводовъ — древнѣйшую Болгарію» (стр. 126). Въ этомъ же «русскомъ» отдѣлѣ помѣщена почему-то и замѣтка о сочиненіяхъ Иполита, еп. Римскаго. Къ третьей группѣ относятся переводы сербско-аеонскіе. «Въ XIII, XIV и отчасти XV вв. источникомъ переводовъ твореній отцовъ церкви была для древней Руси Сербія, или точнѣе гора Аеонъ, съ XII вѣка находившаяся въ особыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Сербіей, и гдѣ преимущественно жили сербскіе иноки» (стр. 136). Рассматриваются въ этомъ отдѣлѣ сочиненія Исаака Сирина, Сумеона Новаго Богослова, Григорія Синаита и Никона Черногорца.

Такой смѣшанный планъ, — распределеніе переводныхъ сочиненій частію по авторамъ, частію по мѣсту и времени перевода, — представляетъ, быть можетъ, свое удобство, но есть въ этой двойственной группировкѣ переводовъ и важный недостатокъ, невыгодно отразившійся на нѣкоторыхъ страницахъ сочиненія г. Архангельскаго. Остановимся на русскихъ переводахъ. Вотъ какую замѣтку предпосылаетъ г. Архангельскій тому отдѣлу своего труда, гдѣ рѣчь идетъ объ этихъ переводахъ: «Помимо древней Болгаріи, переводы твореній отцовъ церкви уже съ древнѣйшихъ временъ дѣлались иногда и въ Россіи. Прямыхъ, положительныхъ извѣстій объ этомъ до насъ сохранилось, правда, крайне мало, и въ этомъ случаѣ болѣею частью приходится говорить предположительно; но все же, судя по глѣтописнымъ извѣстіямъ, у насъ были,

повидному, попытки и самостоятельныхъ переводовъ. Извѣстны, на примѣръ, слова лѣтописей о заботахъ въ этомъ отношеніи великаго князя Ярослава († 1054)». Приводится затѣмъ извѣстное мѣсто лѣтописи о «писцахъ» Ярослава («прекладаша отъ грѣкъ на словенское письмо»). «Татищевъ, продолжаетъ г. Архангельскій, сообщаетъ извѣстіе о князѣ Смоленскомъ Романѣ Ростиславичѣ († 1180), что онъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ» и что «къ ученію многихъ людей понуждалъ, устраивая на то училища, и учителей, грековъ и латинистовъ, своею казною содержалъ»; также о князѣ волынскомъ (?!) Константинѣ Всеволодовичѣ († 1218 г.), что князь этотъ «великій былъ охотникъ къ читанію книгъ и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многія древнія книги греческія цѣною высокою купилъ и *вельми переводить* на русскій языкъ. . . . онъ имѣлъ однихъ греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частью покупалъ, частію патриархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали». Извѣстно также, что знаніе иностранныхъ языковъ на первыхъ порахъ у насъ было довольно распространено; князь Всеволодъ Ярославичъ (1078—1093) «зналъ пять языковъ», а внукъ Владиміра Мономаха, князь Михаилъ Юрьевичъ, «съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ» (стр. 124—125). Эта замѣтка оставляетъ насъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Кромѣ лѣтописнаго извѣстія о писцахъ Ярослава, г. Архангельскій нашелъ одно только указаніе на русскіе переводы греческихъ книгъ, — замѣтку татищевского свода о Константинѣ Всеволодовичѣ! (Извѣстія о Романѣ Ростиславичѣ, содержавшемъ учителей грековъ и латинистовъ, о Всеволодѣ Ярославичѣ, знавшемъ пять языковъ, о Михаилѣ Юрьевичѣ, разговаривавшемъ съ греки и латины, не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о переводахъ). Считаю умѣстнымъ припомнить здѣсь нѣсколько наблюдений и замѣчаній, которыя имѣютъ, конечно, не одинаковую цѣнность и значеніе, но которыхъ нельзя миновать, когда заходитъ рѣчь о старо-русскихъ переводахъ съ языка греческаго.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ христіанства распространяются у насъ книги св. Писанія въ славянскомъ переводѣ. Но этотъ славянскій переводъ не оставался неизмѣннымъ. Онъ съ древнѣйшаго времени подвергался пересмотру и исправленію, основанному на сличеніи съ греческимъ текстомъ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи судьба «Апостола», раскрытая г. Воскресенскимъ. Древне-славянскій переводъ Апостола очень рано (съ XIII в., а по нѣкоторымъ *казаніямъ* даже ранѣе) дѣлается у насъ извѣстнымъ въ особой,

исправленной редакціи. Вотъ, что сообщаетъ объ этой редакціи изслѣдователь славянскаго перевода Апостола: «Кто былъ виновникомъ этого новаго перевода или новой редакціи Апостола, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, это—вполнѣ *русская* редакція Апостола, при образованіи которой имѣлись въ виду двѣ главныя цѣли: во первыхъ, сдѣлать славянскій переводъ Апостола сколько возможно вразумительнымъ и понятнымъ для русскаго читателя, и во вторыхъ, привести славянскій переводъ Апостола въ возможно большее согласіе съ греческими списками, бывшими въ то время въ употребленіи въ церкви Константинопольской. Для достиженія первой цѣли, болгарскія или вообще южно-славянскія слова, ставшія непонятными для русскихъ, замѣняются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ другими, русскими словами или же образуются на русскій ладъ; *греческія и вообще чужія слова*, оставленные въ южно-славянскихъ спискахъ Апостола безъ перевода, *здесь передаются соответствующими славянскими*. Для достиженія второй цѣли, *переводчикомъ принимаются въ соображеніе греческіе списки* такъ называемой Константинопольской рецензіи, имѣющіеся отъ IX и слѣдующихъ вѣковъ, не рѣдко также греческія чтенія, встрѣчающіяся у Экумения (X в.) и Теофилакта Болгарскаго» (XI в.). Нѣсколько позже сдѣлано было у насъ новое исправленіе Апостола. Преданіе приписываетъ это исправленіе св. митрополиту Алексѣю. «Отличительною чертою сего перевода должна быть названа его *дословная вѣрность и близость греческому тексту*. Переводчикъ видимо стоялъ подъ сильнымъ влияніемъ текста греческаго. Такъ именно мы объясняемъ себѣ и то обстоятельство, что въ разсматриваемомъ спискѣ оставлены безъ перевода такія греческія слова, которыя давнымъ давно были уже переведены въ славянскихъ спискахъ Апостола. Иногда непереведенныя греческія слова удерживаютъ и греческія окончанія, напр... *лукіос, тертіос, гаіос*» и т. д. (Воскресенскій, Др. славянскій переводъ Апостола, стр. 33, 35—36).

По описанію рукописей Румянцевскаго музея давно извѣстенъ любопытный списокъ Пролога (№ СССХІХ), принадлежащій XIII в. Прологъ этотъ, какъ показалъ Востоковъ, представляетъ сербскую копію болгарской рукописи; болгарская же рукопись списана была съ русской. Присутствіе русскаго труда въ составѣ означеннаго Пролога доказывается не столько житіями русскихъ святыхъ (такія житія могли быть внесены въ Прологъ и въ Болгарію), сколько слѣдами русской рѣчи въ переводныхъ статьяхъ. Подъ 14 января въ Прологѣ помѣщена «Паметь св. отецъ нашихъ избивенныхъ отъ

мазатыя при Диоклитіанѣ цари». «Извѣстно, говоритъ Востоковъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *Блемміяхъ*, Аравійскомъ народѣ (см. Acta sanct. Bolland). Переводчикъ, производя сіе названіе отъ *блѣмма* взоръ, взглядъ, выразилъ оное на своемъ языкѣ Глазатые, отъ глазъ, но сего слова нѣтъ ни въ какомъ другомъ Словенскомъ діалектѣ, кромѣ Русскаго» (стр. 454). Позже стали извѣстны еще два списка этого Пролога: одинъ въ собраніи Норова, другой— въ библіотекѣ Бѣлградскаго общества сербской словесности. Послѣдній списокъ былъ подробно обследованъ Срезневскимъ, который на основаніи приписи, находящейся въ бѣлградской рукописи, далъ означенному прологу болѣе опредѣленное заглавіе: «Минологіи Константина, митрополита Мокийскаго». Соображеніе Востокова о слѣдахъ русской рѣчи повторено и Срезневскимъ. «Только русскій и могъ замѣнить имя Влемміевъ именемъ Глазатыхъ (слово это употреблено въ такомъ же значеніи и въ другомъ памятникѣ такого же рода). *Употребленіе такихъ русскихъ словъ въ статьяхъ переведенныхъ изблмичаетъ участие Русское въ самомъ переводѣ*, не только въ Русскихъ сказаніяхъ» (Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. памятн., гл. III). Не одна, конечно, глава Минологія Константина переведена была русскимъ. Мы въ правѣ, поэтому, причислить переводъ этого минологія къ памятникамъ русской письменности. Древность перевода доказывается спискомъ XIII вѣка, представляющимъ вторичную копію.

Къ XII—XIII вв. относятся древнѣйшіе списки перевода Пандектовъ Никона Черногорца. Разсмотрѣніе языка этихъ древнѣйшихъ списковъ привело Изм. Ив. Срезневскаго къ предположенію объ участіи русскаго человѣка въ переводѣ Пандектовъ. Въ книгѣ находимъ слова «такія, какихъ напрасно было бы искать въ не-русскомъ обликѣ или по крайней мѣрѣ въ не-русскомъ смыслѣ (хорошь, хорошавъ, хорошанинъ); находимъ вмѣстѣ съ тѣмъ слова, обозначающія особенности Русскаго быта» (опредѣленіе цѣнностей гривнами, рѣзанами, вѣкшами, веверицами; сопоставленіе словъ посадникъ и судья). «Примѣровъ этихъ достаточно, чтобы позволить себѣ догадку, что *древній переводъ Пандектовъ Никона Черногорца, какъ и переводъ хроники Георгія Амартола, Космографіи Космы Индикоплова и пр. сдѣланъ при участіи русскаго человѣка*». (Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. памятн., гл. LV, стр. 291—293). О переводѣ хроники Амартола тотъ же ученый замѣчаетъ: «Нѣкоторые рѣшались называть этотъ переводъ болгарскимъ; но это дѣлалось только для отличія отъ другой, болѣе поздней передѣлки перевода,

сербской, на основаніи прстодушнаго предположенія, что всё древнїя произведенія славянской письменности суть произведенія Болгарскія». Особенности языка привели покойнаго академика къ убѣжденію, «что разсматриваемая редакція древняго перевода хроникъ Георгія Амартола есть созданіе Русское». «Не заключаю еще, говорить осторожный ученый, что и первоначальный переводъ хроникъ былъ сдѣланъ Русскимъ; но считаю не дозволеннымъ и заключать, что онъ непремѣнно сдѣланъ въ Болгаріи... ни для того, ни для другаго вывода нѣтъ еще достаточныхъ доказательствъ». (Op. cit., гл. IV, стр. 20—21, 25—26). Что касается книги Козмы Индиколова, то отрывки славянскаго перевода этого сочиненія отысканы въ рукоп. XIV вѣка; полные списки относятся къ болѣе поздней порѣ (Op. cit., гл. XI).

Въ 1839 году появилось изданіе Копытаря, драгоцѣнное для исторіи русской образованности: *Hesyhii Glossographi discipulus et Ἑσυχίου glossographus Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII*. Изъ предисловія къ изданію узнаемъ, что въ 1554—1562 Augerius de Busbecke приобрѣлъ въ Константинополѣ нѣсколько греческихъ рукописей, которыя поступили потомъ въ Вѣнскую Императорскую бібліотеку. Къ числу этихъ рукописей принадлежитъ и та, часть которой издана Копытаремъ. Рукопись содержитъ толковый словарь греческаго языка съ русскими глоссами на нѣкоторыхъ листахъ. Приведу нѣсколько примѣровъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія, что глоссы писаны дѣйствительно русскимъ: волоть (γυγαυτιλος), первороженое (πρωτότοκον), несторожливо (ἀπαρτηρήτως), солови(й) (ἀλδῶν), невѣжа (ἄγριος), городъ (πόλις), молоди (νεανίσκοι), морская ворона (ἐναλίια χορώνη). Копытарь относилъ эти глоссы къ XII—XIII в., основываясь на начертаніи буквы ѣ (а не ы). Известно однако, что начертаніе ѣ употреблялось въ нашихъ рукописяхъ и позже, въ XIV вѣкѣ¹⁾, почему и появленіе вѣнскихъ глоссъ можетъ быть отодвинуто къ этому времени. *Ponamus, говорить Копытарь, Russica scripsisse sive monachum Russum petentem Terram sanctam, sive graeci cujusdam metropolitae in Russiam destinati psotosyncellnm russum, sive Russiae denique Ducem aliquem Constantinopoli exulantem* (p. XXIV). Въ дополненіи: *Quid si ἐσυχίου glossographus*

¹⁾ См. Ученыя записки 2 отд. Академіи Наукъ, кв. II, вып. 2, стр. 9—10 (Пыпина: Матеріалы для славянской палеографіи изъ «Описанія Румянцевскаго музея»). Къ изданію Копытаря приложенъ и снимокъ, но на этотъ снимокъ положить трудно. Желательно новое, фототипное изданіе Вѣнскихъ глоссъ.

poster fuerit e. g. aliquis Ducum Polotensium, quorum quinque cum familiis A. 1128 leviro suo Constantinopolin custodiendos misit Monomachi filius? (р. 72). Не имѣя надобности останавливаться лишь на XII или XIII столѣтія, можемъ припомнить извѣстія о русскихъ людяхъ, жившихъ въ Цареградѣ въ XIV вѣкѣ. Такія извѣстія находимъ у дьякона Игнатія и у Стефана Новгородца ¹⁾.

Съ XIV вѣка извѣстны списки славянскаго перевода Діоптры Филиппа пустынника. «Переводъ книги на славянской языкъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, принадлежитъ русскому иноку». Въ послѣсловіи переводчикъ говоритъ, что онъ предлагаетъ своимъ читателямъ «книгу, глаголемую еллинскою рѣчью Діопттру, нашу же рускою рѣчью зеркало». (Опис. синод. рукоп. II, 2, стр. 456).

Въ томъ же XIV вѣкѣ или въ самомъ началѣ XV «преложена отъ греческаго языка на русскія книги» Поученія на воскресные дни и другіе праздники, выбранныя изъ сочиненій разныхъ отцевъ, трудъ Константинопольскаго патріарха Филоея. (Опис. синод. рук. II, 2, стр. 658, 667).

Не упоминаю о переводѣ поэмы Георгія Писидійскаго и постническаго слова св. Максима, такъ какъ принадлежность этихъ переводовъ къ кругу собственно русской письменности вызываетъ сомнѣнія ²⁾.

Возвращаюсь къ замѣткѣ г. Архангельскаго о русскихъ переводахъ патристическихъ произведеній: «Едва-ли не были переведены первоначально въ Россіи же нѣкоторыя изъ твореній преп.

¹⁾ Сводъ извѣстій о русскихъ людяхъ, бывавшихъ въ Цареградѣ, см. въ соч. Терновскаго, Изученіе визант. исторіи, вып. II, стр. 1—28. См. также статью акад. Сухомятина: О языкованіи въ древней Руси. (Уч. зап. 2 отд. Ак. Н., кн. 1). Позже появленія труда г. Архангельскаго издано Ив. В. Помяловскимъ «Житіе св. Савы освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скоповольскомъ, въ древне-русскомъ переводѣ» (СПб. 1890 г.). Старѣйшая рукопись переводнаго житія принадлежитъ XIII вѣку, но сличеніе текста этой рукописи съ другими списками того же перевода привело ученаго издателя къ предложенію болѣе древняго архетипа, не одинаково измѣнявшагося въ позднѣйшихъ спискахъ.

²⁾ См. ст. И. А. Шляпкина: Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года. (Журн. Минист. Народ. Просв. 1890, июль). Г. Шляпкинъ склоненъ, повидимому, вычеркнуть изъ списка русскихъ переводовъ и Діопттру и Поученія на воскресныя и праздничныя дни (Учительное Евангеліе), но достаточныхъ основаній для такого вычеркиванія пока не представляется. Впрочемъ, и вопросъ о Писидѣ нельзя еще считать окончательно рѣшеннымъ.

Нила Синайскаго, Геннадія, патріарха Константинопольскаго, Андреа Кесарійскаго, Андреа Критскаго...¹⁾ Впрочемъ нельзя не замѣтить, нѣкоторыя данныя указываютъ и на прежній, первоначальный источникъ славянскихъ переводовъ — древнѣйшую Болгарію» (стр. 126). Эту противорѣчивую замѣтку слѣдовало бы совсѣмъ выбросить. Какое, въ самомъ дѣлѣ, значеніе можетъ имѣть догадка, что то или другое произведеніе переведено едва-ли не въ Россіи или едва-ли не въ Болгаріи? вмѣсто этой незначительной замѣтки мы желали бы найти хотя бы самый краткій перечень дѣйствительно русскихъ переводовъ, — тѣхъ переводовъ, свѣдѣнія о которыхъ разбросаны г. Архангельскимъ на разныхъ страницахъ его труда и которымъ удѣлено иногда слишкомъ мало вниманія. Вотъ примѣръ. На стр. 80—81 г. Архангельскій говоритъ о переводѣ бесѣдъ Іоанна Златоуста на Ев. Маттея и Іоанна, на Дѣянія и Посланія апостольскія. О послѣднихъ замѣчено: «Новыя извлеченія изъ толкованій Іоанна Златоуста на Дѣянія и Посланія апостольскія сдѣланы были Максимомъ Грекомъ. Нужно замѣтить, во всѣхъ рукописяхъ, древнѣе XVI вѣка, въ славянскомъ текстѣ названныхъ древнихъ толкованій находятся пропуски въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, именно начиная съ 13 главы: пропуски эти и были восполнены трудами Максима Грека, который, вмѣстѣ съ толмачемъ Власіемъ, перевелъ всѣ недостававшія мѣста». Если г. Архангельскій нашелъ нужнымъ упомянуть о трудахъ Максима и Власія, переведившихъ толкованіе Дѣяній и Посланій апостольскихъ, то отчего же не напомнилъ онъ читателю, что и бесѣды на Ев. Маттея и Іоанна переведены также однимъ изъ сотрудниковъ Максима? Переводчикъ этихъ бесѣдъ, монахъ Сильванъ, писалъ: «молимъ вы и насъ не забываютъ, пишущихъ сія, и его же трудомъ и потомъ сія преведеса, многогрѣшнаго инока Селивана». (Опис. синод. рукоп. II, 1, стр. 118—124). Нужно было вспомнить Селивана²⁾. Но г. Архангельскій, говоря о толкованіяхъ Златоуста, не упоминаетъ даже о писателѣ, на которомъ охотно останавливается въ другихъ случаяхъ, — о кн. Курбскомъ (ср. Опис. рук. Рум. муз. стр. 251).

Требуетъ поясненія и замѣтка о сербскихъ переводахъ. «Въ

¹⁾ Сочиненія Андреа Критскаго не разсматриваются г. Архангельскимъ.

²⁾ О толкованіи Іоанна Златоуста на Ев. Маттея, переведенномъ Сильваномъ, есть замѣтка Гильфердинга въ Извѣстіяхъ 2-го отдѣл. Академіи Наукъ (т. VIII).

XIII, XIV и отчасти XV вв., говорить г. Архангельскій, источникомъ переводовъ твореній отцовъ церкви была для древней Россіи Сербія». Въ этой замѣткѣ цифра XIII появилась едва-ли не по ошибкѣ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, указать какіе либо сербскіе переводы, переходившіе въ XIII вѣкѣ въ русскую письменность. Дѣятельность сербскихъ книжниковъ XIV—XV вв. слѣдовало бы поставить въ связь съ болѣе раннимъ болгарскимъ литературнымъ движеніемъ (Діонисій, Евѣмій Терновскій и др.).

Въ заключеніе остается еще коснуться вопроса о вліяніи на нашу словесность той патристической литературы, знакомство съ которой распространялось путемъ переводовъ. Разсмотрѣніе этого вопроса не входило, конечно, въ предѣлы той задачи, которую поставилъ себѣ г. Архангельскій, но иногда онъ отмѣчаетъ однако вліяніе того или другаго церковнаго писателя на нашу литературу. Говоря о Житіи Антонія Великаго, г. Архангельскій замѣчаетъ: «Въ нашей литературѣ Житіе Антонія Великаго, по видимому, имѣло особенное вліяніе въ отдѣлѣ житій святыхъ. По крайней мѣрѣ, нельзя не видѣть этого вліянія на (Несторовомъ) житіи Θεодосія» (стр. 13). Сообщая свѣдѣнія о сочиненіяхъ Златоуста, г. Архангельскій говоритъ: «Сочиненія Кирилла Туровскаго, а отчасти и другаго, болѣе ранняго нашего писателя, Θεодосія Печерскаго, самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуютъ о той силѣ вліянія, которое производили творенія Златоуста на нашу юную, только что возникавшую литературу» (стр. 57). Разсмотрѣніе Слова на Преображеніе Господне Анастасія Синаита даетъ поводъ припомнить, что «слово это служило главнымъ источникомъ для Григорія Цамвлака, въ его «Словѣ на Божественное Преображеніе», — источникомъ, которымъ русскій (?) писатель въ иныхъ мѣстахъ пользуется буквально» (стр. 95). Посланіе Нила Синайскаго къ пр. Хариклію «имѣло у насъ, по словамъ г. Архангельскаго, особенное значеніе во время извѣстныхъ споровъ Іосифа Волоколамскаго съ новгородскими еретиками, а также ученикомъ Нила Сорскаго—Вассіаномъ Натрикѣвымъ. Послѣдній ссылался между прочимъ на это посланіе въ своемъ «собраніи» на Іосифа Волоцкаго, и идеи, въ немъ выраженные, принадлежали всему литературному движенію во главѣ котораго стоялъ Нилъ Сорскій» (стр. 131). Подобное же вліяніе имѣли Пандекты Никона Черногорца (стр. 146). При разборѣ поученій, вошедшихъ въ Измарагдъ,

г. Архангельскій припоминаетъ нѣкоторые памятники нашей письменности: моленіе Данила ¹⁾ Заточника (Извлеченія... IV, стр. 191), поученіе Луки Жидяты (207), посланіе Θεодосія Печерскаго (214); вопросы Бесѣды трехъ святителей нашъ ученый сближаетъ съ народными загадками (Извлеченія... I—II, стр. 102—110).

По поводу этихъ сближеній и припоминаній можно высказать лишь сожалѣніе, что ихъ слишкомъ мало. Г. Архангельскій старается, повидимому, воздерживаться отъ накопленія литературныхъ сопоставленій; поэтому онъ не указываетъ на сходство изслѣдуемыхъ имъ памятниковъ съ произведениями русской письменности даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ это сходство невольно бросается въ глаза.

Остановимся для примѣра на поученіяхъ Измарагда, обширныя извлеченія изъ котораго занимаютъ не мало страницъ въ трудѣ казанскаго ученаго. Такая книга, какъ Измарагдъ, — сборникъ общедоступныхъ наставленій религіозно-нравственнаго содержанія, книга, назначенная для чтенія мирскихъ людей, не могла не оставить слѣда въ русской литературѣ. Давно указана близость нѣкоторыхъ главъ Домостроя съ поученіями Измарагда ²⁾. Списки Измарагда восходятъ къ XIV вѣку; предполагаютъ, что и составленіе сборника должно быть отнесено къ этому столѣтію. Но самыя поученія, вошедшія въ составъ Измарагда, извѣстны были значительно ранѣе XIV вѣка. Нельзя не обратить вниманія на замѣчательное сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ поученій съ русскимъ Домостроемъ XI—XII в., съ Поученіемъ Владиміра Мономаха.

Въ поученіи Мономаха читаемъ: «Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертня есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ; се все, что ны еси вдалѣ, не наше, но твое, *поручилъ ты еси на мало дний; и в земли не хороните*, то ны есть великъ грѣхъ (Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 237).

Въ Измарагдѣ: «*Имѣнья не скривай*, еже ти далѣ Вышній; а не родилося с тобою, но Богомъ *поручено ти есть на мала дни*, то яко ключарь порученое тебѣ раздавай, а може поручивый ти велить».

Въ сходномъ поученіи, помѣщенномъ въ Изборникѣ 1076 года: «Не рьци имѣнью своимю моє ксть, нѣ рьци: поручено ми ксть на мало дний» и пр. Въ Златоструѣ: «Не с тобою ся родило имѣніе, *почто земли предаеши съкровище?*» (Извлеченія... IV, стр. 207, 209).

¹⁾ Данила Заточника можно бы припомнить также на стр. 27 и 210.

²⁾ Ив. Некрасовъ, Опытъ изслѣдованія о происхожденіи Домостроя, стр. 107—114.

У Мономаха: «Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнете не мочи, а трижды; а того не забывайте, не гнѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ чловѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ чловѣкъ избываетъ» (стр. 236).

Въ Измарагдѣ находимъ особое «Слово Іоанна Златоустаго, како подобаетъ в ночь вставати и молитися». Въ словѣ изображается благочестивый домохозяинъ, совершающій ночную молитву вмѣстѣ съ своими дѣтьми: «Аще ли и дѣти у тебе суть, то възбуди я и встави и да будутъ присно храмъ вашъ, акы церкви в ночь; аще ли зѣло млади суть и не могутъ стерпѣти сна, то поне до единой молитвы или до двою, то таче покой я, но точью встави я и научи я тако творити». «Источникомъ слова,—говоритъ г. Архангельскій, — какъ было уже указано ¹⁾, служило 41-е слово Златоустуя» (Извлеченія... IV, 136—142).

У Мономаха: «Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдайте сами, а не вдавайте сильнымъ погубити чловѣкъ» (стр. 286).

Въ Измарагдѣ есть особое «слово, ... еже не обидити вдовъ и сиротъ», — слово, обращенное къ властодержцамъ (Извлеченія... IV, 40).

Замѣчу кстати, что при ближайшемъ изслѣдованіи Мономахова поученія въ немъ откроется безъ сомнѣнія гораздо больше литературныхъ реминисценцій, чѣмъ сколько удалось подмѣтить до сихъ поръ. Припомнимъ размышленіе Мономаха о разнообразіи чловѣческихъ лицъ: «И сему чюду дивуемъся, како отъ персти создавъ чловѣка, како образи разноличнии въ чловѣчьскихъ лицѣхъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лица образомъ, по Божии мудрости» (стр. 235—236). R. Köhler въ особой замѣткѣ (*Germania*, VIII, 3, 304) указалъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ распространена была въ средневѣковой литературѣ запада тема мономахова размышленія: разнообразіе чловѣческихъ лицъ — выраженіе мудрости Творца. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя же примѣры могутъ быть отысканы и въ старо-славянской письменности.

Изученіе такихъ литературныхъ реминисценцій важно не только для сужденія о начитанности нашихъ древнихъ писателей, но и

¹⁾ Авторъ цитуетъ при этомъ Прав. Соб. 1858, II, стр. 605—607. Ср. Буцаевъ, Очерки нар. слов. и искусства, т. II, стр. 127—129.

для опредѣленія состава тѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній, которыя раскрываются въ такихъ важныхъ и замѣчательныхъ памятникахъ нашей письменности, какъ поученіе Владиміра Мономаха.

Объ Ефремѣ Сиринѣ г. Архангельскій говоритъ: «У древнерусскихъ читателей творенія Ефрема Сирина очень рано стали пользоваться особенною любовью. Въ житіи Авраамія Смоленскаго сообщается, что онъ «ізо всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Ефрема и великаго вселенскаго учителя Іоанна Златоустаго...». На сочиненія Ефрема Сирина есть ссылка и въ посланіи Симона къ Поликарпу. Списки его поученій уже отъ XIII—XIV вв. довольно многочисленны, что также не можетъ не указывать на ихъ распространенность» (стр. 47). Самымъ яркимъ и самымъ важнымъ свидѣтельствомъ о распространенности Ефремовыхъ сочиненій служатъ нѣкоторые памятники народной словесности: Стихи объ Іосифѣ прекрасномъ, объ исходѣ души, о концѣ міра ¹⁾. Вліяніе сочиненій Ефрема распространялось также на область притчъ, поучительныхъ изреченій ²⁾. Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчается, напримѣръ, такой рядъ изреченій: «Блаженъ бо есть той градъ, иже отъ древнихъ и благочестивыхъ царей царствуемъ, и корабль отъ искусныхъ кормицъ окормляемъ, и монастырь отъ воздержанныхъ инокъ строимъ» и т. д. (Пыпинъ, Очеркъ лит. ист. пов. и сказокъ, стр. 168). Изреченія эти взяты у Ефрема: *Μακάρια πόλις ὑπὸ εὐσεβῶν βασιλευσμένη* и т. д. (Ephr. Opp. I, 217). Но говоря о судьбѣ сочиненій Ефрема, объ ихъ распространенности, не должно оставлять безъ вниманія и свидѣтельствъ отрицательнаго характера. Такъ называемые жидовствующіе отвергали сочиненія Ефрема. Въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоцкаго есть особая глава (10-я) «На ересь новоградскихъ еретиковъ, хулящихъ писанія святаго Ефрема и глаголющихъ, яко ложна суть писанія его». Да и не одни жидовствующіе чуждались Ефрема. Курбскій жаловался на читателей своего времени: «Аще и лучится отъ... священныхъ словесъ прочитаемымъ коимъ быти, и мы смѣющемся межю собою, а не глаголю ругающеся, глаголемъ: Ефремовы, рече, словеса подобны горестію хрѣву обрѣтаются. И противу иныхъ божественныхъ книгъ извѣты

¹⁾ См. Порфирьевъ, Апокр. сказанія о ветхо-зав. лицахъ и событіяхъ стр. 103; Батюшковъ, Споръ души съ тѣломъ въ памяти. среднев. литература, стр. 20—21, 131—132, 138—145.

²⁾ Любопытно, что въ Wander's Deutsches Sprichwörter-Lexicon сочиненія Ефрема Сирина внесены въ перечень источниковъ (Quellenverzeichnis).

инныя лукавыя умышляемъ». Видимъ такимъ образомъ, что произведенія великаго Сирийца не только были извѣстны въ нашей древней письменности, но и продолжали жить на русской почвѣ, вызывая съ одной стороны увлеченіе и подражаніе, съ другой—рѣзкую критику и «лукавые извѣты».

Разставаясь съ сочиненіемъ г. Архангельскаго, я не имѣю надобности заявлять, что не «умышляю извѣтовъ» противъ почтеннаго труда. Прочитавшій мои замѣтки легко убѣдится, что онѣ могли явиться только, какъ плодъ живаго интереса, вызваннаго знакомствомъ съ обширными и полезными разысканіями казанскаго ученаго. Въ первомъ отдѣлѣ своего труда г. Архангельскій даетъ сводъ извѣстій о славянскихъ переводахъ сочиненій двадцати церковныхъ писателей. Во второмъ отдѣлѣ находимъ «Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій». Извлеченія даютъ обильный матеріалъ для знакомства съ нѣкоторыми памятниками переводной письменности. Опыты историко-литературныхъ изученій представляютъ рядъ цѣнныхъ наблюденій и указаній, помогающихъ разобраться въ такомъ обширномъ и сложномъ литературномъ матеріалѣ, какъ разнообразныя Вопросы и Отвѣты или Поученія, надписываемыя именемъ Іоанна Златоуста.

Нахожу возможнымъ предполагать, что Академія Наукъ не откажетъ г. Архангельскому въ поощрительной преміи.

V.

К. А. ДОКУЧАЕВЪ-БАСКОВЪ „ПОДВИЖНИКИ И МОНАСТЫРИ КРАЙНЯГО СЪВЕРА“.

Рецензія ординарнаго профессора **Ив. Некрасова.**

Трудъ К. А. Докучаева-Баскова «Подвижники и монастыри крайняго сѣвера» представляетъ описаніе 12 монастырей и пустынь, въ число которыхъ входятъ — Юрьегорскій монастырь, Благовѣщенская пустынь, Кудозерская пустынь, Веретеньевская пустынь, Кожеозерскій монастырь, Елгомская пустынь, Муромскій монастырь, Челмскій монастырь, Пустынь Іоанна Волосатаго, Паданская пустынь, Хергозерская пустынь. За немногими исключеніями вышеозначенные монастыри и пустыни находятся въ Олонецкой губерніи, а потому трудъ Баскова представляетъ собою изученіе монастырскаго вопроса цѣлой губерніи, отличавшейся обиліемъ монастырей въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Изслѣдованіе такого цѣльнаго вопроса желательно какъ для исторіи русской церкви, такъ и для русской исторіи вообще. Съ исторіей монастырей Олонецкой губерніи тѣсно связанъ вопросъ о колонизаціи Олонецкаго края вообще, въ которомъ Рыбниковъ и Гильфердингъ, отъ потомковъ этихъ колонистовъ, записали множество раннихъ памятниковъ народнаго творчества, вынесенныхъ ихъ предками изъ ихъ метрополіи, изъ странъ Кіевскихъ, Черниговскихъ и другихъ.

Эти описанія представляютъ много интересныхъ данныхъ о первоначальномъ устройствѣ этихъ монастырей и пустынь на лучшихъ мѣстахъ, при озерахъ, при рѣкахъ и въ густыхъ чащахъ лѣсовъ. Послѣ уже монастырской колонизаціи подбирала лучшія

мѣста колонизація дворянская, помѣщичья. Въ изданныхъ г. Баскова матеріалахъ мы находимъ образцы самой примитивной отшельнической жизни. Таковъ разсказъ монаха Іосифа о Василии Всеозерцѣ, о томъ какъ онъ, три дня блуждая по пустыни, нашелъ малую стезю, которая шла въ непроходимую чашу, въ которой было снизу подчищено. Василий подползъ до горы съ малою скважиной, въ которую вползъ и сталъ на ноги въ пещерѣ. Такъ какъ въ пещерѣ было темно, то, сотворивъ молитву и поднявъ руки, началъ онъ ходить по пещерѣ и обхватилъ руками стоявшаго мужа, отъ страха сотворилъ онъ молитву, на которую неизвѣстный сказалъ «аминь». Василий разсказалъ неизвѣстному, какъ онъ заблудился и просилъ показать дорогу къ Соловецкому монастырю. Неизвѣстный ввелъ Василія въ другую пещеру, въ которой съ полуденной стороны учинено окно. Тутъ-то Василий увидѣлъ, что неизвѣстный былъ весь нагой съ малою бородой и тѣломъ, какъ земля чернымъ. Въ пещерѣ было два корытца, въ одномъ моченая трава, а въ другомъ вода. Когда неизвѣстный велѣлъ Василию ѣсть траву и пить воду, то онъ насытился и сбѣжался мощень, забывъ о голодѣ и жадѣ. Неизвѣстный разсказалъ Василию, что онъ трудникъ Соловецкій Андрей, что онъ рѣшился итти въ пустыню, что пещеру выкопалъ своими руками, что явился ему свѣтозарный мужъ и далъ ему эту траву для питанія, которою онъ и питается 58 лѣтъ. Андрей проводилъ Василія, который послѣ, какъ ни искалъ, не могъ найти снова этого мѣста (№ 1, стр. 5, 6. Житіе Дудора Юрьегорск.). Подобный же разсказъ сохранился письменными памятниками о Кириллѣ Челмскомъ, который выкопалъ себѣ съ восточной стороны пещеру малую въ горѣ Челмѣ, въ которой и прожилъ одну зиму, а потомъ выстроилъ себѣ келейцу малу (Баскова Подвижники, № 10, стр. 10). Извѣстно также, что на Лѣшовой горѣ близъ Каргополя поселился Іоаннъ Власатый. (Его же, № 12, стр. 114). Въ означенныхъ матеріалахъ г. Баскова встрѣчаются хотя и не многія указанія на инородческій элементъ, съ которымъ встрѣчались наши сѣверные подвижники. О Кириллѣ Челмскомъ сказаніе повѣствуетъ, что когда онъ жилъ въ пустынѣ, то были нныя некрещенные изъ жившихъ въ окрестныхъ мѣстахъ, говорили по чудски и что по времени начали принимать крещеніе, но являлись и такіе, которые говорили: «Калугере, отыди отъ мѣста сего! Чего ища пришегъ еси на мѣсто сіе? Виждь яко пусто есть мѣсто сіе и всячески непотребно: и жителіе окрестъ сего мѣста ази суть и не милостиви и аще не вси крещени, имуть тя изгнати

отъ мѣста сего. Како ты хоцещи здѣ терпѣти? безъ пользы бо отыдеши отсюду». (Его же, № 10, стр. 12). Лазарь Муромскій, поселившійся между Лопянами, сначала много терпѣлъ отъ нихъ: «Живущіе тогда около озера Онѣга лопяне и самоѣды страшивыя сыроядци близъ мѣста того живяху. Многи скорби и бѣнія и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей, многожды бывше и изгнаша мя изъ острова сего и хижу мою огню предаша. А сами окаяннии по наученію бѣсовскому сотвориша селитву близъ мене со женами и съ дѣтьми и пакости много творяху и глаголаху: Калугере, останися мѣсто сего и хотяху мя сыроядци убити и тѣло мое въ ядъ сотворити. Изнемогая въ терпѣнни, Лазарь многожды оставлялъ мѣсто сіе. Но Богъ общій нашъ спаситель не остави сего и не попусти сыроядцемъ таковая злая начинанія сотворити, тѣмъ окаяннии сыроядцы многіе ослѣпоша. По малѣ же времени приде ко мнѣ мужъ лопяннинъ старѣйшій, нося на руку отроча слѣпо отъ рожденія и глагола ми да сотвориши его здрава и мы отыдемъ отъ острова сего, идеже повѣдаютъ намъ отроцы твои. Азъ же возьму отроча и молитвою іерейскою освѣтихъ его и окропихъ святою водою и приложихъ къ владычню образу, оный же прозрѣ. По малѣ времени той-же мужъ приде ко мнѣ и принесе ми нѣчто отъ имѣнія своего и отъ брашенъ — Азъ же одну кожицу еленью и мало нѣчто отъ брашенъ взяхъ. Мужъ же презреченный кланяся глаголами: съ тобою суть живущіе отроци женъ и дѣтей нашихъ зѣло бьютъ жезліемъ и отсылаютъ отъ мѣста сего... И по малѣ времени лопяне и самоѣды отыдоша отъ мѣста сего въ предѣлы океана моря»: (Его же, № 7, стр. 165, 166). Въ Пустыни Паданской, уже благоустроенной въ XVI вѣкѣ, при мельницѣ былъ мельникъ Микитка Корелинъ». (Его же, № 13, стр. 3). Иногда сѣверный подвижникъ, желая поселиться въ какомъ нибудь удобномъ и живописномъ мѣстѣ, встрѣчался уже съ зашедшими туда колонистами. Такъ Діодоръ Юрьегорскій въ малой лодочкѣ проплылъ по морю, вошелъ въ устья Онѣги, поплылъ вверхъ и остановился не дошедъ Кеноозера рѣчки въ гѣсу и поставилъ крестъ. Около того мѣста поселяне ловитву звѣрей творили и вотъ они начали Діодора бить, сожгли его келью и баркасъ и говорили: «что ты всеялешися здѣ и монастырь хоцещи устроить на нашей землѣ и угодіе наше и ловитву нашу рыбную умыслилъ еси насильствомъ своимъ у насъ отъяти. Аще не изыдеши отсюду убьемъ тя». И ушелъ Діодоръ на другую сторону, на Юрьевы горы. (Его же, № 1, стр. 11).

Въ своемъ трудѣ г. Басковъ старается опредѣлить время

основанія монастыря или пустыни, кто былъ основателемъ и что успѣлъ сдѣлать для монастыря, а также говорить и о дѣятельности бывшихъ послѣ него строителей. Сообщая означенныя данныя, онъ въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ неточности въ Исторіи російской іерархіи, какъ о времени возникновенія Благовѣщенской пустыни. (Его же, № 2, стр. 43). Объ Веретеневской пустыни г. Басковъ пишетъ: «по словамъ Исторіи російской іерархіи Веретеневская пустынь до 1764 г. была уже приписаню къ Каргопольскому успенскому монастырю, по словамъ же г. Барсова она существовала самостоятельно до 1764 г. Мы же, имѣя у себя подъ руками указъ Новгородской консисторіи, отъ 2 декабря 1762 г. за № 1223, на имя настоятельницы Веретской дѣвичьей пустыни безъ прибавленія приписной къ Успенскому дѣвичьему монастырю—монахини Улиты—должны согласиться съ послѣднимъ (№ 4, стр. 85). Онъ же противъ показанія Исторіи рос. іерархіи о томъ, что пустынь Іоанна Власатаго основана въ XIV в., указываетъ, что она основана въ XVI столѣтіи. (Его же, № 12, стр. 113) Въ Исторіи рос. іерархіи нѣтъ и намека на существованіе Паданской пустыни, описанной г. Басковымъ. Исторія рос. іерархіи основаніе Челмской обители относить къ XI в., что повторяется митрополитомъ Макаріемъ въ исторіи русской церкви, тогда какъ г. Басковъ спускаетъ это къ началу XVI в. Извѣстно, что въ 1856 г. Е. В. Барсовъ напечаталъ въ памятной книжкѣ Олонецкой губерніи Алфавитный указатель монастырей и пустынь Олонецкой епархіи. И вотъ г. Басковъ описываетъ пропущенную г. Барсовымъ Елгомскую пустынь. Тамъ, гдѣ г. Барсовъ повторяетъ только то, что есть въ Исторіи рос. іерархіи, какъ о Кодлозерской пустынь, Кенскомъ монастырѣ, г. Басковъ освѣщаетъ факты на основаніи собранныхъ довольно обширныхъ свѣдѣній. Во многихъ случаяхъ, какъ въ описаніи Муромской и Хергозерской пустынь, г. Басковъ пополняетъ число строителей, указанныхъ у г. Барсова (№ 7, стр. 17), иногда пополняетъ народными разсказами и преданіями, какъ въ описаніи напримѣръ Елгомской пустыни, пополняетъ г. Басковъ разсказомъ о начальномъ времени пустыни Іоанна Власатаго (№ 12), исправляетъ ошибку г. Барсова о времени основанія Елгомской пустыни (№ 6, стр. 119, 120), исправляетъ ошибку г. Барсова, о томъ, будто бы Иванъ III далъ этому монастырю свою грамоту, тогда какъ грамоты Олонецкимъ монастырямъ давалъ только Иванъ IV (№ 8, 3), поправляетъ ошибку г. Барсова, который смѣшалъ владѣнія монастыря съ монастыремъ, который находится въ Новгородской обла-

сти (№ 13, стр. 1). Въ 1892 году вышелъ трудъ г. Звѣринскаго «Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ российской Имперіи», ч. II., но этотъ трудъ не внесъ въ себя матеріаловъ, добытыхъ г. Басковымъ, такъ что изслѣдованіе послѣдняго и по настоящее время представляетъ много еще не тронутаго матеріала.

Каждый основатель монастыря или пустыни, равно какъ и послѣдующіе за нимъ строители, прежде всего заботились о приобрѣтеніи угодій, о расширеніи монастырскихъ владѣній. Благодаря этому захватывалась и эксплуатировалась большею частію пустопорожняя земля, не заселенная и большею частію никому не принадлежавшая. Впрочемъ были нѣкоторыя земли, принадлежавшія въ Олонецкой губерніи Новгородскимъ боярамъ. Такъ Иванъ въ память по родителямъ отдалъ основателю Муромскаго монастыря на Онѣгѣ озерѣ островъ Мучъ со всею землею и озеро Муромское и около озера, рѣчки и островки и ловища и перевѣсища и сѣнные покосы, а также и писаніе рукою отца своего. При строителѣ Юрьегорской обители Ѳеодосіи царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ грамоту монастырю на пустоши Лузу, Корколай и починокъ Калгачиху съ тремя крестьянскими и однимъ бобыльскимъ дворомъ въ вотчину, за что прежде монахи платили оброку 21 алтынъ. Благовѣщенская пустынь получила отъ царя Ѳедора Ивановича жалованную грамоту на землю, угодья и промыслы по Онегѣ рѣкѣ до рѣчки Пяленги на четыре версты, а внизъ до Каркуса порога на пять верстъ (всего на 9 верстъ въ одну сторону) да на Емцѣ рѣкѣ до мосту ниже Оленья броду на версту. «Основатель Кодлозерской пустыни Полиевитъ занялъ землю и дворы крестьянъ, ушедшихъ отъ разоренія литовскаго, и монастырь владѣлъ по грамотамъ царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича. Эта пустынь въ теченіе 8 лѣтъ приобрѣла и завладѣла болѣе чѣмъ четырьмя деревнями и угодьями, а 25 лѣтъ спустя и рѣчкою Ямцою съ гостинною возкою, владѣла и крестьянами, ибо въ числѣ этихъ деревень находилось 8 крестьянскихъ дворовъ и за каждый изъ нихъ платилось въ послѣдствіи по 1 р. кромѣ другихъ мелкихъ сборовъ (№ 3, 61). Кожеозерскій монастырь при патриархѣ Никонѣ получилъ въ 1643 г. грамоту на деревню Калашинскую, на 2 четверти пустошей земли съ сѣнными покосами, рыбными ловлями, (грамоту безпошлинно продавать 2000 пудовъ соли), на малую сторону Онѣги рѣки оброчную на 10 лѣтъ, для рыбной ловли надъ деревнею Чижиковою или къ порогу — гдѣ доведется 1645 г. 1 февраля, тарханную—съ клецепольскихъ 2 црѣ-

новъ платить оброкъ и съ соловаровъ, съ наймитовъ насильствомъ никакихъ податей брать не велѣно 1845 г. 26 мая (№ 5, 95). Строитель Елгомской пустыни Тарасій обратился къ царю Михаилу съ просьбой пожаловать велѣтибъ имъ дати на оброкъ лѣсу — порослые земли, которые съ той пустыни подошли къ урочищамъ: отъ Рытовалги на Рачмину, на старую рѣчку на Кокшу, а отъ старой рѣчки на новую рѣчку, по Канакшѣ вверхъ, по обѣ стороны на Канакшѣ озерко, а отъ Канакшинскаго озера на Корзенское озеро, а отъ Корзенскаго озера на Сорское озерко, а отъ Сорскаго по Сорскому ручью внизъ до Каменнаго ручья, а отъ Каменнаго ручья на Яско озерко, а отъ Яска озерка на Рытовалгу; а та де земля въ оброкѣ ни закѣмъ не бывала и нынѣ лѣсомъ поросла. Кромѣ того строитель получилъ еще порослую землю, пустые деревенскіе участки и угодыя, деревни Моншинскую и Окуловскую (№ 6, 124, 125). Кенскій монастырь получилъ отъ Ивана IV не судимую грамоту на бѣлые три обжи земли подѣ монастыремъ и въ Кенской волости (№ 8, стр. 9). Монастырю Челмскому была дана не судимая грамота Іоанномъ Грознымъ 1682 г. на угодые пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и водѣ—озерко Челмо до рѣчки Челма (и по рѣчкѣ Челмѣ на Труфановскій ручей) и всякихъ угодій около монастыря на всѣ четыре стороны по три версты (№ 11, стр. 48). Паданская пустынь имѣла пашни на 18 четвертей, отхожіе луга и на рѣчкѣ Шакшѣ мельницу, но платила оброкъ, отъ котораго освободилъ ее Борисъ Годуновъ (№ 13, стр. 3, 4). Пустынь Ивана Власатаго имѣла оброчные сѣнные покосы Волковской волости отъ Варепкой верхотины до Подпалова на пустомъ мѣстѣ у Лате озера по рѣчкѣ Пишмирицѣ (№ 12, стр. 124). Мы сдѣлали въ нашихъ выпискахъ указаніе на раннее владѣніе монастырей и пустынь землями и угодыями. Впрочемъ позднѣе оно мало прибавлялось. Какъ видно, на этотъ край обратилъ уже вниманіе Иванъ IV, отъ котораго грамотъ (этого царя) монастырямъ въ подлинникахъ не уцѣлѣло. Большею частію монастыри просили царей Бориса, Михаила, Алексѣя подтвердить старыя грамоты, на чемъ г. Басковъ и основываетъ свои показанія. Изъ этихъ указаній исполнѣ ясно, что монастырскихъ земель было не мало, что у монастырей было достаточно угодій при этихъ озерахъ, рѣчкахъ на косахъ и пашняхъ, что не малое количество земли въ Олонецкой губерніи культивировалось монастырями, что нельзя ставить въ укоръ монахамъ какъ это дѣлаетъ г. Басковъ, что они выпрашивали жалованныя грамоты, потому что мѣста, занятыя пустырями, прочно колонизовались и

культивировались, и тѣмъ болѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, кто имѣлъ соотношеніе съ этими мѣстностями, если мы припомнимъ мѣстныя названія: Мучъ, Муромское, Луза, Ворколай, Калгачиха, Пяленга, Каркусъ, Емца, Кодлозеро, Елгомъ, Рытовага, Рочманъ, Кокша, Кинакша, Корзень, Яско, Челмо, Паданъ, Шокша, Пишмирица, Волокъ-Кайность, Калгачева гора, Семень Шайтановъ, Михаилъ Шалгинскій, Турлюность, Ситность-урочища Сиго, Кайдоострова, Ялганда рѣка, Кадай-губа. Всѣ приведенныя мною названія мѣсть, на которыхъ были или владѣнія монастырей или сами монастыри и пустыни, принадлежать народамъ финскаго племени.

Изъ изданныхъ г. Басковымъ грамотъ и описей мы видимъ, что въ ближайшихъ поселеніяхъ при монастыряхъ сидѣли уже люди съ великорусскими фамиліями, такъ что монастырскія владѣнія или обрусили или подвинули дальше инородческія племена. Данныя, на которыхъ г. Басковъ основываетъ свои соображенія относительно монастырскихъ владѣній и угодій, заключаются прямо въ грамотахъ, изъ которыхъ не многія изданы были прежде, нѣкоторыя г. Басковымъ перепечатаны изъ мѣстныхъ изданій Олонецкихъ и Архангельскихъ, а большая часть имъ впервые изданы, а такъ какъ самыя древнія грамоты, относящіяся ко времени Ивана IV, пропали или сгорѣли, то онъ дѣлаетъ заключеніе объ нихъ и ихъ содержаніи на основаніи грамотъ позднѣйшихъ, въ которыхъ упоминается объ раннихъ.

Изъ напечатанныхъ г. Басковымъ описей монастырскаго имущества и приходорасходныхъ книгъ видно, что было заведено въ монастыряхъ и пустыняхъ кромѣ хлѣбопашества молочное хозяйство, которое конечно своимъ примѣромъ могло повліять и на окрестныхъ жителей. Благовѣщенская пустынь въ 1756 г. продала окрестнымъ жителямъ за 4 р. 80 к. лошадей, корову и бычковъ, а сама при упраздненіи ея въ 1765 г. имѣла 8 лошадей и жеребятъ, 21 быка и корову и 18 овецъ (№ 2, стр. 57). Въ Кодлозерской обители при упраздненіи ея по описи 1756 г. было лошадей и жеребятъ 10, коровъ и бычковъ 16 и 5 ягнятъ (№ 3, стр. 77, 78). По описи 1762 г. при Елгомской обители было 19 коней, коровъ и бычковъ 48, овецъ, 43, при селѣ Верховскомъ коней 4, быковъ и коровъ 47, барановъ 14, при селѣ Островскомъ коней 3, коровъ и быковъ 22, овецъ 21 (№ 6 стр. 155—158). По провѣркѣ 1755 г. въ Кенскомъ монастырѣ было въ одномъ дворѣ 46 коней, въ другомъ дворѣ 72 (№ 9, стр. 26—28). Хозяйство монастырское считалось совсѣмъ заброшеннымъ, пришедшимъ отъ нерадѣнія въ упадокъ,

когда было 3 лошади и 6 коровъ (№ 11, стр. 101). У нѣкоторыхъ упраздненныхъ монастырей и до сихъ поръ видны слѣды скотнаго двора (№ 13, стр. 12). У многихъ монастырей были водяныя мельницы, у нѣкоторыхъ соляныя варницы, кузницы и большинство монастырей занималось хлѣбопашествомъ, а при Елгомской пустынѣ была пивная поварня. Къ сожалѣнiю описанiя монастырей и пустынь мало даютъ для характеристики архитектурнаго стиля построекъ. Идеальный стиль самихъ монашествующихъ представлялъ себѣ церковь, окруженною кругомъ кельями, какъ объ этомъ говорятъ многія житiя нашихъ подвижниковъ. Вообще большинство построенныхъ церквей были деревянныя, при описанiи которыхъ встрѣчаются архитектурныя термины, построена *клтски*, *верхъ клинчатый* — *верхъ бочечный* (№ 6, стр. 151), колокольня *осмиричная съ шатромъ* (св. 152), церковь деревянная *верхъ клинчатый* (св. 149) церковь деревянная *пятилавая* (№ 1, стр. 33), деревянная церковь *верхъ шатромъ* (№ 7, стр. 203), церковь деревянная *двоежурная* (№ 5, стр. 109). Въ описяхъ перечислено множество иконъ, но по краткости описей нельзя судить о характерѣ письма и его древности. Нужно полагать, что икононосцы, писавшiе эти иконы, были изъ Новгорода, такъ какъ къ Новгородской епархiи принадлежали и самые монастыри. Въ жизнеописанiи Кирилла Челмскаго говорится, что братья составили совѣтъ и призвали изографа, мужа искусства въ художествѣ своемъ, рожденiемъ великаго Новгорода, ему же Иоаннъ имя и повелѣша ему написать образъ преподобнаго Кирилла (№ 10, стр. 24). Такъ какъ Новгородская школа иконописи отличалась строгостью письма и по рисунку и по колориту стояла ближе другихъ русскихъ школъ къ византийской, то поэтому естественно выраженiе и *старое письмо* (№ 11, стр. 66), встрѣчающееся въ описяхъ старыхъ Олонецкихъ монастырей. Конечно желательно, чтобы уцѣлѣвшiя въ нашихъ монастыряхъ и церквахъ иконы были описаны знатоками этого дѣла, чтобы не повторялось слѣдующее, встрѣчающееся въ описанiи пустыни Иоанна Власатаго: «Иконы въ немъ написаны *древнимъ греческимъ письмомъ*: изъ нихъ болѣе замѣчательны по украшенiю мѣстная храмовая Успѣнiя Б. М., написана въ С.-Петербургѣ иждивенiемъ коммерцiи совѣтника»... Какъ же то можно *древнимъ греческимъ письмомъ* написать въ *Петербургѣ* иждивенiемъ коммерцiи совѣтника? Г. Басковъ, описывая Муромскiй монастырь, говоритъ: «Иконы въ ней (церкви) древнiя, почеркыя (№ 7, стр. 201)». Потому ли онѣ древни что почеркыя, или по письму и стилю. Съ водворенiемъ нашихъ подвижниковъ

въ пустыняхъ и гѣсахъ тѣсно связанъ колокольный звонъ, который производилъ необычайное вліяніе на ближайшихъ туземцевъ, особенно на инородцевъ. Въ сказаніи о Лазарѣ Муромскомъ передается о томъ, что старѣйшина Лонянинъ рассказывалъ о томъ, какъ они слышатъ звонъ отъ того мѣста, гдѣ Лазарь поставилъ себѣ малую хижину (№ 7, стр. 166). Какъ только устраивался монастырь, то появились первоначально клепала, а потомъ колокола. Въ описи Челмской обители сохранилось свѣдѣніе о томъ, что было четыре колокола скотскихъ желѣзныхъ, да молотъ мельничный большой желѣзный, а другой у колоколовъ, что въ клепало бьютъ (№ 11, стр. 71). По описи Кодлозерской пустыни на колокольницѣ было два малыхъ колокола, *да два котла мѣдные*, одинъ вѣсомъ три фунта, 2-ой, вѣсомъ фунтъ да 3-й колоколъ два фунта (№ 3, стр. 77), слѣдовательно вмѣсто колоколовъ висѣли мѣдные фунтовые котлы. Въ одной пустыни были колокола, сдѣланные иностранными мастерами и съ латинскими надписями отъ 1631 и 1841 г. (№ 6, стр. 122).

Было мнѣніе, что въ монастыряхъ древней Руси накопилось страшное количество богатствъ, неисчерпаемое количество вещей и подѣлокъ изъ драгоценныхъ металловъ и камней. Дѣйствительно нѣкоторые монастыри были выдающимися въ этомъ отношеніи, но большинство на оборотъ было не богато и даже бѣдно. Къ послѣднему разряду относится большинство монастырей и пустынь Олонецкой губерніи. Въ XVI и XVII вѣкахъ вообще мало было дѣлано ризъ на иконахъ, такъ что иконы были открытыми для глазъ богомольцевъ. Правда, упоминаются нѣкоторыя иконы, покрытыя серебряными ризами, больше окладами и только серебрянными вѣнцами. Въ пустыни Іоанна Власатаго по описи значилось восемь иконъ съ мѣдными окладами и съ мѣдными вѣнцами (№ 12, стр. 132). Описи исчисляють каждую пуговку, такъ въ описи той же пустыни упоминается мантия съ двумя пуговицами серебряными (ib.). Изъ описей видно, что огромная часть посуды церковной была оловянная какъ блюда, тарелки, ложки, сосуды, потиръ, дароносица. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ въ Паданской пустыни потиръ и блюдо были деревянные, звѣзда желѣзная. Очень часто упоминають описи, что копіе было желѣзное (№ 5, стр. 110). Кадило и подсвѣчники бывали мѣдные, но иногда послѣдніе были желѣзные а подсвѣчники и деревянные (ib.). По видимому такое явленіе можно констатировать не въ одной только Олонецкой губерніи. Огромныя собранія церковной деревянной утвари въ Московскомъ историческомъ музеѣ, въ Румян-

цевскомъ музеѣ ясно подтверждаютъ высказанную нами мысль о великой бѣдности вещей и утвари въ древней Руси. Интересно, что въ монастырскомъ скарбѣ мы встрѣчаемъ двѣ пицали, какъ въ описи Челмской пустыни, бердышъ, топорокъ, три дула оружейныхъ, въ описи Кенскаго монастыря лукъ и пицаль (№ 11, стр. 72, 73, 74)¹⁾. Эти вещи могли требоваться и для защиты отъ разбойниковъ, которые иногда грабили монастыри, или какъ предметы необходимые для снаряженія ратниковъ, которыхъ поставляли монастыри, владѣвшіе крестьянами.

Въ описяхъ монастырскихъ очень интересный отдѣлъ представляетъ описаніе книгъ и рукописей. Изъ изданныхъ г. Басковымъ описей мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ Олонецкихъ монастыряхъ, впрочемъ не многихъ, были рукописи. Въ описи Челмской пустыни значится нѣсколько рукописей харатейныхъ: «Минѣя харатейная писчая—четыре мѣсяца; да Трїодъ постная харатейная; да два пролога харатейныхъ писчихъ во весь годъ (№ 11, стр. 69), «два апостола старыхъ писчихъ да два октоиха писчихъ», «два сборника писчихъ, да два сборника писчихъ иноческихъ старыхъ», «писаны молитвы, преподобнаго чудотворца Кирилла повѣсть въ тетрадкахъ» (ib.), «синодикъ старой»... «двѣ коробки подъ книгами и подъ церковною утварью безъ замковъ» (ib. 70). Въ описи Паданской пустыни показано до 26 письменныхъ книгъ; нѣкоторыя изъ нихъ охарактеризованы, какъ писанныя *скоротисью* (№ 13, стр. 7). Въ описи Кенскаго монастыря значилось «писчихъ ветхихъ книгъ большихъ и малыхъ разныхъ всего числомъ 27 (№ 9, стр. 35). Въ описи Кадлозерскаго монастыря значился требникъ малый пицей (№ 3, стр. 77). Въ описи Юрьегорскаго монастыря значилось «писменныхъ житіе преподобныхъ отецъ—Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Миротворный кругъ» (№ 1, 38). Въ описи Кожеозерскаго монастыря значится «пѣвчихъ 4 книги письменныхъ (№ 5, стр. 113), письменныхъ книгъ 15 въ десть, въ томъ числѣ книга вкладная; полудестевыхъ и получетвертныхъ писчихъ книгъ 50» (ib. 117). Во многихъ изъ монастырей находимъ синодики, которыми авторъ не разъ пользуется, какъ матеріаломъ; въ нихъ записаны роды подвижниковъ. Гораздо больше находимъ мы въ тѣхъ же описяхъ книгъ церковной печати. Нельзя не замѣтить при этомъ, что описи отличаютъ книги старой печати. Въ описи Кодлозерской пустыни го-

¹⁾ Только въ одной описи Кожеозерскаго монастыря упоминаются «часы бойчатые, желѣзные ветхіе».

ворится: «Апостола *старонаречной* печатной, 2 Октоиха печатные *старонаречные*, Требникъ большой печатной, *старонаречной* же, триоди постная и цвѣтная *старонаречная же*, служебникъ печатной канонникъ печатной, Минея общая печатная, 5 трефолоевъ печатныхъ, псалтирь малая печатная; а иныя книги имѣются всѣ *старонаречные же*» (№ 3, стр. 77). Въ описи Челмской пустыни говорится: «*уставка старой печати*, псалтирь малая въ полдестъ, *печать новоисправная*, Триодъ постная печатная *новоисправной печати*, другая Триодъ цвѣтная *старой печати*, Потребничекъ въ полдестъ *старой печати*, не большой» (№ 11, стр. 69). Изъ книгъ пожертвованныхъ въ Челмскую обитель братьями Филошеемъ и Сергіемъ, долго жившими у патріарха Никона, всѣ онѣ *новоисправная*, исключая Охтая печати старой, хотя другой Охтай тоже *новоисправной* (№ 11, стр. 59). Изъ старопечатныхъ книгъ въ означенныхъ монастыряхъ и пустыняхъ, кромѣ книгъ богослужебныхъ и иноческаго содержанія, нотныхъ, нельзя не отмѣтить требникъ Петра Могилы, встрѣчающійся одинъ разъ, житіе Іоасафа Царевича, встрѣчающееся въ двухъ описяхъ, лексиконъ, букварь трязычный, Обѣдъ душевной, трубы словестъ.

Всѣ вышеизложенныя нами свѣдѣнія заимствованы изъ описей монастырскихъ, а также изъ приходорасходныхъ книгъ монастырскихъ. Всѣ эти описи найдены г. Басковымъ въ архивахъ разныхъ монастырей и впервые имъ изданы. Было бы желательно, чтобы всѣ монастырскія описи и обиходники и всѣхъ другихъ монастырей также были изданы, потому что они составляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи нашего быта.

Литературная дѣятельность въ разсматриваемыхъ нами монастыряхъ и пустыняхъ по видимому была мало развита. Г. Басковъ говоритъ, что изъ 55 основателей монастырей-пустынь, находившихся нѣкогда въ уѣздахъ Олонецкомъ и Каргопольскомъ, занимавшихъ пространство несравненно большее всей теперешней Олонецкой губерніи, едва-ли сохранились до насъ житія какихъ нибудь пяти основателей (№ 1, стр. 3), а объ этомъ, какъ извѣстно, въ монастыряхъ больше всего заботились. Правда, что многія записи могли пропасть и исчезнуть, но какъ только составлялось законченное жизнеописаніе, его обыкновенно списывали разные лица и оно могло удѣлѣть независимо отъ монастырской сохранности. Намъ остались отъ нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ монастырей развѣ только синодики и приходо-расходныя книги. Изъ обнаруженныхъ матеріаловъ не видно, чтобы при этихъ монастыряхъ были

школы. Г. Басковъ дѣлаетъ указаніе на двухъ казначеевъ Кодлозерской пустыни (1744 г.), которые были безграмотны. Въ пустыни Іоанна Волосатаго (1768), какъ игуменъ, такъ и монахи не могли подписываться. Но большинство этихъ пустынь и монастырей и существовало не долго. Исполнивъ, такъ сказать, свое миссіонерско-колонизаторское дѣяніе, они упразднились. Многія изъ пустынь истреблялись пожарами, иногда отъ удара молніи, и такой пожаръ монахи стремились потушить молокомъ по существовавшему представленію, что пожаръ отъ молніи не гаситъ вода (№ 12, стр. 144), то отъ варки старушкой ухи при запустѣлой обители, то ограбившими церковную утварь разбойниками (№ 4, стр. 84), которые продали древнія иконы старовѣрамъ. Сдавая кому нибудь изъ крестьянъ земли и покосы, монахи выговаривали, чтобы съемщикъ съ воровскими людьми не знался и пристани онымъ никакой не имѣть (1762 г.) (ib. 97 стр.). Въ Челмскій монастырь въ 1566 г. былъ сосланъ князь Дмитрій Курляшевъ съ женою и дочерьми.

Останавливаясь на энергіи, силѣ и мощи духа основателей пустынь и ихъ продолжателей строителей, г. Басковъ приводитъ матеріалы для характеристики упадка духа благочестія и нравственности между монахами, особенно передъ временемъ ихъ упраздненія и особенно изъ времени XVIII вѣка и не много изъ XVII. Г. Басковъ, напечатавъ документы тяжбаго дѣла Муромскаго монастыря съ Палеостровскимъ, онъ говоритъ, что «игуменъ по-сѣдняго Корнелій на судѣ велъ это дѣло лично, игуменъ же Муромск. монас. Лаврентій чрезъ своихъ старцевъ и служекъ. Эта тяжба даетъ любопытныя свѣдѣнія относительно темныхъ сторонъ тогдашняго монашества. Муромскіе иноки дѣлали набѣги на владѣнія Палеостровскаго монастыря, гдѣ производили грабежи и въ концѣ концовъ отъ всего этого отпирались» (№ 7, стр. 171). Строитель Елгомской пустыни въ 1721 г. не хотѣлъ пропитывать одного убогаго воина (№ 1, стр. 132). Г. Басковъ порицаетъ поведение нѣсколькихъ строителей монастырей на основаніи обнаруженныхъ имъ документовъ. Такъ онъ порицаетъ нѣкоторыхъ строителей Елгомской пустыни за то, что они «закладывали и даже продавали монастырскія земли сосѣднимъ крестьянамъ и въ томъ давали закладныя письма (№ 6, стр. 129), строитель Кожеозерскаго монастыря іеромонахъ Исаія «напился безобразно пьянъ и безчинствовалъ и его архимандрита Симеона бранилъ матерно» (№ 5, стр. 101), строитель Андроникъ обвинялся жаловавшимися на него монахами еще въ ббльшихъ проступкахъ (ib. 107). На основаніи

уцѣлѣвшихъ документовъ г. Басковъ напечатавъ «Монахъ-сборщикъ XVIII в. по возвращеніи изъ сбора». Рассказывается о томъ, что монахъ Θεодоритъ, ѣздившій за сборомъ съ образомъ чудотворца Кирилла Челмскаго съ ноября 1755 г. по 1 марта 1756 г., воротился и у хлѣбнаго монаха Іоны просилъ поѣсть; Іона отвѣтилъ, что поѣсть нечего, только одинъ хлѣбъ да квась, а что ему Θεодориту нужно явиться въ Спасскій монастырь, что въ Каргополѣ. Θεодоритъ голодный не хотѣлъ ѣхать въ Каргополь, взялъ лошадь, запрегъ въ сани, взялъ монаха Іону и казака Конона и поѣхали они купить рыбы въ Лемкозерскую волость. Когда же они проѣхали монастырскую мельницу и выѣхали на озеро, то встрѣтили пономаря Василя Игнатѣва, который порицалъ ихъ за то, что взяли монастырскую лошадь, пытался ворочать ее назадъ и послѣ столкновенія поѣхалъ въ пустыню. А Θεодоритъ съ Іоной и Конономъ поѣхали въ кабакъ. Далѣе Θεодоритъ поѣхалъ съ Іоной, но изъ опасенія не прямымъ путемъ и въ дорогѣ ночевалъ двѣ или три ночи, а потомъ пріѣхалъ въ Каргополь, не поѣхалъ прямо въ монастырь, а остановился у вдовы Якова Пичугина. Вечеромъ за Θεодоритомъ пришли два человѣка — люди Лихачева, посадили въ сани, повезли ко Прибыткову, гдѣ былъ и Лихачевъ. Лихачевъ напоилъ Θεодорита и спрашивалъ его объ Маркеллѣ псаломщикѣ, и страдалъ, что онъ закуетъ Θεодорита въ желѣза и отошлетъ въ провинцію. Θεодоритъ, испугавшись, попробовалъ откупиться рублемъ. Лихачевъ еще подпоилъ Θεодорита и увезъ его соннаго, а потомъ сказалъ ему: хожбы и управитель вашъ попалъ ко мнѣ, и евобъ скована увезъ. Θεодоритъ ночевалъ въ помѣстьѣ у Лихачева. Не получивъ свѣдѣній о Маркеллѣ, Лихачевъ отвезъ Θεодорита до Ухтозера и тутъ бросилъ. Θεодоритъ рассказывалъ, что у него было собранныхъ денегъ двадцать рублевиковъ, три полтинника, четыре полуполтинника, четырнадцать гривенниковъ, дамѣдныхъ рубль двадцать коп., что извощика его съ саней столкнули и его столкнули и деньги его отняли, что сдѣлалъ это Лихачева человѣкъ Оома. На просьбу Θεодорита Лихачевъ отвѣчалъ: хожбы у тебя сто рублевъ было, то бы у тебя не боячасъ взяли. А этотъ Лихачевъ ограбилъ Ноглимозерскую пустынь, захватилъ въ плѣнъ жителей ея, мучилъ и сдалъ въ солдаты вмѣсто своихъ крестьянъ (№ 11, стр. 88—90).

Обнародовавъ эти документы, представляющіе недостатки приближавшихся къ упраздненію пустынь и монастырей, тронутыхъ литовскими и воровскими набѣгами и даже помѣщиками пристанно-

держателями, какъ Дихачевъ, г. Басковъ даетъ намъ образецъ благочестиваго пресвитера XVII вѣка, Герасима Анфимова, Троицкой церкви пресвитера въ Каргополѣ. Анфимовъ по своей природѣ принадлежалъ къ натурамъ созерцательнымъ. Онъ часто въ своей жизни имѣлъ видѣнія, ему снились вѣщіе сны. Хотя онъ былъ іерей, но его постоянно тянуло посѣщать монастыри. Въ нихъ онъ совершаетъ путешествія пѣшкомъ, иногда одинъ, иногда съ сыномъ, иногда со всѣми дѣтьми, изъ которыхъ у дочери было то же расположеніе къ созерцательности и она имѣла видѣнія. Онъ заказываетъ образъ Александра Ошевенскаго для его обители, проситъ у воеводы напрестольное евангеліе для небогатой Хергозерской пустыни. Онъ долго и усердно служилъ поповскимъ старостой, заботился о благочиніи и народной нравственности, писалъ памяти для іереевъ, чтобы они вѣнчали въ шестомъ часу дня, а позже и ночью не вѣнчали. Кончилъ жизнь свою Анфимовъ не только монахомъ, но схиимникомъ (№ 14, стр. 8—12).

Нельзя не упомянуть еще о нѣкоторомъ невѣрїи, образецъ котораго представляетъ монахъ XVII вѣка въ Кожеозерскомъ монастырѣ. Это былъ монахъ бояринъ Боголѣпъ «иже многіе люди житіемъ соблазняше и отцу духовному вѣщше 10-ть лѣтъ не исповѣдаше грѣховъ своихъ, комканію же святому выше 20 лѣтъ не общаяся, ниже въ церковь хождаше, о баче расколы и мятежи съ прочими творяше» (№ 5, стр. 95). Такой фактъ нельзя объяснять влияніемъ западнаго раціонализма. Описанный и подобные ему факты не скептицизмъ, а просто невѣрїе, которое у всякаго народа самостоятельно можетъ быть у нѣкоторыхъ личностей. Можно представить много свидѣтельствъ изъ древней Руси, когда невѣрїе и порицаніе святаго являлось подъ давленіемъ физическихъ или моральныхъ обстоятельствъ. Есть свидѣтельство о томъ, что сынъ отъ семейнаго гнета терялъ вѣру, доходилъ до отчаянія и въ состояніи *блженства* и горячности не падалъ ничего святаго ¹⁾, какъ большой сынъ попа произносилъ хулу на Бога ²⁾. Московскій подъячій дьякъ Щекина шелъ на поклоненіе святому, *попалъ къ разбойникамъ* и вотъ онъ пореченія творить на преподобнаго ³⁾. Есть указаніе на невѣрїе къ одному какому либо святому, такъ инокъ Михайлъ былъ одержимъ невѣрїемъ къ Кириллу Бѣлозерскому ⁴⁾.

¹⁾ Русская Рѣчь, № 40.

²⁾ Рук. Синод. Библ. № 292, стр. 86.

³⁾ Рук. Синод. Мил. Мин. Авг., стр. 509.

⁴⁾ Рук. Синод. Библиот. № 292, стр. 73.

Указаній на случай прямого невѣрія, да и то къ извѣстному святому все-таки мало ¹⁾. Изъ многихъ приведенныхъ нами указаній видно, что если бывало невѣріе, то къ какому либо извѣстному святому или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, того-же, что называется рационализмомъ или вольнодумствомъ, нѣтъ. Болѣе частыя указанія мы находили на то, что напр. о преподобномъ Варлаамѣ Пенѣжскомъ сумняхуся мнози, мняху бо святаго *яко простомудрина*, а не одинаго отъ святыхъ ²⁾. Приведенное нами выше указаніе на поведеніе инока князя Боголѣпа г. Басковъ также объясняетъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Боголѣпу, быть можетъ, не нравилось, что сельскій мужикъ въ противность давно вкоренившемуся обычаю, защищавшемуся даже знаменитымъ Іосифомъ Волоколамскимъ — производить архіереевъ изъ бояръ — постановленъ (Никонъ) в митрополиты, затѣмъ въ патріархи, а онъ бояринъ (жившій въ одномъ монастырѣ съ нимъ) обойденъ». Припоминая тогдашній взглядъ монашествующихъ изъ бояръ, такое предположеніе окажется вѣроятнымъ: наприм. иноку князю Вассіану не нравилось уже и то, что преподобный Макарій Колязинскій былъ прославленъ нетлѣніемъ мощей и чудесами, потому что онъ былъ изъ простолюдиновъ. «Господи, что это за чудотворцы, восклицаетъ Косой. Сказываютъ въ Колязинѣ Макарь чудеса творить, а мужикъ былъ сельской (Истор. рус. церк. Митроп. Макарія т. IV стр. 200) ³⁾».

Главное достоинство настоящаго труда заключается въ обнаруженіи многихъ новыхъ памятниковъ нашей древней письменности, въ томъ, что авторъ пользовался первоисточниками, рукописными матеріалами. Авторъ разобралъ архивъ Спасо-Каргопольскаго монастыря, пользовался архивами и другихъ монастырей и пустынь, собралъ въ свою бібліотеку много архивнаго монастыр-

¹⁾ Иларіонъ ведерникъ, пришедши къ преподобному Никитѣ, столпнику Переяславскому, и говоритъ присутствовавшимъ «всеу тружаетесь» (Рук. Син. Библ. Мил. Мин. Май, стр. 1307). Когда несли мощи святаго, то одинъ чело-вѣкъ, прежде не вѣровавъ святому, говоритъ «зачѣмъ самъ князь и такое множество народа идутъ вслѣдъ одному чело-вѣку и такую честь воздаютъ ему» Рук. Румян. Музея, № 434, стр. 270). Нѣкто Иванъ говорилъ, что чудеса преподобнаго Артемія Веркольскаго не истинны, потому что онъ убить отъ молніи Рук. Син. Биб. Мил. Мин. Июль, ст. 1350). Въ жизнеописаніи Святаго Тихона, Луговскаго г., что инокъ Θεодосій пришелъ явственно ожидать чудесъ святаго долго пребылъ и сомнѣвался (Рук. Син. Библ. Мил. Мин. Июнь, ст. 735).

²⁾ Рук. Син. Библ. № 613, стр. 41.

³⁾ Докучаева-Баскова № 5. Кожеозерскій монастырь, стр. 95, 96.

скаго матеріала, который и цитуетъ. Оказывается даже, что нѣкоторые изъ крестьянъ обладали архивными матеріалами, которыми г. Басковъ и воспользовался. Онъ говоритъ, что документы печатагь *цѣликомъ, нисколько не измѣняя слога*, что конечно нужно ему вмѣнить въ заслугу. За то авторъ не имѣетъ обыкновенія опредѣлять вѣка рукописи и характера письма, которымъ она написана.

Въ своемъ трудѣ г. Басковъ помѣстилъ жизнеописанія преподабныхъ Кирилла Челмскаго и Діодора Юрьегорскаго. Оба эти жизнеописанія до сихъ поръ не были изданы, а потому обнародованіе ихъ составляетъ заслугу г. Баскова. Но онъ ничего не замѣтилъ относительно того, что житія эти не составляютъ открытія его и были извѣстны ученымъ, наприм. профессору Ключевскому у котораго былъ списокъ древней редакціи житія и чудесъ Кирилла Челмскаго ¹⁾ и какъ списокъ Милютинскихъ миней житія Діодора Юрьегорскаго ²⁾.

Не смотря на нѣкоторые недостатки, отчасти указанные нами, мы считаемъ настоящій трудъ г. Докучаева-Баскова полезнымъ вкладомъ въ число изслѣдованій и матеріаловъ для изученія исторіи русской церкви и русской исторіи вообще, а автора его достойнымъ награжденія малою Уваровскою премією.

¹⁾ Ключевскаго. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, 1871 г., стр. 320—322.

²⁾ *ib.*, стр. 326.

